
Анна Ветрова
Соль на губах
18+

Анна Ветрова

Соль на губах

«Автор»
2026

Ветрова А.

Соль на губах / А. Ветрова — «Автор», 2026

Она получила в наследство дом, о котором ничего не знала. И мужчину, который знал слишком много.Вероника приезжает в Сочи принять наследство от матери, которая умела молчать так, что вопросы застревали в горле. Вместо ответов — запущенный особняк «Морская роза» на скале, запах «Шалимара» и закрытые комнаты без ключей.Управляющий Егор предупреждает: не торопись. А незнакомый нотариус предлагает сорок два миллиона за четверть дома — и намекает, что желающих много.Вечером в отеле «Атлантис» её встречает Арсений Громов. Тяжёлый взгляд, седина у висков, и он знает её мать. Он знает больше, чем говорит. И он не свистит.Один дом. Две мужские фигуры. Три четверти чужих тайн. Лето, в котором жарко не только от солнца. Романтический триллер о наследстве-ловушке, матери, унёсшей слишком много, и о том, как трудно не торопиться, когда предупреждают.

© Ветрова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Жаркое лето 5
Глава 1. Чужой дом 6
Глава 2. Мужчина в белой рубашке 15
Глава 3. Цена желания 28
Глава 4. Закрытая комната 40
Глава 5. После полуночи 50
Глава 6. Женщина с прошлого 59
Часть II. Территория соблазна 72
Глава 7. Голос из прошлого 73
Глава 8. Чужая постель 85
Конец ознакомительного фрагмента. 90

Анна Ветрова
Соль на губах

Часть I. Жаркое лето

Глава 1. Чужой дом

Такси вынырнуло из тоннеля, и Сочи обрушился на Веронику сразу всем: слепящим солнцем, синей полосой моря между домами, запахом нагретой хвои и соли. Она опустила стекло до конца, и в салон ворвался горячий ветер. Он тут же вытащил из небрежного пучка несколько прядей и бросил ей на лицо.

Вероника не стала их убирать.

Двадцать четыре года, третий день без нормального сна, чёрные очки на пол-лица и белый льняной сарафан на тонких бретелях. Подол заканчивался намного выше колен, и таксист на светофоре уже в третий раз делал вид, что поправляет зеркало. Она это видела и привычно пропускала мимо. Мужские взгляды давно стали для неё чем-то вроде погоды: можно не обращать внимания, можно использовать, но от них не спрячешься.

– Вы к кому в Приморье? – не выдержал он. – Там сплошные виллы. Или отдыхать?

– Принимать наследство, – сказала Вероника.

Фраза прозвучала так буднично, будто речь шла о посылке на почте. Таксист кашлянул и сочувствовать не стал. За это она была ему почти благодарна.

Мамы не стало шесть недель назад. Сердце, сказали врачи, внезапно, в поездке, без свидетелей. Хоронили в закрытом гробу. Объяснили, что так лучше, и Вероника, оглушённая, не нашла в себе сил спорить. Теперь в сумке лежало письмо от нотариуса с гербовой печатью и фразой, от которой у неё до сих пор холодели пальцы: «…доля в праве собственности на объект недвижимости, расположенный по адресу…»

Мать никогда не говорила ни о каком доме в Сочи. Вообще ни о чём не говорила. Лидия Белова умела молчать так, что вопросы застревали у собеседника в горле. На любое «а раньше?» она отвечала улыбкой и вопросом про ужин.

Такси свернуло с шоссе, и мир изменился. Исчезли шум, реклама и пробки. Дорога пошла вверх между высокими глухими заборами, увитыми глициниями и розами. Над заборами торчали кипарисы, тёмные и ровные, как свечи, а за ними иногда мелькали белые стены, черепичные крыши, стеклянные веранды. Тут жили люди, которые не опускали окна в машинах и не читали писем от нотариусов, а получали готовые решения от помощников.

– Приехали, – сказал таксист и затормозил у ворот.

Ворота были кованые, тёмно-зелёные, с облупившейся местами краской. Между прутьями рос вьюнок. На столбе виднелась потемневшая бронзовая табличка с витиеватыми буквами: «Морская роза».

Вероника расплатилась, выбралась наружу и вытащила чемодан. Колёсики сразу застряли в щебёнке. Она постояла, глядя на ворота, и почувствовала, что ноги отказываются идти дальше. Странное, глупое ощущение: будто за этими прутьями её уже ждут.

– Ну же, – тихо сказала она самой себе. – Это просто дом.

Калитка отворилась с долгим протяжным скрипом.

За ней начиналась аллея. Кипарисы стояли по обе стороны почти вплотную и отбрасывали на дорожку густые синие тени. Под ногами хрустел светлый гравий, пахло горячей смолой, цветущим жасмином и чем-то сладким, перезрелым, наверное, инжиром, упавшим на землю. Откуда-то издалека, из-за деревьев, доносился ровный шорох, и Вероника не сразу поняла, что это море.

Аллея вывела её на открытое пространство, и она остановилась.

Особняк стоял на выступе скалы, как корабль, вытащенный на берег. Двухэтажный, длинный, белый, с высокими колоннами, поддерживавшими широкий балкон. Штукатурка местами облупилась и пошла пятнами, но в этой запущенности было своё достоинство. Окна первого этажа от пола до потолка закрывали ставни цвета старой бирюзы, часть окон второго этажа

блестела на солнце, как зеркала. С левой стороны к дому лепилась стеклянная веранда, густо оплетённая плющом. С правой в сад уходили каменные ступени, и там, внизу, за зарослями олеандра, отблёскивала вода бассейна.

Вероника сняла очки. Глаза привыкали к свету медленно. Карие, большие, с золотистыми искрами у зрачка, под густыми ресницами они сейчас казались почти чёрными от усталости. Она провела ладонью по шее, смахнула липкую каплю пота и подумала, что выглядит, наверное, ужасно: на скуле отпечаток подушки из самолёта, под глазами синяки, волосы живут собственной жизнью.

Хотя нет. Ужасно она не выглядела никогда. Это ей уже объяснили многие, начиная с шестнадцати лет, и обычно с таким видом, будто это достижение, а не случайность генов.

– Здравствуй, мама, – сказала она вслух, глядя на дом. – Ну и куда ты меня привела?

Дом промолчал. Только ставень на втором этаже тихо стукнул о стену, хотя ветра не было.

***

Он появился из-за угла так бесшумно, что Вероника вздрогнула и выронила очки.

Высокий, сухой, загорелый до цвета старого дерева, в защитных штанах и серой футболке, плотно сидевшей на широких плечах. Лет тридцать пять – сорок, короткие тёмные волосы, жёсткая линия челюсти и взгляд человека, привыкшего сначала смотреть, а потом говорить. Правую руку он держал так, будто в ней должно что-то быть, а сейчас не было. Военная привычка, поняла Вероника.

– Вероника Андреевна? – Голос ровный, низкий, без интонации. – Егор Власов. Управляю домом.

– Просто Вероника, – сказала она, поднимая очки. – От «Андреевны» у меня начинается изжога.

Что-то мелькнуло у него в лице. Не улыбка, скорее её тень.

– Тогда просто Вероника. Я встретил бы вас у ворот, но такси приехало раньше. Обычно оно опаздывает.

– Видимо, водитель очень хотел избавиться от меня.

– Видимо, водитель очень хотел вам помочь.

Он взял её чемодан, будто тот ничего не весил, и пошёл к дому. Она двинулась следом, отметив про себя, что шаги у него мягкие, как у человека, который привык ходить там, где нельзя шуметь.

Внутри было прохладно и темно после уличного блеска. Первое, что она почувствовала, был запах: старое дерево, воск, сухие травы и слабый-слабый аромат духов. Знакомых. Она остановилась, не донеся ногу до следующей плитки.

– Что-то не так? – спросил Егор.

– Нет. Просто… – Она сглотнула. – Моя мама пользовалась такими духами. «Шалимар». Их давно не выпускают в старой версии.

– Здесь в вазе на втором этаже лежали сухие лепестки, пропитанные этим запахом, – сказал он после короткой паузы. – Лидия Сергеевна приказала их не убирать. Они там до сих пор.

Вероника кивнула и больше ничего не спросила. Горло перехватило, и она боялась, что голос выдаст её.

Холл оказался огромным. Мраморный пол, чёрно-белая шахматная плитка, выцветшая и потрескавшаяся в углах. Широкая лестница с резными перилами уходила на второй этаж и там разделялась на два крыла. Над лестницей висела тяжёлая люстра, вся в паутине и тусклых хрустальных каплях. На стенах темнели картины: морские пейзажи, штормы, парусники. Свет пробивался сквозь щели в ставнях тонкими золотыми полосками и падал на пол, превращая его в клавиши рояля.

– Здесь давно никто не жил, – сказал Егор, поймав её взгляд. – Лидия Сергеевна приезжала редко. Но дом я содержал. Крышу перекрыл прошлой зимой, проводку поменял в восточном крыле. Остальное в таком состоянии, в каком вы видите.

– В таком состоянии дом выглядит как декорация к фильму ужасов, – честно сказала Вероника. – Красивая, дорогая декорация.

– Дом старый. У него есть характер.

– Это вы так деликатно говорите, что тут бывают привидения?

– Я говорю, что здесь бывает сквозняк, – сухо ответил он. – Привидений я не встречал.

Она фыркнула. Он смотрел серьёзно, но уголок рта всё-таки дрогнул. Вероника поймала себя на том, что с ним ей спокойнее, чем с половиной знакомых мужчин. Он не пытался ей понравиться. Не прикидывал, во что она одета. Просто делал свою работу.

Он повёл её по дому. Гостиная с камином и тёмными кожаными диванами, где на журнальном столике так и лежала раскрытая книга, и страницы успели пожелтеть. Столовая на двадцать персон, овальный стол под белой простынёй, похожий на покойника в морге. Кухня с медными кастрюлями и огромной печью. Библиотека, в которой пахло пылью и табаком, хотя в этом доме, по словам Егора, никто не курил уже лет десять. Веранда с плетёной мебелью, где сквозь плющ зелёными пятнами падало солнце.

Из окна веранды открывался вид на море, и Вероника замерла. Внизу, под обрывом, лежала бухта, почти круглая, зажатая между двумя скалистыми мысами. Вода была ярко-бирюзовой у берега и темнела к горизонту до густого индиго. По ней скользила одинокая белая яхта, и солнце на её парусе вспыхивало острой искрой.

– Красиво, – выдохнула она.

– Красиво, – согласился Егор. – Особенно ночью. Ночью море здесь шумит громче.

Они поднялись на второй этаж. Здесь коридор шёл по кругу, как галерея, а двери выходили на обе стороны. Егор открывал одну за другой: спальня для гостей, ещё одна, ещё, кабинет с огромным письменным столом, ванная с чугунной ванной на львиных лапах.

– А это ваша комната, – сказал он, распахнув последнюю дверь. – Бывшая спальня Лидии Сергеевны.

Вероника вошла и остановилась на пороге.

Комната была светлой, на два окна, с высоким потолком и широкой кроватью под белым балдахином. На комоде стояли флаконы, расчёска с несколькими седыми волосками, фарфоровая шкатулка. На подоконнике лежала забытая шаль цвета морской волны, та самая, в которой мать ходила по дому в Москве по вечерам. Вероника шагнула к ней, взяла в руки и прижала к лицу. Шерсть пахнула «Шалимаром», дымком и чем-то неуловимым, материнским.

Она простояла так довольно долго. Егор не двигался и не говорил ни слова. Потом тихо отступил к двери.

– Вы устали с дороги, – сказал он наконец. – Я приготовлю кофе.

– Подождите. – Она не открыла глаз. – Егор… вы знали мою маму?

– Знал.

– Какой она была здесь? Не в Москве. Здесь.

Пауза затянулась так, что Вероника всё-таки обернулась. Он стоял в дверях, и свет из коридора делал его лицо почти неподвижным, как маска.

– Осторожной, – сказал он.

– В каком смысле?

– В прямом. – Он помедлил. – Вероника, я вам вот что скажу. В доме есть помещения, которые давно закрыты. Ключей у меня нет, Лидия Сергеевна забрала их с собой. Я не прошу вас не искать. Я прошу вас не торопиться. Дом не любит, когда его торопят.

– Звучит как угроза.

– Звучит как совет. – Он слегка наклонил голову. – Кофе будет через десять минут.

Он ушёл. Вероника осталась одна с шалью в руках и впервые за много дней позволила себе заплакать тихо, без всхлипов, просто слёзы побежали по щекам и закапали на шерсть. Это было не горе даже, скорее злость. Мать унесла с собой слишком много и не оставила даже подсказки, как это разбирать.

***

К двум часам дня жара стала плотной, вязкой, как мёд. Вероника лежала на веранде в плетёном кресле, вытянув ноги на низкую скамейку, в одном купальнике и тонкой полупрозрачной накидке. Она приняла душ, переоделась, выпила две чашки крепчайшего кофе и немного пришла в себя. Волосы, мокрые после мытья, ложились на плечи тяжёлыми прядями. На коже оставались капли воды, и на солнце они сверкали, как крошечные стёкла.

Телефон зазвонил, когда она почти задремала. Номер незнакомый, московский.

– Вероника Андреевна Белова? – Женский голос, бодрый, профессионально-вежливый. – Вас беспокоит нотариальная контора Левицкого. Мы оформляли документы вашей матушки.

– Да, слушаю.

– Прекрасно. Вы уже на месте? Ознакомились с объектом?

– Только что приехала. Ознакомилась с гостиной и холодильником.

На том конце вежливо хохотнули, хотя шутку явно не поняли.

– Тогда я сразу к делу. Вам необходимо знать, что на объект имеется предложение о выкупе. Вторая сторона готова подписать договор в течение недели. Сумма весьма достойная.

– Какая сумма?

Женщина назвала цифру. Вероника села прямо, и накидка соскользнула с одного плеча.

– Простите, повторите?

– Сорок два миллиона рублей за вашу долю, – терпеливо сказала нотариус. – Это предварительное предложение, окончательное будет обсуждаться.

– За долю. Какая это часть дома?

– Двадцать пять процентов.

Вероника молча смотрела на тёмные колонны веранды. Двадцать пять процентов. Значит, дом стоил… она быстро посчитала… сто шестьдесят восемь миллионов. Минимум. А скорее всего, гораздо больше, потому что земля у моря в Сочи не стоила дешёвых денег.

– Подождите, – проговорила она. – А кому принадлежат остальные семьдесят пять процентов?

– Это вопрос, который лучше обсуждать лично. – Голос нотариуса стал осторожным. – Я не имею права по телефону. Скажу только, что у вас, как у наследницы, есть определённые права, в том числе преимущественное право отказаться от предложения. Не торопитесь с решением. Но и тянуть не рекомендую.

– Это почему?

Короткая пауза.

– Потому что интерес к объекту проявляют несколько сторон, Вероника Андреевна. А когда несколько сторон хотят одно и то же, конфликт неизбежен.

Звонок оборвался, женщина вежливо попрощалась и положила трубку. Вероника ещё минуту держала телефон у уха и слушала тишину.

Потом сказала в пустоту:

– Ну, мама. Здорово.

Она встала, прошлась по веранде босиком. Нагретые доски обжигали подошвы. Плющ шелестел за стеклом, и где-то внизу, в бухте, тарахтел катер. Сорок два миллиона. Для неё, московской девчонки, которая последние два года жила на фриланс-заказах и мамину помощь, эта цифра была как инопланетный язык.

Первой мыслью, постыдной и честной, было: «Продать. Немедленно, пока не передумали». Вернуться в Москву, закрыть кредит за машину, снять нормальную студию, купить,

наконец, то пальто, на которое она глядела всю прошлую зиму. Забыть этот дом, этот запах, эту шаль. Жить дальше.

Второй мыслью было: «А кому принадлежат остальные три четверти?» И третьей, самой неприятной: «Почему никто не позвонил мне раньше?»

Она вернулась в кресло и набрала подругу.

– Ника-а-а! – заорала Полина на том конце, перекрывая шум и музыку. – Ты живая?! Я как раз думала звонить! Ну как там, в твоих хоромах? Есть бассейн? Есть горячие садовники?

– Есть Егор. Он управляющий. Сухой как вобла и мрачный как крематорий.

– О, мрачные – это интересно. Описывай.

– Полин, у меня предложили сорок два ляма за четверть дома.

Музыка на заднем плане стихла. Видимо, Полина вышла на улицу.

– Повтори, – сказала она совсем другим голосом.

Вероника повторила.

– Ты сейчас шутишь? Или у тебя от жары мозги потекли?

– Увы. Мне ещё и намекнули, что желающих много.

– Ника. – Полина говорила медленно, как с ребёнком. – Слушай внимательно. Ничего не подписывай. Вообще ничего. Ни ручкой, ни пальцем, ни глазами. И найди себе юриста, нормального, не тот, которого тебе подсунут. Я завтра прилечу. Я как раз тут в Сочи по работе зависала на неделе, у меня там ивент-агентство… короче, я прилечу. Ты там одна не сиди.

– Ты не обязана…

– Заткнись, пожалуйста. Я твоя подруга, а не обязана. Это разные вещи.

Вероника улыбнулась в трубку, хотя подруга не могла её видеть.

– Спасибо.

– Не за что. Кстати, у тебя там сегодня вечером что? Мне тут написали, что в «Атлантисе» закрытый приём. Типа, весь сочинский бомонд. Сходи, развейся, посмотри на людей. И заодно выясни, кто тебя хочет купить.

– «Атлантис»? Это что?

– Отель. Громовской. Ты не знаешь Громова?

– Не знаю.

– Узнаешь, – загадочно хмыкнула Полина. – Туда всех зовут, кто хоть что-то значит в этом городе. А ты теперь вроде как значишь. Сорок два миллиона, детка. Надевай чёрное и иди.

***

Чёрного платья у неё с собой не было. Было тёмно-синее, шёлковое, на тонких бретелях, с открытой спиной и длинным разрезом от бедра. Вероника купила его полгода назад на распродаже и ни разу не надела: слишком уж откровенное, слишком вызывающее. Сегодня оно висело на дверце шкафа и словно подмигивало.

– Ладно, – сказала она платью. – Раз ты так настаиваешь.

Через сорок минут она стояла перед зеркалом в бывшей маминой спальне. Волосы распущены тяжёлой тёмной волной, на губах вишнёвая помада, в ушах длинные серьги с мелкими бриллиантиками, подарок матери на двадцатилетие. Шёлк холодил кожу и спускался вдоль тела мягко, как вода. Когда она двигалась, разрез приоткрывал гладкое загорелое бедро, и она, поймав в зеркале это движение, невольно выпрямила спину.

Красивая. Опасно красивая, сказала бы мама. Лидия всегда говорила эту фразу с оттенком тревоги, а не гордости. Тогда Вероника не понимала почему.

«Атлантис» выглядел как корабль-призрак, вынырнувший из золотого тумана. Двадцать этажей стекла и белого камня над самой кромкой берега, подсветка меняла цвет от лазурного до пурпурного, по периметру стояли пальмы в кадках, каждая высотой с трёхэтажный дом. Внутри в огромном холле гудели голоса, смех, звон бокалов, играл живой джаз. Мраморный

пол отражал люстры, у стойки ресепшена стоял целый строй мужчин в чёрных костюмах с наушниками.

Её провели через зал, мимо официантов с подносами, мимо дам в вечерних платьях, мимо мужчин, которые провожали её взглядом. Она шла, не торопясь, чуть покачивая бёдрами, как человек, которому нечего скрывать. Внутри всё дрожало мелкой нервной дрожью, но лицо оставалось спокойным.

На террасе, выходящей на море, было прохладнее. Столики под белыми скатертями, свечи в стеклянных колпаках, кованые перила, за которыми шумел прибой. На западе небо расплавилось в оранжево-красный, а над ним тянулись узкие розовые облака. Вероника взяла с подноса бокал шампанского и подошла к перилам.

– Одна из самых красивых картин города, – произнёс мужской голос за её спиной. – Но, должен признаться, не самая красивая из тех, что я сегодня вижу.

Она обернулась.

Он стоял в трёх шагах от неё, держа в руке стакан с чем-то янтарным. Высокий, на голову выше большинства гостей, широкоплечий, в тёмно-сером костюме, сидевшем безупречно, как вторая кожа. Рубашка белая, расстёгнутая на две пуговицы, без галстука. Тёмные волосы чуть тронуты сединой у висков, лицо жёсткое, с резкими скулами и слегка тяжёлым подбородком. Но больше всего её задержал взгляд: серые, спокойные, тяжёлые глаза, смотревшие так, словно перед ним не человек, а актив.

– Не знала, что в Сочи такой уровень комплиментов, – сказала она. – Обычно просто свистят.

– Я не свищу.

– Заметно.

Уголок его рта поднялся. Он сделал шаг ближе, и она ощутила запах: кожа, дорогой табак, чуть-чуть цитруса и тёплого дерева.

– Арсений Громов, – сказал он. – Я хозяин этого безобразия.

– Вероника Белова. Я гость этого безобразия.

– Белова, – повторил он медленно, и что-то в его лице изменилось, едва заметно, как рябь на воде. – Дочь Лидии?

Она сжала бокал сильнее, чем собиралась.

– Вы знали мою маму?

– Все знали вашу маму, – мягко сказал он. – Кто в Сочи более-менее давно живёт. Приношу соболезнования. Это тяжёлая потеря.

Слова были правильными, интонация тоже. Но в глазах не было ни капли сочувствия, там было что-то другое: внимательное, оценивающее. Как будто он смотрел на карточку, которую долго ждал, и теперь она наконец легла на стол.

– Спасибо, – сказала Вероника и сама удивилась холоду в голосе.

– Вы не любите, когда вас жалеют.

– Я не люблю, когда мужчины делают вид, что им жаль, а сами прикидывают, сколько я стою.

Он рассмеялся. Низко, коротко, по-настоящему, и несколько женщин за соседним столиком повернули головы.

– Прямо в цель. – Он отпил из стакана. – Ладно. Не буду притворяться. Я действительно прикидывал. Вы получили долю в «Морской розе». Я заинтересован в этом участке. Не буду сейчас говорить о деньгах, не то место и не то время. Но я хочу, чтобы вы знали: я предложу честную цену.

– Звучит заманчиво. И немного пугающе.

– Это нормально. Пугающее обычно и есть самое заманчивое. – Он взглянул на неё поверх стакана. – Вы любите море, Вероника?

– Я в нём выросла. В Москве у нас была дача на Истре, это почти море.

– Истра, – повторил он и вдруг улыбнулся по-настоящему, мягко, и лицо его на секунду стало почти мальчишеским. – Это почти как Мальдивы.

– Только комаров больше.

– Согласен. Но с комарами вы справляетесь, я смотрю. – Он кивнул на её руки. – Ни одного укуса.

– Я просто очень невкусная.

– Сомневаюсь.

Слово повисло между ними, и Вероника почувствовала, как кровь приливает к щекам. Она отвернулась к морю, надеясь, что в сумерках он ничего не заметит. Но она знала, что он заметил. Такие люди замечают всё.

– Я хотел бы пригласить вас на ужин, – сказал он спокойно. – Не по делу. Просто ужин. Или обед. Завтра, послезавтра. Как вам удобнее.

– Я только что приехала. Я ещё не знаю, в каком часовом поясе живу.

– Тогда я подожду, пока вы определитесь.

– Вы всегда ждёте?

– Нет. – Он сказал это так просто, что ей стало не по себе. – Как правило, не жду. Но в вашем случае я готов сделать исключение.

Она хотела ответить колкостью, но вдруг заметила, что на террасу вышла женщина. Белый костюм, короткая платиновая стрижка, холодные голубые глаза, безупречный профиль. Она стояла в проходе и смотрела на них, не мигая. На губах была вежливая улыбка, и от этой улыбки хотелось отойти на два шага назад.

– Вас ищут, кажется, – тихо сказала Вероника.

Арсений даже не обернулся.

– Это Маргарита Вельская, – сказал он ровно. – Жена одного очень влиятельного человека. И, к сожалению, моя хорошая знакомая. Постарайтесь не слишком с ней сближаться.

– Почему?

– Потому что она улыбается тем, кого собирается уничтожить.

Он коротко кивнул Веронике и ушёл, и толпа расступилась перед ним, как вода перед носом корабля. Маргарита проводила его взглядом, потом медленно повернула голову и посмотрела на Веронику. Так смотрят на новую вещь в чужом доме, которую пока непонятно, куда поставить, но которая уже раздражает.

Вероника выдержала взгляд. Допила шампанское. Улыбнулась в ответ ярче и наглее, чем следовало.

Внутри у неё всё сжималось, но снаружи это никто бы не заметил.

***

Домой она вернулась уже за полночь. Таксист высадил её у ворот, и до особняка пришлось идти пешком по аллее. В темноте кипарисы казались живыми, они чуть покачивались и шептали что-то на своём древесном языке. Гравий хрустел так громко, что она невольно замедлила шаг. Откуда-то из сада доносился стрекот цикад, ровный, звенящий, почти оглушающий. Воздух был тёплый, густой, пах ночной жимолостью и солью.

В холле горела только одна лампа. Егор, видимо, ушёл спать в свой флигель. Она сбросила туфли у лестницы, взяла их в руку и поднялась на второй этаж босиком, придерживая подол платья. Шёлк шуршал о ноги. Паркет под ступнями был прохладным, чуть скрипел.

В спальне она включила торшер у кровати, и комната проступила из темноты: балдахин, шаль на подоконнике, раскрытый чемодан. Вероника села на край постели и стянула серьги. Мочки горели. Голова гудела от шампанского и впечатлений. В ушах всё ещё стояли чужие голоса, смех, джаз, обрывки фраз. Она думала про серые глаза Арсения и про его слова: «Все знали вашу маму».

А она, дочь, не знала почти ничего.

Вероника встала, подошла к комоду и открыла верхний ящик. Бельё матери, аккуратно сложенное, кружевное, пахнущее лавандой. Нижний ящик: шарфы, перчатки, пара старых журналов. Она рылась без цели, просто чтобы чем-то занять руки. В среднем ящике нашлась шкатулка, та самая, фарфоровая, с росписью в виде ветки миндаля.

Крышка поддалась не сразу. Внутри лежали несколько колец, тонкая золотая цепочка, ключик с красной ленточкой, наверное, от какого-нибудь чемодана, и маленький конверт, сложенный вдвое. Вероника развернула его. Внутри оказалась фотография.

Старая, с жёлтыми краями, снятая, судя по цвету, лет двадцать пять назад. На снимке была мама. Молодая, моложе, чем Вероника когда-либо её помнила. Загорелая, смеющаяся, в лёгком сарафане, с развевающимися волосами. Она стояла на каменном пирсе, а за её спиной вздымались морские волны. Но смотрела Лидия не в камеру. Она повернула лицо к мужчине рядом.

Мужчина был высоким, тёмноволосым и обнимал её за талию так, как обнимают женщин, которых любят. Лица его почти не было видно: он стоял вполоборота, чуть наклонившись к ней, и волосы падали ему на лоб. Но что-то в посадке головы, в разлёте плеч, в наклоне подбородка показалось Веронике странно знакомым.

Она перевернула снимок. На обороте, мамиными мелкими аккуратными буквами, было написано:

«Лето. Последнее хорошее».

Больше ничего. Ни имени, ни даты.

Вероника сидела и смотрела на фотографию, пока свет торшера не начал расплываться в глазах. Потом она заметила, что руки дрожат, и осторожно положила снимок на колени.

Мама никогда не рассказывала про отца. «Он умер до твоего рождения», – говорила она ровно, и этого хватало, чтобы вопрос больше не поднимался. Вероника выросла с мыслью, что отцовская тема закрыта, как дверь, заколоченная гвоздями. Но этот мужчина на фото не выглядел призраком. Он выглядел живым, тёплым, влюблённым. Он смотрел на её мать так, как не смотрит никто из тех, кто «умер до рождения».

Кто он?

Она подняла голову и вдруг почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Тихо, почти неуловимо. Сквозняк? Нет, окна закрыты. Звук? Нет, всё тихо. Просто воздух стал другим, плотнее, как перед грозой.

Вероника повернулась к двери.

Дверь была приоткрыта.

Она помнила, что закрывала её. Точно помнила: щёлкнула замком, потом ещё придержала рукой. Сейчас между дверью и косяком темнела полоска коридорной мглы шириной в ладонь.

– Егор? – позвала она негромко.

Тишина.

Она встала и босиком прошла через комнату. В ушах гудела кровь, ровно и глухо, как в раковине. Рука, сжимавшая фотографию, взмокла. Она подошла к двери, толкнула её и выглянула в коридор.

Пусто. Длинная галерея, редкие светильники, чёрные проёмы дверей. Всё тихо. Только где-то в глубине дома с долгим, тягучим вздохом закрылась другая дверь.

– Кто здесь? – Голос сорвался на шёпот, и ей стало стыдно за него.

Ответа не было.

Вероника постояла ещё секунд десять, потом вернулась в комнату, заперла дверь на два оборота и подперла её стулом. Глупо, по-детски, но руки сами это сделали. Потом выключила

верхний свет, оставила только торшер и села на кровать, подтянув колени к груди. Шёлк платья зашуршал, облегая тело. Фотография снова лежала в её ладонях.

За окном шумело море. Теперь оно действительно звучало громче, чем днём, глубоко и ровно, как дыхание огромного спящего зверя. Где-то там, внизу, в темноте, билась о камни вода, и каждый удар отзывался в стенах дома тихой дрожью.

«Лето. Последнее хорошее».

Она снова и снова вглядывалась в тёмную фигуру рядом с матерью, и в какой-то момент ей показалось, что она уже видела этот наклон головы. Видела совсем недавно. Сегодня вечером. На террасе, под оранжевым небом, с бокалом в руке.

Вероника зажмурилась. Нет. Не может быть. Это игра воображения, усталость, шампанское.

Но когда она снова открыла глаза и поднесла снимок ближе к свету, сомнения уже не оставляли места для уверенности. Они только делали страх глубже.

Где-то далеко, в глубине особняка, скрипнула половица. Потом ещё одна. Потом долгая тишина, которая была страшнее любого звука.

Вероника выключила торшер и осталась в темноте, прижимая к груди старую фотографию, как талисман. За окнами светлело небо над морем, или ей только казалось. Ночь в «Морской розе» только начиналась.

Глава 2. Мужчина в белой рубашке

Ночь она не спала, а пересиживала. Лежала поверх покрывала в платье, потом в футболке, потом просто смотрела, как потолок меняет цвет: чёрный, мутно-серый, молочный, наконец золотистый. Дверь так и стояла подпёртая стулом. Утром этот стул показался Веронике таким же нелепым, как детский ночник, и она торопливо убрала его, пока никто не увидел.

Егор уже уехал на рынок, на кухонном столе под салфеткой нашлись холодные лепёшки и банка тёмного инжирного варенья. Записка, одна строчка острым почерком: «Телефон в холле работает. Номер мой на стикере». Ни слова про ночь, ни слова про скрип. Вероника съела лепёшку стоя, запила водой из-под крана, отдающей железом, и поняла, что в этом доме завтракать в одиночку она не хочет.

Тропа к бухте начиналась за олеандрами: каменные ступени, потом узкая дорожка серпантином, натёртая тысячами босых ног до гладкости. Кусты по сторонам цеплялись за подол сарафана. Пахло нагретой пылью, чабрецом и тиной. Внизу работал какой-то мотор, коротко, как будто кашлял, и хохотали чайки. На повороте она остановилась, чтобы перевести дух, и увидела ресторан: деревянная платформа на сваях, вынесенная прямо в воду, белые навесы, плетёные кресла, гирлянда мелких лампочек, выцветших от солнца. Над входом висела доска с надписью от руки: «Причал». Ниже, мельче: «Рыба. Вино. Без понтов».

Полину она узнала издалека. Трудно не узнать человека, который сидит на краю веранды, закинув ноги на соседнее кресло, и размахивает руками над горой чемоданов. Розовато-пепельное каре, нос с серебряным колечком, огромные круглые серьги, шорты с карманами до колен и майка с надписью «Не сегодня, Сатана». Рядом на стуле лежала джинсовая куртка, под ногами громоздился оранжевый чемодан величиной с хорошего пони.

– Ника! – завопила она, вскочив. Две дамы за дальним столиком оглянулись. – Ты в этом платье?! Ты как с обложки сбежала! Иди сюда, дай я тебя оближу!

– Не надо меня облизывать.

– Тогда обниму.

Обнимала Полина так, как делала всё остальное: с размахом, до хруста в рёбрах. От неё пахло самолётом, жвачкой со вкусом арбуза и тяжёлыми сладкими духами. Вероника вдруг ощутила, как что-то в груди, сжатое третьи сутки, чуть-чуть отпустило.

– Ты когда прилетела?

– В шесть сорок. Взяла такси, оставила вещи в твоём этом замке… нет, не в замке, там какой-то бука в заборе ворота не открыл, и я бросила чемодан у калитки, а сама к тебе. Ты же в ресторане, я по геолокации, не ссы. Садись, я уже заказала.

– Откуда ты знала, что я приду сюда?

– Ника, тут один нормальный ресторан в радиусе километра. Плюс твой управляющий на кухне вчера по телефону сказал, что «внизу есть Причал». Я с ним поболтала, пока ты в душе. Он, кстати, голос имеет, как бетонный забор.

– Ты ему звонила?

– Ну да. Тебе номер не отвечал. Ты спала, как мёртвая.

Вероника села. Скатерть была грубая, льняная, на ней лежал круглый деревянный подсолнух с солью. Под досками пола плескалась вода, и пол чуть качался в такт набегающим волнам. Утреннее море было мягким, перламутровым, пока без блеска. На горизонте стоял танкер, как нарисованный.

Официант, босой парень лет двадцати с длинной чёлкой, поставил на стол две обжигающие лодки хачапури с яйцом, блюдце с инжиром и жёстким белым сыром, кувшин граната и тарелку мелкой жареной барабульки.

– Заказала всё, что тут есть? – уточнила Вероника.

– Заказала всё, что можно съесть руками. Нормальная еда не должна требовать вилку. Ешь. Рассказывай. Только по порядку и ничего не пропускай. Ты по телефону говорила, как будто тебя в багажнике везли.

Вероника отломила кусок горячего теста, макнула в расплавленное яйцо и вдруг почувствовала, что умирает от голода. Рассказывала, жуя, обжигаясь и жмурясь: про Егора, про шаль, про сорок два миллиона, про платье и террасу. Про Арсения. Про серые глаза, про «все знали вашу маму». Про женщину в белом, которая улыбалась, как нож в масле.

– Стоп, – сказала Полина, подняв палец. – Громов. Арсений Громов, высокий, седой на висках, взгляд типа «я куплю тебя вместе с твоим домом»?

– Ты его знаешь?

– Весь Сочи его знает. Я его один раз видела на закрытом ивенте, издалека, нам так положено, обслуживающему персоналу, – Полина фыркнула. – Мужик-айсберг. Про него говорят, что он жену не имел, потому что никто не выдержал. Но детка, не ведись. Там у него конкуренция с Вельским такая, что у людей волосы дыбом. Они друг друга уже лет десять через третьих лиц душат.

– Это тот Вельский, у которого жена в белом?

– Константин Вельский. Строительный бог. Ему половина берега принадлежит. – Полина понизила голос и огляделась, хотя рядом никого не было. – И, Ника, если тебя этот дом правда интересует нескольким мужикам одновременно, значит, ты села не на табуретку, а на бочку с порохом.

– Спасибо, очень ободряет.

– Я не ободряю. Я предупреждаю. Ободрять буду потом, когда выживем.

Вероника вытерла пальцы салфеткой и достала из сумки телефон. На экране лежал снимок, сделанный ночью: фотография матери и тёмноволосого мужчины на каменном пирсе. Она положила телефон перед подругой.

– Это я нашла в шкатулке. Вчера.

Полина взяла телефон, наклонила, приблизила. Лицо у неё на секунду стало совсем другим: острым, внимательным, как у человека, который что-то прикидывает. Всего на секунду. Потом улыбка вернулась на место.

– Ничего себе у тебя мама была. Красотка. Платье – вин. А мужик кто?

– Не знаю. Подпись только «Лето. Последнее хорошее». Я сидела и думала, это отец. Моя мать говорила, что он умер до моего рождения.

– Может, и отец.

– Ты смотрела на его осанку? Плечи, голова… Мне показалось, что я где-то уже видела…

Она осеклась. Говорить вслух «мне показалось, что это Арсений» было слишком глупо. Он старше её на шестнадцать лет, на снимке мужчине около тридцати, а Арсению в те годы было семнадцать. Выходило, что сходство она придумала: разворот плеч, наклон головы, то, что усталый мозг подсовывает, когда ищет знакомое в чужом лице. Считать дальше она не стала.

– Ну? – подтолкнула Полина.

– Нет. Ерунда. Усталость.

– А ещё что-нибудь странное было?

– Дверь ночью приоткрыли. Я точно закрывала. И в доме скрипели половицы.

– Ты что! – Полина вытаращила глаза. – И ты сидела одна?

– С фотографией и стулом.

– Жиза, – с чувством сказала Полина. – Всё, я переезжаю к тебе. Хоть в чулан. С меня разбирательство, с тебя раскладушка. Кстати, ты Егору сказала?

– Нет. Он уехал до того, как я проснулась.

– Ну и правильно. Я бы вообще пока никому не говорила. Ты его второй день знаешь. Может, он сам и ходил, ключи же у него.

– У него нет ключей. Он так сказал.

– Ага, конечно. – Полина откинулась на спинку и сунула в рот виноградину. – Слушай, а ты уверена, что эту фотку надо кому-то показывать? Ты её сними на телефон, а оригинал спрячь. Или давай я сохраню у себя.

– Зачем?

– Затем, что в твоём доме, судя по всему, шастают ночью.

Вероника посмотрела на неё. Полина смотрела открыто, весело, чуть озабоченно, как смотрит человек, которому действительно не всё равно. Две недели назад Вероника, наверное, не заметила бы, что её просьба прозвучала чуточку слишком настойчиво. Сейчас она это отметила и тут же отмахнулась: нервы, недосып, везде мерещится подвох.

– Фото при мне, – сказала она. – И я никому его не отдам.

– Моя девочка. – Полина щёлкнула её по носу. – Ладно, не парься. Сегодня мы идём в «Атлантис». У меня там встреча по ивенту, а ты просто расслабишься. Пляж, лежаки, пара человек, которым я тебя подсуну. Знаешь, как в Сочи заводят связи? Через бокал и лежак.

Её телефон коротко пискнул. Полина глянула на экран и быстро перевернула его лицом вниз.

– Заказчик, – сказала она. – Хочет всё и сразу. Ешь давай, остынет.

Вероника ела. Море под полом тихонько ворочало камни. И где-то на самом краю сознания, не оформившись в мысль, сидело ощущение, что утро было слишком хорошим для места, где ночью скрипят половицы.

***

Пляж «Атлантиса» был устроен так, чтобы человек забывал, что вокруг есть остальной мир. Длинная, ровная полоса светлой гальки, на которую каждое утро привозили свежий песок вдоль воды, деревянный настил, ряды белых лежаков, зонты цвета слоновой кости. Над всем этим нависала двадцатиэтажная стена из стекла и стали, и стекло отражало небо так точно, что на секунду казалось, будто здание прозрачное и сквозь него видны облака. Вокруг шёл приглушённый разговор на пяти языках, звякали льдинки в бокалах, пахло кремом для загара, жареной креветкой и лимонной цедрой.

Полина доставила её к лежаку у самой воды, всучила коктейль с зонтиком («Это не алкоголь, это социальный пропуск») и исчезла в сторону лобби, крикнув на ходу: «Минут сорок! Не скучай!»

Вероника сняла сарафан и осталась в тёмно-зелёном закрытом купальнике с высоким вырезом на бёдрах. Закрытым он считался только из-за спины: спереди ткань заканчивалась там, где ей положено, зато на спине держалась на двух тонких ремешках. Волосы она собрала в узел, надела очки и вытянулась на лежаке. Солнце легло на плечи плотной тёплой ладонью. Отдалённо, глухо, как из-под воды, играла музыка. Лицо понемногу расслаблялось.

Затвор камеры щёлкнул совсем близко.

Она не открыла глаз.

– Если это папарацци, учтите, у меня договор с адвокатом.

– Если это папарацци, – отозвался мужской голос, низкий, насмешливый, с мягким южным перекатом на «р», – он бы сейчас валялся мордой в гальке. Я пока только осторожно профессионал.

Вероника приподняла очки.

Над ней, заслоняя солнце, стоял мужчина. Лет тридцати с небольшим. Загорелый до оливкового оттенка, с густыми тёмными кудрями, которые шевелились на ветру, и с трёхдневной щетиной на твёрдом подбородке. Белая льняная рубашка, мятая так, как мнётся только очень хороший лён, рукава закатаны до локтей, ворот расстёгнут, на шее ближе к ключице

белел шрам: неровный, лиловатый, будто кто-то прочертил мелом по глине. На плече у него висела тяжёлая чёрная камера, глаза за стёклами тёмных очков смеялись.

– Вы кто? – спросила она.

– Даниэль Корреа. Фотограф. Работаю с отелем. Вот. – Он вынул из кармана рубашки карточку, плотную, с тиснением, и протянул двумя пальцами. – Я снимаю гостей для летнего каталога. Вы не гость.

– Откуда знаете?

– Гостей я различаю по загару. У них он офисный. Лицо и кисти. А у вас везде ровный, и это значит, что либо вы местная, либо вы живёте на море. – Он наклонил голову. – Или вы всё-таки загорали голой, и тогда мне стыдно, что я это предположил.

Вероника закатила глаза, но уголки губ предательски поползли вверх.

– Вы всегда так знакомитесь?

– Только с теми, кого трудно не заметить. – Он снял очки. Глаза у него оказались тёплые, карие, с рыжеватой каймой, внимательные до неудобства. – Вы Вероника Белова. Простите, это не слежка. Город маленький, а ваше появление вчера на приёме обсуждает вся обслуга. «Девушка в синем платье, что говорила с хозяином».

– Это быстро.

– Это Сочи. Здесь всё делается быстро, кроме ремонта дорог.

Он присел рядом на корточки, чтобы не нависать, и положил камеру на колено. Пальцы у него были длинные, сухие, в мелких царапинах и въевшихся пятнах чернил.

– Даниэль, – повторила она. – Это же не русское. Откуда вы?

– Валенсия. Правда, последние три года чаще в самолётах, чем дома. Мама говорит, что я сменил родину на авиамили.

– А по-русски вы чисто говорите.

– Joder, спасибо. – Он улыбнулся. – Бабушка по отцу была из Харькова, вышла замуж за испанского коммуниста, и вся семья потом выучилась на ходу. Я хорошо ругаюсь на четырёх языках. Это главное достижение.

Она всё-таки рассмеялась. Смех получился хриплым после бессонной ночи, и ей стало неловко. Но он не стал смотреть, как смотрят мужчины, замечающие реакцию. Он просто сказал:

– Вот так лучше. Смех идёт вам больше, чем эта… настороженность. Вы весь вчерашний вечер, мне показалось, держали подбородок так, как будто ждали, что вас ударят.

– А вы был на приёме?

– Я был везде. Я как тень. Мне платят за то, чтобы меня не замечали. – Он вздохнул. – Работа хорошая, самооценка страдает.

– Шрам откуда? – вырвалось у неё, и она тут же прикусила язык. – Простите. Это некрасиво.

Он поднял два пальца и осторожно коснулся белёсой полоски на шее, как касаются старой татуировки.

– Мотоцикл. Мне было двадцать пять, я считал себя бессмертным. Дорога в горах, мокрый асфальт, поворот, который я проехал на спор. – Он качнул головой. – Полгода больницы. С тех пор снимаю неподвижные вещи и людей, которые не двигаются. Для здоровья полезнее.

– Врёте.

– Конечно. – Он блеснул зубами. – Но красиво, правда?

Она не успела ответить. Из-за соседнего зонта вынырнула семья: загорелый мужчина в шлёпанцах, женщина в ослепительной шляпе и две девочки-погодки с одинаковыми косичками. Даниэль поднялся на ноги легко, как будто пружина разжалась, и тут же стал другим: профессиональная улыбка, мягкие жесты, «Вот сюда, да, чуть левее, чтобы море было за спиной». Вероника наблюдала, приподнявшись на локте. Он двигался вокруг них, как в танце:

присел, выпрямился, шагнул в сторону, почти не глядя на экран. Говорил что-то по-испански младшей, та залилась хохотом, и снимок получился живой, смеющийся. Через десять минут семья ушла счастливая, а он вернулся к её лежаку и пожал плечами.

– Дети всегда проще. Они не позируют, они просто есть.

– А я позирую?

– Вы с самого рождения. И очень убедительно. – Он поднял камеру. – Можно?

– Нет.

– Хорошо. – Камера тут же опустилась. – Тогда я просто постою рядом, пока вы не передумаете.

– Вы настырный.

– Я терпеливый. Это почти противоположное, но результаты похожи.

Она села, отхлебнула коктейль, кислый и холодный, и поймала себя на том, что смотрит на его руки. Спокойные, ловкие. Не руки человека, который что-то скрывает. Хотя она, конечно, понятия не имела, как выглядят такие руки.

– Скажите честно, – сказала она. – Вы мне будете что-нибудь продавать? Услуги, фотосессию, курсы пикапа?

– Фотосессию, возможно, потом. – Он снова присел, и теперь их глаза оказались на одном уровне. – Я только хотел сказать вам одну вещь. Тут много людей, которые будут улыбаться вам очень приветливо. Хозяева, гости, управляющие. И почти все они будут что-то хотеть. Мне ничего от вас не надо, кроме того, чтобы вы однажды дали себя сфотографировать так, как вы сами захотите. Вот и всё.

Он говорил просто, без нажима, и от этой простоты Веронике стало не по себе. Не от слов даже. От того, как спокойно он выдержал её взгляд.

– Mi reina, – добавил он тише, почти себе под нос. – Простите, привычка. Так обращаются к женщинам, которые смотрят в камеру, как будто хотят её разбить.

– Я не хочу её разбить.

– Хотите. Но уже меньше, чем пять минут назад.

Шаги по настилу заставили её повернуть голову. К лежаку приближалась женщина в узкой серой юбке и белой блузке, с планшетом в руках и ровным, как линейка, пробором. Двадцать восемь, не больше, безупречный макияж, на бейдже золотом: «Инга Руденко. Помощник генерального».

– Вероника Андреевна? – Она улыбнулась ровно настолько, насколько предписывал устав. – Господин Громов просил передать приглашение. Он будет рад видеть вас сегодня в шестнадцать часов в офисе на двадцатом этаже. По вопросу, который вы, как он выразился, предпочли бы обсудить без свидетелей. Я могу сопроводить вас.

Даниэль встал. Улыбка на его лице не исчезла, но как будто стала чуть другой, вежливой, плотной.

– Пойду щёлкать дальше, – сказал он. – Если захотите кофе или совет, как не дать себя съесть, я у третьей стойки. – И, понизив голос так, чтобы услышала только она: – Не соглашайтесь на первый вариант. Ни на какой.

Он ушёл вдоль воды, перекинув камеру через плечо, и белая рубашка расплывалась и таяла среди зонтов, пока не стала просто пятном света.

– Вероника Андреевна? – напомнила Инга.

– В шестнадцать, – сказала Вероника. – Передайте, что я приду. И что от «Андреевны» меня тошнит.

– Обязательно передам, – сказала Инга с тем непроницаемым лицом, по которому понятно: не передаст.

***

Лифт в «Атлантисе» шёл на двадцатый этаж бесшумно и так быстро, что уши заложило. Стены кабины были из тёмного стекла, и пока она поднималась, внизу уменьшался город: красные крыши, пальмы, серебряная полоса прибоя, игрушечные яхты в порту. Вероника смотрела на своё отражение, наложенное поверх пейзажа, и поправляла выбившуюся прядь. Платье она выбрала простое, молочно-белое, без рукавов, с квадратным вырезом и юбкой чуть выше колен. Никаких разрезов, никаких украшений. Образ называется «мне нечего доказывать».

Инга довела её до двери без таблички, постучала и открыла.

Кабинет был огромный, пустой и светлый. Длинный стол из тёмного ореха, на котором лежали три тонких папки, ни одной лишней бумаги. Панорамное окно во всю стену. Справа макет: огромный, на дюйм ниже человеческого роста, под стеклянным колпаком. Слева кожаный диван, пара кресел и бар. Пахло кожей, свежесрезанными лилиями, чуть-чуть морской солью. Идеальный порядок человека, у которого все вещи давно знают, где им лежать.

Арсений стоял у окна спиной к двери. Белая сорочка, закатанные до локтей рукава, тёмные брюки. Через плечо перекинут пиджак, в руке стакан, на этот раз с водой. Он обернулся не сразу.

– Спасибо, Инга. Свободны.

Дверь закрылась. Вероника осталась стоять посреди комнаты, чувствуя, как каблуки тонут в густом ковре.

– Вы пришли, – сказал он. – Я не был уверен.

– Я тоже.

– Садитесь.

– Постою, если можно. Я целый день лежала.

Он не стал настаивать. Подошёл ближе, остановился в нескольких шагах, оценил её взглядом, но без вчерашней открытой наглости. Тише. Устало.

– Вы не спали.

– Заметно?

– Тени под глазами. Но вам идёт.

– Если вы сейчас скажете, что я красива даже в таком состоянии, я уйду.

– Не скажу. Вы это и так знаете. – Он поставил стакан на стол. – Я позвал вас, чтобы показать кое-что. Не договор. Договор пришлёт мой юрист, когда вы будете к нему готовы. А это – чтобы вы понимали, о чём мы говорим, когда говорим о вашем доме.

Он кивнул на макет.

Вероника подошла и наклонилась. Стеклянный колпак отражал её лицо, налитое золотым светом из окна. Под стеклом лежал кусок берега: скалы, бухта, лента дороги. Дальше начинались белые корпуса, террасы, зелёные искусственные склоны, бассейны, похожие на кусочки голубого льда, крошечные пальмы. Ступенчатый комплекс спускался к воде каскадом, и посреди него в центре, где на её скале должен был стоять дом, поднималась высокая круглая башня с вертолётной площадкой и надписью на табличке: «Атлантис-Резорт. Фаза II».

Она искала взглядом «Морскую розу». Не нашла.

– Где дом? – спросила она.

– Здесь. – Он указал на башню.

Ей понадобилась секунда, чтобы понять.

– Вы хотите его снести.

– Я хочу построить на этом месте нечто, что принесёт городу работу, налоги и репутацию. Дом в аварийном состоянии. Ему сто сорок лет, он стоит на оползневом склоне. Егор Власов, кстати, это отлично знает и потому латает крышу каждую зиму.

– Это дом моей матери.

– Это дом, в котором ваша мать прожила, по моим данным, в общей сложности меньше трёх лет, – ровно сказал он. – И предпочла уехать.

– Вы-то откуда знаете?

– Я навёл справки. Так делают все, кто хочет договориться, а не воевать.

Вероника распрямилась. В груди закипало что-то горячее, острое. Она старалась держать лицо спокойным, но пальцы на ремешке сумки побелели.

– Вчера вы сказали «честная цена», и я решила, что вы хотя бы не будете лгать. Но вы позвали меня сюда, чтобы показать, что мой дом сотрут, как ластиком, и всё это ради вашей башни с вертолётом.

– Я позвал вас, чтобы вы услышали это от меня, а не от юриста, который вывалит всё в одной строке договора. – Он помолчал. – Вероника. Вы не любите, когда вас жалеют. Я не жалею. Я говорю правду, потому что вы быстрее многих поймёте, что выгодно, а что нет.

– И что выгодно?

– Продать. Быстро, пока вы ещё эмоционально не привязаны. Пока не начали выяснять, что этот дом означает для людей, которые хотят вас в него втянуть.

– Каких людей?

Он посмотрел на неё долго и внимательно, словно взвешивал, сколько можно сказать. Потом отвернулся к окну.

– Тех, кто тоже знал вашу мать.

– Вы так говорите, как будто она участвовала в чём-то. В чём-то плохом.

– Я не говорил этого.

– Вы не говорите ничего. Вы так умеете: фразы, в которых всё есть, но ничего нельзя ухватить.

Он слегка улыбнулся, не оборачиваясь.

– Это комплимент?

– Диагноз.

Теперь он повернулся. Солнце било ему в спину, лицо ушло в тень, остались только серые глаза, светлые, как сталь под водой. Он прошёл мимо неё к столу, и на секунду она ощутила его запах: кожа, цитрус, чуть-чуть табака. Её отчего-то качнуло, как на палубе.

– Хорошо. Диагноз принят. Тогда скажу открыто, как вы любите. Мне нужен этот участок. Мне нужен до зимы. Я заплачу больше, чем предлагает кто бы то ни было. Взамен я прошу вас не слушать никого, кроме меня, пока мы не договорились.

– Не слушать никого, кроме вас.

– Именно.

– Вы хоть слышите, как это звучит?

– Слышу. – Он едва заметно развёл руками. – Но я хотя бы честен.

Вероника отошла от макета и села, наконец, на край дивана. Кожа была прохладная, чуть скрипнула под ней. Она скрестила ноги, и подол платья скользнул вверх, и она не стала его поправлять. Сидела и смотрела на него снизу вверх, прямо, не мигая.

– Вы на всех так действуете? – спросил он.

– Как?

– Как будто собираетесь не договариваться, а пробить стену.

– Только на тех, кто стоит за ней.

Он вдруг рассмеялся, коротко, как вчера, и несколько секунд смотрел в сторону, качая головой.

– Ладно. Вы упрямы. Это достоинство. Я предлагаю вам сделку другого рода. Не бумажную. Вечером у меня на яхте приём. «Селена», она стоит в нашей марине. Двадцать ноль-ноль. Будут люди, которые вас интересуют. Те, кто знал вашу мать. Скажем так, вы сможете посмотреть на них и составить собственное мнение.

– Это вы мне предлагаете или заманиваете?

– Одно не исключает другого. – Он взял пиджак и повернулся к ней. – Вы хотели узнать, какой она была. Там вам расскажут. Правду или нет, это вы решите сами.

– А вы?

– Я промолчу. Я для вас пока кандидат на роль плохого парня. Не хочу портить репутацию.

– Да вы тот ещё скромник.

Он надел пиджак одним плавным движением, поправил манжеты и остановился, глядя на неё. Взгляд его на секунду скользнул вниз, по её коленям и обратно. Не наглый, но слишком честный, чтобы можно было сделать вид, что его не было.

– До вечера, Вероника.

Она встала, чувствуя, что спина у неё прямая, как струна. Вышла в коридор, дошла до лифта, нажала кнопку и только когда двери закрылись, позволила себе выдохнуть. Лицо в тёмном стекле глядело на неё странно: щёки горят, глаза блестят, волосы растрепались.

– Вот же гад, – сказала она вслух, и непонятно было, кого она имеет в виду больше: его или себя.

***

К марине она подъехала без пяти восемь, и вечер встретил её тёплым запахом дизельного топлива, водорослей и жареных каштанов, которые продавала с лотка круглая старушка в вязаной безрукавке. Это было странно и почему-то успокаивало: посреди глянцевого богатства кто-то по-прежнему жарил каштаны. Над причалами горели жёлтые фонари, мачты звенели тросами о металл, как связка огромных ключей. Яхты стояли борт к борту, белые, длинные, лоснящиеся, и каждая отражалась в чёрной воде дрожащей перевёрнутой копией.

«Селена» оказалась самой большой. Три палубы, тёмный корпус с золотой полосой по ватерлинии, на корме флаг, лениво шевелившийся от ночного бриза. У трапа стоял матрос в белой форме и проверял список. Вероника назвала фамилию, он кивнул, не заглянув в бумагу.

Платье она выбирала дольше, чем собиралась. Белое отпало: в первой половине дня она уже играла в «мне нечего доказывать». Синее было вчерашним. В итоге в чемодане нашлось изумрудное, глубокого, почти болотного оттенка, с запахом на груди, открытыми плечами и юбкой в пол, которая при ходьбе расходилась на бедре. Волосы она оставила распущенными, только заколола у виска мамину золотую шпильку, найденную в комоде. Помада на этот раз бордовая, почти коричневая. Глядя на себя в зеркало, она подумала, что сегодня выглядит не как девушка, пришедшая на вечеринку, а как женщина, пришедшая на допрос по собственной воле.

Трап слегка пружинил под каблуками. Наверху её встретил шум: смех, звон посуды, ленивый саксофон. На верхней палубе стояли диваны с белыми подушками, длинный стол с закусками на льду, бар, за которым орудовал бородатый бармен с руками татуировщика. Гостей было человек шестьдесят, не больше. Мужчины в светлых брюках и расстёгнутых рубашках, женщины в шёлке, у каждой на запястье и в ушах что-то сверкало с той небрежностью, которая стоит как квартира. Говорили вполголоса, и этот приглушённый гул напоминал не вечеринку, а заседание, на которое все пришли в нарядах.

– Вероника! Какая прелесть, что вы пришли.

К ней вынырнул мужчина лет тридцати пяти, невысокий, подвижный, с ямочками на щеках и обезоруживающей улыбкой. Тёмно-синий пиджак на голое тело, часы с кожаным ремешком, в руке два бокала. Один он вручил ей раньше, чем она успела отказаться.

– Тимур Агаев. Яхт-клуб «Синяя лагуна», это вот этот причал, – он махнул рукой куда-то за борт. – Арсений Павлович сказал, что приведёт вас, но вы, конечно, пришли сами. Это правильно. Женщины с характером должны входить без сопровождения.

– А вы всегда так встречаете незнакомых?

– Незнакомых? – Он искренне удивился. – Помилуйте, вы же Лидина дочка. Я вас сразу узнал, вы ей в профиль просто копия. Подбородок, вот этот поворот шеи. Мы с вашей мамой пару раз сидели на этой самой палубе. Роскошная была женщина. Умела замолчать так, что у всех пропадал аппетит.

Он сказал это легко и с таким дружелюбием, что Вероника на секунду поверила. Только на секунду. Потому что потом заметила, как взгляд его скользнул мимо её плеча, быстро, будто он проверял, кто видит этот разговор.

– Вы давно её знали?

– Лет пятнадцать. Но не близко, не подумайте. Здесь все знают всех, но дружат единицы. – Он дружески тронул её за локоть и тут же убрал руку. – Если что-то понадобится в городе, юрист, машина, хороший врач, не стесняйтесь, звоните. Вот моя карточка. Для Лидиной дочери я бы поставил яхту на ремонт и поехал, куда скажете.

– Ого. Сколько же вы должны были моей маме?

Он засмеялся и поднял ладони, как будто сдаваясь.

– Ничего не должен. Просто люблю помогать. Это порок.

Карточку она взяла и сунула в маленькую сумочку. Отошла к борту, где было меньше людей. Внизу плескалась тёмная вода, в ней дрожали огни порта, и между двумя яхтами проплыла лодка с погашенными фонарями. Бокал в руке потеплел. Она пригубила шампанское, сухое, с тонкой кислинкой, и ощутила, как напряжение между лопатками слегка отпускает.

– Простите, вы не могли бы повернуться?

Голос был женский, низкий, чуть надтреснутый. Вероника обернулась. Перед ней стояла дама лет шестидесяти пяти, очень прямая, в тёмно-красном платье с длинными рукавами, несмотря на жару. Волосы убраны в тугой седой узел. На шее тяжёлое янтарное ожерелье, на пальцах три перстня. В руке у неё дрожала тонкая ножка бокала, и Вероника не сразу поняла, что дрожит она сама.

– Лида, – прошептала женщина, и бокал выскользнул из её пальцев.

Хрусталь разбился о палубу с коротким звоном, брызги шампанского попали Веронике на подол. К ним тут же метнулся официант с совком, мужчины рядом замолчали, несколько голов повернулись. Дама стояла, не двигаясь, и смотрела на Веронику так, как смотрят на призрак, который имел наглость явиться в нарядном платье.

– Простите, – сказала она наконец, придя в себя. Голос стал ровнее, но в глазах стояла влага. – Простите, девочка. Вы… вы так похожи на мать. Как будто она сошла с портрета.

– Вы её знали? – осторожно спросила Вероника.

– Знала. Мы… работали вместе. Давно. – Женщина оглянулась, словно искала кого-то за спиной Вероники, потом быстро и сухо добавила: – Я Нелли Станиславовна. Вы меня не помните, конечно, откуда. Вы были совсем маленькая.

– Я никогда не была в Сочи.

Лицо дамы дрогнуло.

– Нет, конечно. Конечно, нет. Я перепутала. – Она слабо улыбнулась. – Старость. Прошу, не обращайте внимания.

Она ушла, не дожидаясь ответа, и толпа поглотила её тёмно-красную спину. Вероника смотрела ей вслед. «Вы были совсем маленькая». Мама говорила, что в Сочи они не бывали. Никогда. Даже проездом. Что у неё к этому городу «аллергия на жару».

Она не успела додумать, потому что сзади возник человек. Грузный, лысеющий, в льняном костюме, с красным от загара и вина лицом, он плюхнулся на диван рядом и вскинул бокал.

– А вот и наша Лидочка-вторая! – сказал он громко, нарочито весело. – Подсаживайтесь, милая, подсаживайтесь, я вам такое про вашу мамочку расскажу!

– Кому вы это говорите, Геннадий? – раздался насмешливый женский голос. – Девочка сама без вас справится.

Но Геннадий уже вошёл в раж.

– Нет, ну вы только посмотрите! Глаза, волосы, этот взгляд, как у кошки на подоконнике. Лидка тоже так смотрела. Вся контора по ней умирала. Бухгалтерия, а какие страсти! – Он понизил голос и наклонился, обдав её запахом коньяка. – Скажу как другу: она слишком много знала. Это опасно. Для женщины в её положении особенно. И вы, милая, будьте осторожны. Мужчины здесь…

– Геннадий Павлович. – На подлокотник дивана легла рука с тонким золотым браслетом. – Вы уверены, что хотите продолжить?

Тон был мягкий, почти ласковый, но толстяк побледнел и вскочил так резко, что едва не опрокинул пепельницу.

Рядом стояла Маргарита Вельская. Белое платье, тонкое, облегающее, длинные серебряные серьги, ледяные голубые глаза. Рядом с ней, чуть позади, возвышался мужчина в светлом костюме, лет сорока восьми, с мягкими седеющими волосами, добрыми усталыми глазами за очками в тонкой оправе и такой кроткой улыбкой, что хотелось пожалеть его за какое-то невысказанное горе. Он держал жену под локоть бережно, как держат дорогую вещь.

– Костя, – сказала Маргарита, не отводя взгляда от Геннадия, – познакомься. Это Вероника, дочь Лидии.

– Очень приятно, – сказал мужчина тихо и протянул руку. Пальцы у него были сухие и прохладные. – Константин. Примите мои соболезнования. Лидия Сергеевна была человеком редкой честности. Таких теперь мало.

– Спасибо, – сказала Вероника.

– Надеюсь, вам у нас нравится. Если нужна помощь, обращайтесь без стеснения. Маргарита вас обязательно поддержит. Правда, дорогая?

– Разумеется, – улыбнулась Маргарита. Улыбка не дошла до глаз. – Вероника, у вас шпилька в волосах очень красивая. Старая, с гранатом. Знакомая вещь.

Вероника машинально коснулась виска.

– Это мамина.

– Я знаю, – сказала Маргарита. – Я сама ей её дарила.

Повисла короткая тишина. Геннадий сбежал, Нелли Станиславовна растворилась где-то у бара, музыка саксофона растянулась, как лента. Вероника поймала себя на том, что считает пульс. Константин Вельский улыбался. Маргарита улыбалась. Больше никто на палубе, казалось, не дышал.

– Приятного вечера, – сказал Вельский и мягко повёл жену к другому столу.

Вероника допила шампанское залпом. Руки были ледяные. Она обернулась к борту, чтобы спрятать лицо, и увидела Арсения. Он стоял на верхней ступеньке трапа на средней палубе, в чёрной рубашке с закатанными рукавами, без пиджака, и смотрел не на гостей, а на неё. Давно смотрел, поняла она. Возможно, с самого её появления. В его лице не было ни приглашения, ни досады. Только внимание. Длинное, тяжёлое, как ладонь на затылке.

Она подняла бокал в его сторону в безмолвном тосте. Он слегка наклонил голову. Потом отвернулся и заговорил с кем-то из гостей, будто ничего не произошло.

«Лидочка-вторая», – подумала Вероника. «Слишком много знала». «Вы были совсем маленькая». «Я сама ей её дарила».

Стая рыб в чужом аквариуме. Каждый из них знал о её матери больше, чем она. И никто не собирался делиться.

Она вдруг очень ясно поняла, что за этим столом никто не удивился её приходу. Все ждали. Все смотрели, как она реагирует.

Телефон в сумочке завибрировал. Сообщение от Полины: «Ника, я застряла у клиента, там дедлайн по ивенту, не жди, вернусь поздно. Ты как? Живая? Кинь локацию, если что». Она отправила: «Жива. На яхте у Громова. Интересно. Потом расскажу». Нажимая «отправить»,

она не заметила, что за её спиной, у перил, стоит официант с подносом и слишком внимательно смотрит ей на экран.

К одиннадцати вечера гости начали разбредаться по каютам, по танцполу, по тёмным углам кормы, и Вероника, поймав паузу между двумя компаниями, скользнула вниз по боковому трапу на пирс. Каблуки застучали по доскам. Воздух за пределами яхты пах дёгтем, мокрым деревом и ночным цветком, названия которого она не знала. Ей хотелось одного: тишины и возможности подумать.

***

Пирс тянулся метров на сто. В самом конце он расширялся в площадку, где стояла пустая скамейка, сколоченная из кусков старых вёсел, и висел одинокий фонарь с жёлтым ореолом, в котором роились мошки. Вероника сняла туфли, выставила их рядом и села, подобрав под себя ноги. Доски были тёплыми после дня, шершавыми. Вода под ними лениво плескалась, облизывая сваи.

Она достала из сумки фотографию, развернула её в тусклом свете и принялась разглядывать в сотый раз. Каменный пирс. Мама смеётся. Мужчина обнимает её за талию. На заднем плане какая-то башенка и край надписи, обрубленной кадром: «…ЫЙ МЫС». Как она раньше не заметила?

– Если смотреть слишком долго, лица начинают убегать, – сказал голос позади. – Это неправда, что фото хранит память. Оно её подменяет.

Она не вздрогнула. Странно, но не вздрогнула, потому что голос уже стал почти привычным.

– Вы за мной ходите, Даниэль.

– Я просто разговариваю с людьми, которые сидят одни в темноте. Профессиональная деформация. – Он подошёл, остановился в двух шагах. Ни камеры, ни очков. Всё та же белая льняная рубашка, на этот раз влажная от ночного воздуха и расстёгнутая чуть больше, чем днём. – Можно присесть? Не бойтесь. Я не кусаюсь без разрешения.

– А с разрешением?

– По обстоятельствам.

Она подвинулась. Скамейка скрипнула под его весом. От него пахло солью, свежим хлебом и каким-то травяным мылом, чем-то простым, домашним, без претензий. После яхты, где каждый гость благоухал дорогим парфюмом, этот запах ощущался как глоток воды.

– Вы были на яхте? – спросила она.

– Снимал первые два часа. Потом меня вежливо попросили закончить. Видимо, лица гостей к полуночи перестают быть пригодными для каталога. – Он усмехнулся и вдруг посерьёзнел. – Я видел, что случилось с Нелли Станиславовной. И с Геннадием.

– Вы знаете, кто они?

– Знаю, кто они сегодня. Бывшая хозяйка гостиницы, а ныне вдова при деньгах. И бывший завхоз управляющей компании, ныне собственник трёх магазинов стройматериалов. Но кем они были раньше, и почему так посмотрели на вас… – Он покачал головой. – Это вопрос посложнее.

– Вы сами видели. Они узнали меня. Точнее, не меня, а маму. И это было… не просто «ах, как похожа». У Нелли тряслись руки. А этот Геннадий сказал, что мама «слишком много знала».

– Я слышал.

– И вам ничего не показалось странным?

Даниэль помолчал, глядя на воду. На его лице под тусклым светом фонаря лежали резкие тени, и шрам на шее казался глубже, чем днём.

– Показалось, – сказал он наконец. – Но я не хочу вам врать ни про что, поэтому скажу честно: я не уверен, что мне можно говорить вам больше.

– Это что значит?

– Это значит, что вы чужая среди тех, кто знает ответы. И любой ответ, который вам дадут, будет подан с условием. А я бы хотел, чтобы хоть один человек в этом городе не просил у вас ничего взамен.

Он повернул голову. Глаза у него в этом свете были почти чёрными. Вероника поймала себя на желании отвести взгляд и на том, что не отводит.

– Вы говорите красиво, – сказала она. – Только красиво и обо всём сразу, а по сути ничего.

– Ай, это обидно. – Он рассмеялся тихо, одним выдохом. – Хорошо, давайте по сути. Когда я приехал в Сочи, год назад, меня первым делом позвали снимать этот ваш «Причал» и окрестности. Работа на два дня. В итоге я разбирал местный архив, потому что хозяин ресторана когда-то был дружен с одним фотографом, и тот оставил у него коробки с плёнками. Я не нашёл там ничего особенного. Но в одной из коробок лежали негативы с вашим домом. С «Морской розой». Двадцатилетней давности, может, чуть больше.

Вероника подалась вперёд.

– Дом? В старом виде?

– В очень старом. Там был праздник. Свадьба, возможно, или день рождения: гирлянды, столы на лужайке, шампанское. И люди, много людей. Лица. Я напечатал несколько снимков из любопытства, и теперь они лежат у меня в студии. – Он помолчал. – На одном из них, мне кажется, ваша мама.

– Вы уверены?

– Теперь уверен. Увидел вас днём на пляже и подумал: стоп. Такой подбородок не повторяется случайно.

Она сжала фотографию в пальцах, не заметив, что мнёт край.

– Что ещё на тех снимках?

– Смотреть лучше самой. Они у меня в студии, в старом городе. Это недалеко отсюда, десять минут на такси. Я понимаю, как это выглядит: ночью, незнакомый мужчина, который зовёт девушку посмотреть «фотографии». Как минимум это пошло. – Он поднял руки в смешном жесте капитуляции. – Если хотите, давайте завтра, днём, при свидетелях. Хоть при Полине вашей.

– Вы знаете Полину?

– Я знаю, что вам утром звонила женщина с громким голосом и что вы ей рассказывали про ключи. Музыку на «Причале» не перебьёшь, а я сидел за соседним столиком. Простите, Вероника, я не подслушиваю. Просто у меня уши большие.

– Не особенно заметно.

– Это потому, что кудри.

Она фыркнула. Потом посмотрела на пирс, на огни яхты, откуда доносились отдалённые смех и ленивый саксофон, на чёрную воду, в которой расплывались чьи-то перевёрнутые окна. И подумала: с одной стороны, она на краю чужого города, одна, с чужой фотографией, и этот человек с растрёпанными кудрями знает её имя, её звонки, даже то, что она рассказывала подруге. С другой стороны, он единственный за два дня, кто не требовал от неё решения.

– Полина сегодня не может, – сказала она. – И я не могу ждать до завтра. Я сейчас не усну. Я весь день ждала, что кто-то скажет мне хоть что-то прямое, а вместо этого мне показывают макет башни, обещают «правду или нет» и разбивают бокалы.

– Тогда пойдёмте.

– Прямо сейчас?

– Только если вы сами захотите. Но предупреждаю: у меня в студии бардак и нет ни одного нормального стула. И ещё есть кот. Ужасно ревнивый.

– Кот?

– Сеньор Бермудес. Он считает, что я ему должен денег.

Она засмеялась в голос, и смех подхватило эхо под пирсом. Смеялась и чувствовала, как что-то внутри, стиснутое с утра, разжимается. Потом поднялась, подобрала туфли и встала, чуть покачнувшись.

Он тоже встал и подал руку. Не как кавалер, а как спутник по ненадёжной тропе. Она ухватилась за его ладонь, тёплую, шершавую. Ладонь у него оказалась крепче, чем она ожидала.

– Только одно условие, – сказала она. – Если вы мне врёте…

– Если я вам вру, вы меня утопите в этом пирсе. – Он кивнул на тёмную воду. – Я не сопротивляюсь.

Они пошли по доскам к берегу. Яхта за спиной гасила огни палуба за палубой. Где-то в темноте у конца причала, в тени, чуть шевельнулась высокая фигура и снова стала неподвижной. Вероника не обернулась.

Если бы обернулась, увидела бы серые глаза, смотревшие им вслед, и руку, медленно сжимавшую перила.

Но она смотрела только вперёд, на огни города, и на человека, который шёл рядом, не отпуская её руки.

Глава 3. Цена желания

Домой Даниэль привёз её в четвёртом часу утра, на старом мотороллере с треснувшим зеркалом, пахнущем бензином и жжёным сахаром. Ночь выдалась неожиданно хорошей, и от этого Вероника проснулась с тяжёлым чувством вины, как просыпаются после чужого праздника, на который пришёл без приглашения.

В студии, которая оказалась бывшей сапожной мастерской в старом городе, было и правда тесно, душно и прекрасно. Низкий потолок с балками, стены, обклеенные отпечатками: рыбацкие лодки, бабушка с вёдрами, мальчишка на стене порта, чьи-то сапоги, сохнущие на солнце. Шкафы с папками, пахнущие химией и пылью. Подоконник, на котором, свернувшись бубликом, дремал огромный рыжий кот с обиженной мордой. Сеньор Бермудес приоткрыл один глаз, оценил гостью, зевнул и отвернулся: ему было не до людей.

Даниэль заварил в турке такой кофе, что у неё свело скулы, поставил на стол тарелку с подсохшим хлебом и оливками и разложил перед ней негативы на световом столике. Шесть кадров. Дом с гирляндами, длинные столы на лужайке, люди с бокалами, много людей, и все молодые, загорелые, смеющиеся, в вещах другого десятилетия. На четвёртом кадре, чуть в стороне, у колонны, стояла женщина. Тёмные волосы, лёгкое платье, рука на перилах. Не смеялась. Смотрела в сторону, и на лице у неё было странное выражение: напряжённое, ждущее, как у человека, который следит за кем-то в толпе.

– Это она, – сказала Вероника. Голос прозвучал чужим.

– Я так и подумал, – кивнул Даниэль.

– А рядом? Кто стоит рядом?

Рядом стоял мужчина в белой рубашке, к камере спиной. Высокий, темноволосый, с широкими плечами. Лица не было видно ни на одном из кадров, словно фотограф нарочно ловил его так, чтобы он нигде не обернулся. Или словно он сам не давал себя поймать.

– Не знаю, – сказал Даниэль. – Честно, Ника. Я пробовал найти хоть какую-то зацепку по другим кадрам. Он всегда спиной, всегда боком. Человек, который не хочет оставаться на плёнке.

Она просидела над негативами почти час, потом он вызвался отвезти её домой, они вышли на ночную улицу, которая оказалась крутой лестницей между домами, и она весь путь вниз смеялась, потому что тормозила на каждой ступеньке, а он ловил её за локоть. У ворот особняка он не полез с поцелуями, не попытался проводить до двери, а только стащил с неё шлем, взъерошил ей волосы и сказал: «Спи, mi reina. Утром всё покажется страшнее, но ты справишься». Вот это «справишься» и зацепилось.

Утро действительно показалось страшнее.

В восемь она сидела на кровати, завернувшись в плед, с кружкой кофе, и пыталась не думать о том, что в её телефоне уже лежат три сообщения. Первое от Полины: «Ты жива?! Я вернулась в три, стучала в твои ворота, никто не открыл, Егор твой послал меня дежурить в беседку!!! Это нормально?» Вероника поморщилась: Егор, оказывается, всё-таки умел шутить. Второе от Даниэля, всего одно слово и подмигивающий смайлик: «Dormida?» Третье пришло в семь пятьдесят две с незнакомого адреса, с темой письма «Проект договора купли-продажи доли. Конфиденциально».

Она смотрела на строчку и чувствовала, как руки холодеют. Конверт не был страшным сам по себе. Страшно было другое: ей хотелось его открыть. Хотелось увидеть цифры и пункты, и «Продавец» напротив собственной фамилии, и подпись внизу, и представить, что всё закончится за один подмахнутый лист. Просто закончится.

Она открыла.

Двенадцать страниц, набранных безликим юридическим шрифтом. «Общество с ограниченной ответственностью "Атлантис-Девелопмент", именуемое в дальнейшем Покупатель». «Белова Вероника Андреевна, именуемая в дальнейшем Продавец». Предмет договора: «двадцать пять процентов в праве общей долевой собственности на земельный участок с кадастровым номером…» и дальше цифры, цифры, цифры. Цена: сорок два миллиона рублей, ровно, как говорила нотариус. Срок оплаты: «в течение трёх банковских дней с момента подписания». Пункт девять: «Продавец обязуется не раскрывать условия настоящей сделки третьим лицам». Пункт одиннадцать: «Продавец подтверждает, что не имеет претензий к Покупателю и его аффилированным лицам в связи с обстоятельствами, предшествовавшими заключению настоящего договора».

Вероника перечитала одиннадцатый пункт трижды. «Предшествовавшими». Каким обстоятельствам. Что вообще предшествовало, если она сама ещё несколько дней назад не знала, что у неё есть доля в доме?

В конце письма стояла короткая приписка, отдельным абзацем и без юридической гладкости: «Это формальный документ, он не требует вашего решения сегодня. Если будут вопросы, звоните лично. А.Г.»

Она встала, налила ещё кофе и подошла к окну. Утро было ясное, светлое, чуть влажное. Сад внизу вымок за ночь, листья олеандра блестели, над бассейном стояла лёгкая дымка. Вдалеке, за кипарисами, где обрыв уходил в бухту, двигался белый катер. Всё было слишком красиво, чтобы поверить, что за этой красотой кто-то готовит снос.

«Атлантис-Резорт. Фаза II». Башня на месте её дома. Макет под стеклом.

Она села за маленький письменный стол у окна, достала блокнот, который всегда носила с собой для набросков, и привычным движением нарисовала посередине листа круг. Это был старый рабочий приём: когда запутаешься, начни с центра. Внутри круга она написала: «Дом». Вокруг разошлись лучи: Арсений, Вельский, Даниэль, Егор, мать, Полина, Тимур. Она долго смотрела на этот ёжик из имён. Потом зачёркнула «Полина», потому что стало стыдно за себя, и вдруг ясно поняла: ни про одного из них она не может сказать, что точно знает, чего он хочет.

Стук в дверь был такой тихий, что она сначала приняла его за скрип половицы.

– Вероника? – голос Егора. – Вам просили передать.

Она открыла. Он стоял с бумажным пакетом в одной руке и маленьким стальным ключом в другой. Утренний свет из коридорного окна делал его лицо резче, и на скуле темнела свежая царапина, которой вчера не было.

– Что с вами?

– Ветка. – Он не уточнил, чья. – Это от Полины Сергеевны. Булочки. Она просила передать, что извиняется за беседку и что пошла на пробежку, а на самом деле завтракать в «Причале».

– Чудесно. – Вероника взяла пакет. Внутри пахло ванилью и тёплым маслом. – А это что?

Он перевёл взгляд на ключ.

– Это от калитки в сад. Вчера в ночи кто-то открыл замок. Я заменил личинку. Вам лучше иметь свой.

– Кто открыл?

– Не знаю.

– Вы не знаете или не говорите?

Егор помолчал. Потом очень ровно, без вызова, сказал:

– Я не знаю, Вероника. Это правда. Но я это выясню.

Она почему-то поверила. Слишком уж просто он это сказал, без объяснений и оправданий. Взяла ключ, сжала в ладони, холодный, тяжёлый, и поймала себя на том, что именно такую простоту ей сейчас не хватало больше всего.

– Спасибо.

– Договор открыли? – Он кивнул на экран ноутбука, где всё ещё светился чёрно-белый документ.

– Откуда вы знаете?

– Почтовый сервер дома стоит на моей линии. Я не читаю, но вижу, когда приходит что-то тяжелее трёх мегабайт.

– Вы жуткий человек.

– Я управляющий.

Он коротко кивнул и вышел, и только когда его шаги затихли на лестнице, Вероника заметила, что в булочках, кроме ванили, спрятан листок с корявым почерком Полины: «Ничего не подписывай! Целую! P.S. Хозяин дома мрачный, но симпатичный. Я не про Арсения».

Она улыбнулась, съела булочку, запила кофе и открыла в телефоне поисковик. Если уж на неё кто-то давит, надо хотя бы знать, сколько стоит то, из-за чего давят.

***

Риелтор оказался высоким, нервным и необычайно разговорчивым мужчиной лет тридцати пяти, в жёлтых кроссовках, расстёгнутой рубашке с попугаями и с таким бодрым именем, что хотелось встать и отдать честь: Эдуард Сергеевич Щука. «Просто Эд», – представился он у ворот и тут же выдал, что в Сочи заключил более трёхсот сделок, что оценщик он первоклассный и что берёт за консультацию тридцать тысяч, но для подруги Полины сделает бесплатно.

– Подруги Полины вообще самые любимые клиенты, – добавил он. – Они не торгуются и приносят хороший кофе.

Кофе принесла Полина. Она встретила Эда в бирюзовых шортах и топе без бретелей, с мокрыми после душа волосами, которые торчали во все стороны, и вручила ему картонный стакан размером с ведро. Эд замер перед домом, как человек, увидевший первый раз в жизни ангела. Он снял солнечные очки и долго стоял у колонн, шевеля губами, будто молился.

– Девочки, – сказал он наконец. – Девочки.

– Что? – осторожно спросила Вероника.

– Вы осознаёте, на чём стоит этот дом?

– На скале.

– На скале, – повторил он с чувством. – На гарантированно устойчивой скальной породе, без оползневого слоя, с прямым выходом к собственной бухте и частной береговой линией. В Сочи такое бывает раз в двадцать лет, если вообще бывает. Вам неправду сказали про оползни, девушка. Или правду, но про соседний склон.

Он достал планшет, ходил по участку с землемерной рулеткой, делал фотографии, опускался на колени и совал нос в какие-то трещины в фундаменте. Вероника и Полина шли за ним по пятам. Егор вышел на крыльцо, прислонился к колонне, скрестил руки и наблюдал, не вмешиваясь. Лицо у него было такое каменное, что можно было заподозрить в нём заинтересованность.

Эд обошёл особняк по периметру, спустился к бассейну, потрогал лужицу воды, долго стоял у каменной лестницы, которая вела вниз, к бухте, и наконец сел прямо на ступеньки и вытер лоб рукавом.

– Ну? – не выдержала Полина.

– Давайте я по порядку. Участок: шесть и две десятых гектара, это огромная цифра, учитывая линию. Вдоль береговой зоны разрешённого использования «для размещения гостиниц и санаториев». То есть законно строить на этом месте можно ровно то, что хочет строить господин Громов. Категория земли такая, что ни один инспектор не придерётся. Кадастровая стоимость примерно четыреста сорок миллионов, но это просто бумага, вы понимаете. Рыночная… – Он замялся. – Рыночная в нынешней ситуации, если участок продавать без обременений, с разрешённой документацией на проект, это… миллиард. Минимум.

Вероника почувствовала, как под ногами что-то мягко качнулось, как палуба.

– Простите, сколько?

– Миллиард. Рублей. Ну, по меньшей мере. Если найти покупателя, который готов платить за эмоции и вид, то и больше.

– А моя доля двадцать пять процентов, – тихо сказала она.

– Двести пятьдесят миллионов. Это арифметика, не оценка. – Он сжал колени ладонями и вдруг очень пристально посмотрел на неё. – И сорок два миллиона вам предложили… кто?

– Пока неважно.

– Ага. – Эд присвистнул. – Значит, это человек, который знает, что вы либо не знаете, либо не осознаёте. Он предлагает вам пятую часть того, что вы стоите. Это не торг, это хищничество в хорошем костюме.

Полина вдруг сказала очень громко и очень весело:

– А можно я кофе допью? Меня что-то мутит от цифр.

Эд виновато поднялся, и все трое отошли под навес беседки, где на плетёных креслах лежали ещё влажные подушки. Вероника села, подтянув колени к груди, и принялась рассматривать трещины на камне. Шесть и две десятых гектара. Миллиард. Она где-то глубоко внутри всё равно не верила в это число: слишком большое, чтобы вместиться в голову.

– Эд, – сказала она, – а чья ещё доля в этом участке?

Он поморщился.

– Вот тут начинается интересное. Я пробил по базе, пока вы в душ ходили. По выписке из реестра собственник один: ООО «Приморье-Инвест». Ваша мама значится как «правообладатель двадцати пяти процентов». Остальные семьдесят пять принадлежат «Приморье-Инвесту». Но всё, что я знаю про это ООО, это то, что оно зарегистрировано девятнадцать лет назад, учредитель – ещё какое-то ООО, учредитель того – офшор, и дальше в тумане.

– Девятнадцать лет назад, – повторила Вероника.

– Угу. А ваша мать получила свою долю двадцать три года назад. Значит, были какие-то перемещения между ними. Либо кто-то из совладельцев передал, либо… – Эд поднял брови. – Либо их заставили передать.

– Кто заставил?

– Девочка, я оценщик, а не гадалка. Но я вам одно скажу: когда в сделке три года пропуска, в этом пропуске обычно кто-то лежит. Или тюрьма, или кладбище.

Он сказал это легко, без драматизма, и смутился, увидев её лицо.

– Простите. Тут часто так бывает, это профессиональное.

– Всё нормально, – сказала Вероника. Хотя нормально не было.

Егор, молчавший всё это время, шевельнулся у колонны. Вероника перехватила его взгляд: быстрый, тёмный, как рябь на воде. Он тут же отвёл глаза.

– Егор Фёдорович, – сказал Эд с вежливым любопытством, – а вы как управляющий должны знать больше любого из нас. Кто платит вам зарплату?

– Лидия Сергеевна. Через ООО «Морская роза».

– Это другое ООО?

– Да.

– То есть юридически у вас есть отдельное ООО, но оно не владеет домом, а только управляет? – Эд потёр подбородок. – И кому принадлежат акции ООО «Морская роза»?

– Не знаю.

– Не знаете, – с тихим восторгом повторил Эд. – Прекрасная система. Не знает управляющий, не знает нотариус, не знает сама наследница.

– Зато знает покупатель, – сказала Полина и осеклась.

Все посмотрели на неё.

– Я имею в виду, – быстро добавила она, – что покупатель, который так торопится со сделкой, наверняка знает, где у дома слабое место. Это же логично.

– Логично, – согласилась Вероника. И снова что-то едва заметно кольнуло её: не слова, а то, как быстро Полина сгладила оговорку. Но она отогнала мысль. Полина уже вторые сутки спала в беседке, чтобы не оставлять её одну. Полина привезла булочки и записки. Нельзя подозревать человека, который сидит у тебя в саду на холодных подушках.

Эд закончил отчёт, выписал на листке цифры, обвёл красным маркером «250 млн» и протянул Веронике.

– Моё совершенно профессиональное мнение: не продавайте. Не сейчас, не по этой цене, не без независимого юриста. И, ради всего святого, не подписывайте ничего с «конфиденциальностью и отсутствием претензий». Это самое подлое сочетание. Когда на тебя вешают отказ от претензий к «обстоятельствам, предшествовавшим», значит, обстоятельства уже есть, просто их ещё не сообщили.

– Пункт одиннадцать, – машинально сказала Вероника.

– Именно он. – Эд ткнул пальцем в воздух. – Я, кстати, оставлю вам визитку. Если надо, найду нормального юриста. А не такого, которого вам сунут за ужином на яхте.

Она вздрогнула. Откуда он знает про ужин на яхте? Эд только поднял руки:

– Ха! Город маленький, девочка. У всех здесь знакомые знакомых. Я понял по одежде, – он кивнул на её подол с засохшим пятном шампанского, который она не отстирала вчера, – вы были на «Селене». Больше нигде в городе подают такое шампанское, что оставляет золотые пятна.

Он ушёл к воротам, бормоча под нос новые цифры, и вскоре раздался звук мотора, потом ровное эхо, и всё стихло. Вероника осталась в беседке, глядя на красный круг на листке. В тишине слышно было, как за домом, внизу, неутомимо шумит море.

– Я принесу ещё кофе, – сказал Егор, и она впервые услышала в его голосе что-то похожее на усталую заботу.

– Подождите. – Она подняла глаза. – Вы ведь знали, сколько стоит дом.

– Знал.

– И не сказали.

– Меня не спрашивали.

– Меня тоже никто не спрашивал, а я всё равно получила двести пятьдесят миллионов на ровном месте и целую мафию в придачу.

– Я не говорил о мафии.

– Вы вообще мало о чём говорите.

Егор какое-то время молчал. Лицо его оставалось спокойным, но у виска чуть дёрнулась жилка.

– Лидия Сергеевна, – произнёс он, – просила меня одну вещь. Когда за домом начнут охотиться, не говорить вам больше, чем вы спросите. Потому что чем меньше вы знаете в первые дни, тем меньше соблазн действовать под влиянием страха. Я посчитал, что это разумно. Теперь не уверен.

– Она знала, что за домом начнут охотиться?

– Она знала многое.

– Тогда почему мне ничего не оставила? Ни записки, ни звонка, ни хотя бы «осторожнее»?

Егор не ответил. Смотрел поверх неё на кипарисы, на синюю линию моря, и в тёмных глазах стояло что-то такое, что Вероника не смогла прочесть. То ли вина, то ли недоговорённость, то ли просто тоска по человеку, которого он знал лучше, чем она.

– Принесу кофе, – повторил он и ушёл.

Полина проводила его глазами и тихо сказала:

– Ника, а он точно не…

– Что?

– Да ничего. – Она опять беззаботно махнула рукой. – Просто мрачные мужики всегда оказываются либо романтиками, либо маньяками. Тут пятьдесят на пятьдесят.

Вероника хотела ответить, но телефон звякнул. Сообщение от Даниэля, длинное, без смайликов: «Сегодня в шесть у меня окно между съёмками. Мне нужна модель для рекламного кадра. Гонорар символический, но честно. Парк «Ривьера», у старой беседки. Если откажешься, я не обижусь. Если согласишься, я буду счастлив».

Она посмотрела на часы: без четверти час. До шести можно успеть принять душ, переодеться, подумать.

Или не подумать.

***

Парк «Ривьера» пах так, как пахнут парки на юге ближе к вечеру: нагретой хвоей, свежескошенной травой, мокрым камнем после поливальных машин и сладким дымом от уличных мангалов, где жарили шашлык с кислой алычой. Аллеи тянулись между платанами, огромными, с облупленной бело-серой корой, под которыми гуляла нарядная публика: бабушки с внуками, парочки с велосипедами, мужчины с газетами, спортсмены с наушниками. На каждой скамейке кто-то обязательно ел мороженое. Вдалеке у пруда скрипела карусель, и звонкие детские голоса дробились эхом в густой листве.

Старую беседку она нашла не сразу. Та стояла в стороне от главной аллеи, на холмике, утонувшая в зарослях глицинии, ажурная, белая, с облупившейся краской и расколотой надвое ступенькой. Внутри на полу лежала стопка брезентовых сумок, штатив, белый складной экран, а на перилах сидел Даниэль, болтал ногами и что-то жевал.

– Ты пришла, – сказал он с набитым ртом. – Я проиграл Бермудесу спор. Он ставил на то, что ты не придёшь.

– Кот ставит?

– Он весьма азартный. Ставит корм. – Он спрыгнул с перил и вытер руки о джинсы. – Я рад, что проиграл.

На нём была чёрная футболка с растянутым воротом, потёртые джинсы и расстёгнутая льняная рубашка поверх, белая, мятая, та самая. Кудри были убраны под бандану, и от этого лицо стало совсем юным, почти мальчишеским. Только шрам на шее по-прежнему белел, как вшитая в загорелую кожу нитка.

Она протянула ему руку, и он, помедлив, пожал её, как пожимают руку коллеге, а не женщине. Это тоже было приятно: не игра, не флирт.

– Объясни, что от меня нужно, – сказала она.

– Просто быть. Рекламная съёмка для маленькой марки лёгких платьев. Заказчик хотел «девушку с юга, но не из Instagram». Мне сразу в голову пришла ты, – он замялся. – Не потому что ты красивая. Хотя ты красивая. А потому что ты смотришь в камеру так, как будто она тебе что-то должна.

– Я предупреждала: не люблю позировать.

– Ты и не будешь. Я прошу тебя сделать то, что ты и так делаешь. Ходить. Смеяться. Злиться. Я буду рядом и просто щёлкать.

Платье лежало в одной из сумок: лёгкое, светло-жёлтое, почти лимонное, из тонкого хлопка, с широкими лямками и свободной юбкой до середины бедра. Переодеваться пришлось прямо в беседке, за белым экраном, который Даниэль растянул, как ширму. Вероника сняла сарафан, натянула платье через голову. Ткань легла на плечи нежно, как ладонь, и пахла лавандой и чужим солнцем. Она выглянула из-за ширмы. Даниэль смотрел не на неё, а в видоискатель, проверяя что-то на экране, но когда она шагнула вперёд, поднял глаза, и несколько секунд лицо у него было совершенно открытым, как у человека, которого что-то застало врасплох.

– Что? – спросила она.

– Ничего, – сказал он. – Просто хорошо.

Съёмка началась без команд. Он водил её по аллее, предлагал то остановиться у ствола платана, то пробежаться по траве, то сесть на корточки у пруда и дразнить уток. Она сначала следила за собой, потом перестала. Как-то незаметно, на третьем или четвёртом кадре, случилось то, что случается, когда рядом с тобой человек, который не оценивает: она просто начала жить перед камерой. Смеялась, когда утки выхватили у неё из рук корку хлеба и затеяли драку. Хмурилась, когда по траве покатился чей-то мяч. Один раз присела на корточки перед маленькой девочкой с воздушным шаром, и девочка, не говоря ни слова, подарила ей одуванчик.

– Вот! – вскрикнул Даниэль, не отрываясь от камеры. – Вот это. Не двигайся.

Он присел сам, снимал снизу, почти лёжа на траве, и в видоискателе, наверное, отражались платье, одуванчик, лицо, перевёрнутые облака. Затвор стрекотал, как цикада. Вероника замерла с одуванчиком в руке и вдруг почувствовала, как ветер подхватил подол и закрутил его вокруг ног. Она засмеялась.

– Не шевелись, mi reina, – сказал он тише. – Пожалуйста.

Она не шевелилась. Стояла, слушала шум листьев и ждала. Ждала, пока он закончит, пока выпрямится, пока опустит камеру и посмотрит на неё без стекла между ними.

Он опустил. И посмотрел.

– Всё, – сказал он. – Работа окончена.

– Это было так быстро?

– Это было полчаса. Ты просто потерялась во времени.

Они сели на траву под платаном. Он вынул из сумки две бутылки лимонада и бумажный пакет с маленькими пирожками, горячими, с вишнёвым вареньем. Пирожки купил у бабушки на выходе из парка, она всегда стоит под вторым платаном слева. Вероника ела, сидя по-турецки, пачкая пальцы вареньем, а он показывал ей на задней панели камеры снятые кадры. Она разглядывала себя: смеющуюся, злую, с утками, с одуванчиком, и никак не могла понять, как этим человеком оказалась она. Лицо было свободным. Таким, каким она сама его никогда не видела.

– Это я?

– Это ты, когда никто не смотрит. Хотя я, строго говоря, смотрел.

– Это нечестно.

– Профессионалы всегда нечестны.

Помолчали. Далеко у пруда карусель наконец утихла, и стало слышно, как у пенсионеров на соседней скамейке спорят о шахматной партии. Даниэль откинулся на локти, закинул руки за голову, подставил лицо солнцу.

– Слушай, – сказал он, не открывая глаз. – Я хочу сказать то, что вчера не договорил. Я приехал в Сочи по заказу. Всё честно, но не только. Мне… – Он запнулся. – Мне хотелось найти одну семью. Давно. Это связано с моей собственной историей.

– С какой?

– С глупой. Мои родители когда-то работали на одну компанию, которая обанкротилась, и отец до сих пор уверен, что это была подстава. Я приехал не мстить, а посмотреть на людей, которые тогда принимали решения. Не больше. – Он открыл один глаз и посмотрел на неё сквозь прищур. – И вот я встретил тебя. Дочь одной из тех, кто, возможно, тоже пострадал. Согласись, забавное совпадение.

– Ты это говоришь серьёзно?

– Ни одной шутки за последние тридцать секунд.

Он смотрел на неё прямо. Глаза карие, тёплые, и в них не было ничего, что она умела бы разоблачить. Вероника помолчала и вдруг спросила:

– А почему ты мне это рассказываешь?

– Потому что мне хочется, чтобы ты знала обо мне что-нибудь настоящее. Пока всё остальное в твоей жизни такое… – он поискал слово, – ненастоящее.

Ветер перебирал листья. Далеко за деревьями послышался детский смех, и на траву между ними упало розовое перо.

– Ладно, – сказала она. – Принято.

– Вот так просто?

– Я тоже чувствую себя глупо, когда подозреваю всех подряд. Решила сделать исключение для человека, который кормит меня пирожками.

Он рассмеялся, и в этом смехе было столько облегчения, что она на секунду почувствовала укол совести. Мама учила не доверять тому, кто доверяется слишком быстро. Но мама не посчитала нужным объяснить, как не доверять человеку, который смеётся так, будто боится, что смех кончится.

– Тогда приходи завтра на вторую съёмку, – сказал Даниэль. – Я покажу тебе вечернее море. Не открыточное, а настоящее, с нефтью, чайками и пьяными рыбаками.

– Звучит вдохновляюще.

– Я умею продавать.

– Не продавай. Просто покажи.

Он кивнул и посмотрел на неё так, как смотрят на того, кто только что сказал слово «пароль», и дверь, которая столько лет была заперта, вдруг слегка пошевелилась на петлях.

Они ещё долго сидели под платаном, пока тени не стали длинными, и вечерний воздух не наполнился запахом мангалов и влажной зелени. Потом он проводил её до ворот парка. Остановился, достал из кармана рубашки маленькую пластиковую коробочку и протянул ей.

– Это что?

– Плёнка. С тем праздником. Негативы остались у меня, а это – отпечаток. Один. Самый чёткий, где она у колонны. Оставь у себя.

Она взяла. Пальцы дрогнули.

– Спасибо.

– Это не подарок, это залог. Приходи завтра.

Он развернулся и пошёл в сторону своего мотороллера, а она осталась стоять, держа в руках холодную прозрачную коробочку, где лежала мама. Живая, в лёгком платье, с рукой на перилах и ждущим, напряжённым лицом.

Вероника вдруг подумала, что слово «залог» обычно употребляют, когда боятся, что человека не увидят снова.

***

К девяти вечера небо над особняком налилось густым фиолетовым, а потом потекло розовым и золотым, как расплавленный леденец. Сад пах сладко и тревожно: у стены раскрылись ночные цветы, названия которых Егор произнёс однажды (она забыла), и их аромат тянулся к дому, как усики растения. Вероника сидела на краю бассейна, опустив ноги в воду. Вода, нагретая за день, была тёплой, как парное молоко. Над поверхностью висели мелкие мотыльки. Полина, получив срочный вызов от «заказчика», уехала в город в полседьмого и обещала вернуться к полуночи. Егор, как всегда, растворился в доме.

Платье на ней было совсем простое, тёмно-красное, шёлковое, на тонких бретелях, с запахом на талии, босая, мокрые волосы стянуты в небрежный хвост. Рядом на плитках стоял бокал, в котором таял лёд. На коленях лежал блокнот. Она рисовала круг и лучи в третий раз: добавила «250 млн», «Приморье-Инвест», «Нелли Станиславовна» и женщину в белом. В центре круга значилось: «Кто хочет меня?» Потом она зачеркнула «меня» и написала «дом». Потом снова написала «меня». Ручка выскользнула из пальцев и покатилась по плитке.

– Дом тоже хочет, – произнёс голос из темноты. – Но дома не опасны. Опасны люди, которым он нужен.

Она вздрогнула, и вода плеснула об ноги. Арсений стоял у кромки сада, в двух шагах от первой ступеньки, там, где гравий переходил в каменные плиты. Тёмный лён, рукава закатаны,

пиджак через плечо, галстука нет. Как он вошёл, она не слышала. Не слышала ни машины, ни шагов, ни щелчка калитки. Сердце ударило в рёбра, а потом, как ни странно, успокоилось.

– Вы стучать не пробовали?

– Ворота были открыты. – Он подошёл ближе, наклонился, поднял с плитки её ручку и вернул, не коснувшись пальцами. – Егор впустил. Сказал, что вы у бассейна, а сам уехал по делам. Он, кстати, по моему профилю на эти «дела» ездит удивительно редко.

– Не знала, что вы следите за графиком моего управляющего.

– Я слежу за всем, что мне интересно. Вы это уже заметили.

Он сел на низкий каменный парапет в нескольких шагах, не слишком близко, но и не слишком далеко. Закурил? Нет. Вынул из кармана сигарету, покрутил в пальцах и убрал обратно, будто вспомнил что-то.

– Вы читали договор.

– Читала.

– И?

– И у меня к вам три вопроса.

– Задавайте.

– Первый. Почему сорок два, а не двести пятьдесят? – Она произнесла это почти спокойно, глядя ему в глаза. – Не надо про «неликвидный актив» и «рисковую землю». Мне объяснили, сколько это стоит на самом деле.

Он не удивился. Только в серых глазах мелькнуло что-то быстрое: не раздражение, нет, скорее уважение. Он помолчал, а потом, не отводя взгляда, сказал:

– Потому что вы бы поверили в сорок два. А двести пятьдесят вы бы не поверили в первые же секунды. Вы бы начали проверять, искать подвох. Я не хотел, чтобы вы начинали проверять.

– Вы хотели, чтобы я подписала.

– Да.

– Это называется обман.

– Это называется переговоры. Вы вчера спросили, лгу ли я. Я не лгал: я сказал, что заплачу больше всех. Это правда. Для меня сорок два это больше, чем получил бы любой другой, кроме тех, кто знает цену. А вы… – Он на секунду замялся. – Вы только что доказали, что узнали цену быстро.

– Благодаря риелтору в рубашке с попугаями.

– Благодаря нерасторопности моих людей, которые не смогли убрать его с вашего маршрута. – Уголок рта поднялся. – Я это учту.

Вероника сжала в руке блокнот. В груди закипало то самое горячее раздражение, смешанное с чем-то ещё, куда менее удобным.

– Второй вопрос. Что значит «обстоятельства, предшествовавшие заключению»?

Он помолчал дольше.

– Это юридическая формула. Она стоит в большинстве договоров на подобные сделки.

– Не врите мне.

– Вероника.

– Я не про договор спрашиваю, а про вас. – Она подтянула ноги из воды, обхватила колени, и капли побежали по голеням на плитку. – Вы вчера сказали, что она «уехала» и больше не вернулась. Вы знаете, как она умерла?

Сад затих. Даже мотыльки, казалось, на секунду застыли над водой.

– Нет, – сказал он. И это было, пожалуй, первое «нет» за всё время, в котором она не услышала продуманной точности. – Я знаю то, что знают все: сердце, поездка, закрытый гроб. Я не был на похоронах. Меня не звали. И я не ездил.

– Почему?

– Потому что я не знал, что мне следует приехать. – Он смотрел мимо неё, на воду, и свет подсветки снизу ложился на его лицо странными бликами, делая скулы жёсткими, как у каменной скульптуры. – Это один из пунктов моей жизни, о котором я предпочёл бы не говорить с женщиной, у которой мокрые волосы и босые ноги. Не потому что она мне безразлична. А потому что боюсь, что скажу не то.

Фраза прозвучала так просто и так не по-громовски, что Вероника на секунду растерялась. Хотела уколоть, поддеть, оставить за собой последнее слово. Но слова кончились.

– Третий вопрос, – сказала она наконец, и голос стал тише. – Зачем вы приехали? Сюда, сегодня. Вы могли позвонить, прислать юриста, помощника. Вы человек, у которого есть Инга с планшетом и пятнадцать охранников. Зачем сами?

– Потому что я хотел вас увидеть.

– Это не ответ.

– Это единственный честный. – Он встал, сделал шаг, потом ещё один и остановился в метре от неё. Она сидела на краю бассейна, он стоял над ней, и между ними не было ничего, кроме тёплого воздуха и запаха его кожи: цитрус, табак, камень после дождя. – Я не умею говорить с женщинами. Вернее, умею говорить с теми, кто не интересен. С теми, кто важен, не умею. Это выясняется сейчас, при вас, и мне неловко.

Она подняла на него глаза.

Ей двадцать четыре. Ему сорок. Он владеет половиной побережья, а она сидит босая на краю бассейна. Но в этот момент странным образом расклад менялся: у него были лишние слова, а у неё нет.

– Тогда не говорите, – сказала Вероника.

И увидела, как у него на секунду дрогнула линия плеч.

Он наклонился. Медленно, будто давал ей время отстраниться. Она не отстранилась. Его ладонь легла на её щёку, тёплая, твёрдая, чуть шершавая от многолетнего ношения чего-то тяжёлого. Большой палец прошёл по скуле. Взгляд опустился на её губы и вернулся к глазам.

– Скажите «нет», – тихо произнёс он.

– Нет, – сказала она.

Он замер.

– Нет, не говорите, – добавила она с кривой улыбкой. – Это у меня такой юмор. Нервный.

Он выдохнул, и это было похоже на смех, но очень сдержанный и короткий. Потом он поцеловал её. Не жадно, не торопливо, без намёка на собственнический напор, которого она ждала. Просто коснулся губ, словно пробовал воду пальцем перед тем, как войти. На губах у него был вкус холодного чая и чего-то горького, лимонного. Её рука сама поднялась, вцепилась в ворот его рубашки, потянула на себя. Он подчинился. Второй поцелуй получился глубже, и она услышала собственный вздох, тихий, как плеск воды о камень.

Он отстранился первым.

– Нет, – сказал он хрипло. – Не здесь. Не сейчас.

– Почему?

– Потому что вы только что узнали, что вас почти обманули. Потому что вы ещё не решили, хотите ли вообще меня видеть. И потому что я не хочу, чтобы потом вы вспоминали этот вечер как ошибку.

– Вы очень странный бизнесмен.

– Я очень плохой любовник, если мне нужно, чтобы женщина понимала, что делает. – Он провёл пальцем по её нижней губе, коротко, как печать, и убрал руку. – Подумайте над договором. Над сорока двумя, над двумястами пятьюдесятью, над тем, что я сказал. Я не буду давить.

– Вы только что давили.

– Это было не давление. Это была слабость.

Он развернулся и пошёл к дому. Остановился на верхней ступеньке, не оборачиваясь:

– Егор сегодня уезжает на ночь. Он сказал, что вернётся утром. Запирайте двери. И не подпирайте стулом, он скрипит.

– Откуда вы знаете про стул?

Он ничего не ответил и исчез в темноте.

Вероника осталась одна, с горящими губами и тёплой водой вокруг лодыжек. Пульс бил в горле быстро и мелко, как пойманная птица. «Откуда он знает про стул?» Она спросила себя ещё раз, медленно, внятно, выговаривая каждое слово. Потом посмотрела на блокнот на плитке. В центре круга, подчёркнутое дважды, стояло: «Кто хочет меня?»

***

Дом ночью дышал иначе, чем днём. Днём он был просто старым и красивым. Ночью он превращался в огромное существо, которое прислушивается: к шагам, к ветру, к её собственному сердцу. Вероника вернулась в спальню, заперла дверь, перевернула подушку прохладной стороной и легла, глядя в потолок. Губы всё ещё помнили вкус лимона и горечи. В ушах звенело.

Она должна была думать о договоре, о Вельском, о двухстах пятидесяти миллионах. Вместо этого думала о том, как Арсений выдохнул смех, когда она сказала «нет, не говорите». О том, что он остановился, и что это оказалось сильнее любых слов. О стуле. Откуда он знал про стул?

Это была та самая мысль, от которой нельзя было отмахнуться, как от мухи. Он не мог знать, что она подпирала дверь. Об этом знали два человека: она сама и Егор, который сегодня утром, возможно, видел стул. Но Егор не стал бы докладывать Громову. Или стал бы?

Она встала, подошла к окну. Сад внизу лежал в серебристом свете луны, тени кипарисов вытянулись до самого бассейна. Подсветка в воде погасла, и поверхность казалась чёрной, гладкой, как зеркало. Из-за кустов, у самой стены, раздался сухой короткий щелчок. Вероника замерла. Потом услышала шорох, мелкий, торопливый, как мышиная возня. Потом на секунду что-то блеснуло: узкая полоска света, как от маленького фонарика, быстро погасшая.

Она отступила от окна. Пальцы похолодели. «Егор уехал на ночь, запирайте двери». Кто-то заранее знал, что в доме остаётся только она.

Телефон лежал на тумбочке. Она взяла его, набрала Полину. Долгие гудки, потом сбой: «Абонент временно недоступен». Набрала Егора. Тот же ответ. Набрала номер Даниэля, который он вбил себе в её телефон одним движением, пока она ела пирожки. Три гудка, и на четвёртом он ответил сонным, сиплым голосом:

– Mi reina? Что случилось?

– В саду кто-то есть, – прошептала она. – Я не знаю, что делать.

Пауза, короткая, как удар.

– Заприся в ванной. Никому не открывай. Я еду.

– Не надо, это глупо…

– Я еду. Ты слышишь? – голос уже был другим: не сонным, не смеющимся. – Не выходи из комнаты.

Он отключился. Она осталась стоять в темноте, слушая собственное дыхание. Ванная. Ванная была в конце коридора. Нужно было пройти двадцать шагов. Она взяла с комода тяжёлую фарфоровую шкатулку, потому что ничего более увесистого под рукой не оказалось, и осторожно открыла дверь.

Коридор был тёмным. Луна падала в окна на дальнем конце и ложилась на пол длинными бледными полосами. Скрипнула половица, и на этот раз она знала точно: скрипнула не под ней.

Вероника замерла на пороге.

В конце коридора, у лестницы, стоял человек. Высокий, тёмный, в чём-то плотном, с капюшоном на голове, лица не видно. Он тоже замер, как будто его застали врасплох, и

несколько долгих секунд они просто смотрели друг на друга через пятнадцать шагов тёмного паркета.

– Кто вы? – выдохнула она, и голос прозвучал так хрипло, что она сама его не узнала.

Человек развернулся и бросился вниз по лестнице.

Она не помнила, как побежала. Просто побежала: босыми ногами по холодным доскам, с фарфоровой шкатулкой в руке, как идиотка, как героиня глупого фильма. Он уже был в холле, она услышала, как хлопнула боковая дверь. Она скатилась по ступенькам, пересекла мраморный пол и выскочила на веранду.

Ночь встретила её тёплым солёным воздухом и пронзительным стрекотом цикад. Лунный свет заливал сад, и в этом свете она увидела, как тёмная фигура перемахнула через низкую каменную стенку у олеандров и скрылась в тени кипарисов. Она добежала до стены, остановилась, тяжело дыша. Колени дрожали.

Он уже исчез. Только на мокрой земле у стены остались следы: крупные, чёткие, с рифлёной подошвой. И что-то блестело в траве у самой кромки. Она наклонилась и подняла.

Маленький латунный ключик на кожаном шнурке. Старый, потёртый, с узкой бородкой и выбитой на головке цифрой: «7».

Вероника выпрямилась и огляделась. Сад молчал. Над морем висела луна, огромная, красная, и от неё на воду ложилась дрожащая дорога. Из-за кипарисов донёсся звук мотора, сначала далёкий, потом нарастающий: приближался мотороллер. Яркий свет фары пробежал по стволам деревьев, выхватил её, стоящую босиком посреди сада с ключом в одной руке и фарфоровой шкатулкой в другой.

Даниэль затормозил у ворот так резко, что гравий брызнул из-под колёс. Влетел в калитку, увидел её, выдохнул:

– Joder, Ника! Ты что творишь? Я же сказал не выходить!

– Он убежал, – сказала она. – Я его видела.

– Кого?

– Не знаю. – Она протянула ладонь с ключом. – Но он потерял вот это.

Даниэль взял ключ двумя пальцами, повернул к лунному свету и несколько секунд молча смотрел на цифру. Лицо у него в темноте было совсем неподвижным.

– Что? – спросила она. – Что такое?

– Ничего, – ответил он слишком быстро. – Просто… такие ключи делали в старых санаториях. Для шкафчиков.

– Ты знаешь, что он открывает?

– Нет. – Он сунул ключ ей обратно в руку, и пальцы у него были ледяные. – Пойдём в дом. Тебе нужно сесть.

Она послушалась. Они поднялись на веранду, и только в дверях Вероника почувствовала, как её начинает колотить: не от страха даже, а от того, что отпустило. Он обнял её за плечи, и она на секунду уткнулась лбом в его мятую рубашку, пахнущую хлебом и ночным ветром.

– Дверь в доме была заперта изнутри, – проговорила она в его плечо. – Я сама запирала. Как он вошёл?

– Не знаю, – сказал Даниэль, глядя поверх её головы на тёмный сад. Он говорил тихо, и в голосе у него было что-то новое: тяжёлое, как камень на дне. – Но я собираюсь выяснить.

Где-то высоко над ними, на втором этаже, в приоткрытом окне чуть шевельнулась занавеска. А в самом конце коридора, там, где в стене за гобеленом пряталась узкая дверь, которую никто не открывал двадцать лет, тихо щёлкнул замок.

Глава 4. Закрытая комната

Утро пришло серое, тихое, пахнущее мокрой штукатуркой. Ночью прошёл короткий дождь, а может быть, просто лёг туман, и сад выглядел так, будто его вымыли и забыли вытереть: на плитках блестели лужицы, с кипарисов капало, а в беседке на сложенной вдвое влажной подушке свернулась калачиком Полина в чужой клетчатой рубашке, с растрёпанным пепельным каре и размазанной тушью.

Вероника обнаружила её, выйдя на веранду. Подруга приехала в начале шестого, судя по следам такси на гравии, и, не решившись будить хозяйку, уснула там, где было ближе. Рядом валялись туфли на каблуках и пустой бумажный стакан.

Вероника села на ступеньку, обхватила колени и несколько минут просто слушала, как капли стекают с листьев. Всю ночь она не сомкнула глаз. Даниэль устроился на плетёном диване в гостиной, под тем самым пледом, в котором она сама просидела вчерашний день, и около четырёх, когда она заглянула проверить, спал, свесив одну руку на пол и приоткрыв рот. Спящий он выглядел моложе и беззащитнее: кудри на лбу, щека в складке подушки, в углу рта детская ямка. Она долго стояла в дверях, и в груди было непривычно тепло и тревожно одновременно.

Теперь диван был пуст. Плед аккуратно сложен в изножье, на подлокотнике лежала записка на обороте чека из «Причала»: «Поехал за кофе, который не как у вас. Вернусь через двадцать минут. Ничего не трогай. Д.»

– Ничего не трогай, – хмыкнула она. – Конечно.

Ключ с цифрой «7» лежал у неё в кармане халата. Она держала его в кулаке всю ночь, как талисман, и теперь на ладони остался красный отпечаток бородки. В свете утра ключ выглядел совсем безобидным: тёмная латунь, потёртый шнурок, чуть сколотая головка. Старый ключ от старого шкафчика. Но человек, которому он принадлежал, перелез через стену, чтобы его вернуть, и потерял его, пока убегал.

Она поднялась и пошла осматривать дом.

Для этого пришлось начать с самого начала, как в детстве, когда мама учила её искать потерянные вещи: «Иди от двери к двери, Ника, не прыгай. Потерянное прячется в пустотах между твоими шагами». Она остановилась в холле у главной двери, где в замке торчал её собственный ключ, нетронутый. Дальше шла гостиная с камином: окна закрыты изнутри, шпингалеты на месте. Столовая, накрытая белой простынёй: ровно, ни складки. Кухня: дверь в хозяйственный двор тоже заперта, засов задвинут.

Он вошёл не через двери. Она поняла это на веранде, у стеклянной стены, густо заросшей плющом. Одна из створок, самая дальняя, с облупившейся белой краской, не была закрыта до конца. Щель в два пальца. Вероника наклонилась. На раме вокруг шпингалета виднелись свежие светлые царапины, как будто кто-то поддел металл тонким лезвием. Дерево в этом месте крошилось.

– Профессионал, – произнёс голос позади. – Но торопился.

Она вскрикнула и обернулась. Егор стоял на пороге с мокрыми от росы плечами и пустыми руками. На сапогах налипла глина, под глазами залегли серые тени.

– Вы меня до инфаркта доведёте.

– Простите. – Он прошёл к окну, присел на корточки и провёл пальцем по царапинам. – Работал, судя по всему, не руками, а отмычкой. Здесь, – он указал на нижний край, – видно стальные опилки. Тонкая работа, без грубых следов. Человек знал, где слабое место. Он бывал в доме раньше.

– Вы были на ночь в городе?

– Был. – Он не посмотрел на неё. – Мне позвонили в девять вечера, что у склада в порту ломают дверь. Я поехал. Дверь оказалась целой. Охранник сказал, что звонка не было. Я вернулся к рассвету.

Вероника молчала. Звонок. Ложный вызов, чтобы увести управляющего из дома именно ночью, в тот самый вечер, когда Громов сказал: «Егор сегодня уезжает, запирайте двери».

– А следы в саду вы видели?

– Видел. Рифлёная подошва, сорок четвёртый размер. Такую обувь носят строители, охранники, часть военных. Не говорит ни о чём.

– И вы мне предлагаете не волноваться?

– Я предлагаю вам не оставаться одной. – Он поднялся. Лицо у него было усталое, жёсткое, и она впервые разглядела на нём не маску, а человека, который не спал почти сутки и боится чего-то, о чём не говорит вслух. – Я не стану говорить, что всё в порядке. Не в порядке. Но я рядом.

Она хотела спросить, что он знает, и не успела: сверху, со второго этажа, донёсся тихий, почти ласковый скрип. Они переглянулись. Егор кивнул ей на лестницу, и они поднялись вместе, он на шаг впереди, она за ним, ступая на самый край ступеней, чтобы не шуметь.

Коридор тянулся вдоль галереи, как накануне. В окнах утренний свет был мутно-серым. Двери закрыты, на полу следы её босых ног с ночи, уже подсохшие, пыльные. Они дошли до конца коридора, где в глубокой нише висел огромный гобелен: охота на единорога, выцветшая, в паутине, с вытертым до дыр левым углом. Вероника проходила мимо него сотни раз и ни разу не обратила внимания. Теперь гобелен висел чуть косо, и между его нижним краем и стеной зияла тёмная полоска.

Егор осторожно приподнял ткань.

За ней обнаружилась низкая узкая дверь, выкрашенная в тот же цвет, что и стена, с небольшой железной ручкой. Дверь, которую невозможно заметить, если не знаешь, где искать. Вокруг замка, тяжёлого, чёрного, с тремя скважинами одна под другой, вилась сеть свежих царапин. Кто-то ночью пытался её открыть. Не открыл.

– Это та комната, – тихо сказала Вероника.

– Да.

– Вы же говорили, что ключей нет.

– Ключей нет, – повторил Егор. – Я никогда не видел, чтобы дверь открывалась. Лидия Сергеевна сама её запирала при мне в последний приезд. Я ждал в коридоре. Она вышла, повернула ключи и сказала… – Он замолчал.

– Что сказала?

– Что открывать эту дверь можно только тому, кто готов не закрыть её обратно.

Вероника стояла и смотрела на тёмное железо замка. Где-то внизу хлопнула входная дверь, послышался голос Полины, весёлый и хриплый со сна: «Ника-а-а! Ты где-е?!» А она всё стояла, глядя на цепочку царапин, и думала, что мать, возможно, не просто оставила ей дом. Она оставила ей дверь.

***

Завтрак получился странный. Даниэль вернулся с огромным бумажным пакетом, из которого пахло жареным кунжутом, корицей и горячими пончиками, и с двумя стаканами такого кофе, что одним запахом можно было разбудить мёртвого. Он ни о чём не спрашивал, только быстро, цепко оглядел лицо Вероники и Полину в клетчатой рубашке и сказал: «Девочки, хватит ходить по дому как привидения, пойдёмте на веранду, там хотя бы воздух».

На веранде Полина сначала ругалась, потом смеялась, потом плакала. Ей пришлось рассказать про вчерашний вечер: клиент («Вельский, то есть не он, а его люди, они просто ужасные, пахнут луком и властью») продержал её до трёх, потом она не могла дозвониться до Вероники, потом ехала на такси через полночный город, а водитель всю дорогу рассказывал про

свою тёщу. Она так мило и так искренне жаловалась, обмахиваясь пончиком вместо веера, что Вероника поймала себя на желании её утешать.

– А что у вас тут? – спросила Полина, отхлебнув кофе. – Вы все такие чёрные. У тебя глаза, как у енота.

Вероника рассказала. Про взлом, про окно, про Егора, про дверь за гобеленом. Про ключ с цифрой «7» промолчала. Объяснить это себе она не могла, но в какой-то момент рука сама сжалась в кармане, и она поняла, что сказать не может.

– Ещё бы ты не боялась, – выдохнула Полина. – Ника, слушай. Давай ты переедешь ко мне. Я сняла квартиру у моря, там двери железные, охрана внизу. Хочешь, я прямо сейчас вызову такси, соберём вещи…

– Нет, – сказала Вероника. – Это мой дом.

– Это дом, в который залезают среди ночи!

– Тем более. Пока не узнаю, зачем, я отсюда не уеду.

Даниэль молчал. Он сидел напротив, вертел в пальцах пустой стаканчик и смотрел то на Веронику, то на сад за её плечом. Взгляд у него был внимательный, как у человека, который слушает не слова, а то, что между ними. Когда Полина ушла в дом за салфетками, он наклонился вперёд и сказал почти беззвучно:

– Ты что-то не договариваешь.

– С чего ты взял?

– У тебя в кармане что-то лежит. Ты трогаешь это каждые две минуты.

Она не стала отрицать. Просто посмотрела на него.

– Потом, – сказала она тоже тихо. – Не при Полине.

В его глазах что-то мелькнуло. Не обида, а скорее быстрый вопрос, на который он сам себе ответил. Он кивнул и откинулся в кресле, снова превратившись в расслабленного, чуть ленивого красавца с растрёпанными кудрями.

Разговор с Егором случился чуть позже, около одиннадцати, когда Полина ушла в душ, а Даниэль уехал по срочному вызову («Свадьба в Адлере, невеста плачет, жених не в духе, мне нужно быть там через сорок минут, но я вернусь, слышишь, вернусь»). Вероника нашла управляющего в мастерской за домом, где пахло опилками, машинным маслом и свежей краской. Он стоял над верстаком и перебирал что-то мелкое, металлическое, и по сосредоточенному лицу было ясно: не хочет, чтобы его беспокоили.

– Егор, мне нужно, чтобы вы мне всё рассказали.

– Я рассказал всё, что знаю.

– Нет. – Она встала напротив, по другую сторону верстака. – Вы сказали про комнату одно предложение. Я прошу больше. Что в ней?

– Не знаю.

– Тогда что вы знаете?

Егор отложил отвёртку, вытер руки о тряпку, неторопливо, тщательно, как человек, который выигрывает время. Потом поднял глаза. Тёмные, глубоко посаженные, без блеска.

– Лидия Сергеевна приехала в последний раз осенью. Одна, без предупреждения, ночью. Зашла в дом, не включая света, поднялась на второй этаж, я слышал шаги. Потом долго была в этом коридоре. Когда вышла, у неё было лицо… – Он поискал слово. – Как у человека, который только что вынес из горящего дома самое дорогое и не знает, куда его деть. Она сказала мне: «Егор, если что-нибудь случится, не вскрывай эту дверь. Никогда. Даже если меня не станет. Даже если ты решишь, что так будет лучше».

– И вы послушались.

– Я дал слово.

– А если кто-то другой её вскроет?

– Тогда, значит, это уже не моё дело. – Он усмехнулся: сухо, безрадостно. – Но она ещё сказала одну вещь. «Если кто-то придёт и спросит про эту комнату, скажи, что ты ничего не знаешь. Если придёт моя дочь, скажи ей всё».

– Всё.

– Так она выразилась.

– И вы молчали до сих пор.

– Вы ни разу не спросили.

Она задохнулась от возмущения и, к собственному удивлению, расхохоталась. Хрипло, истерично, так, что пришлось опереться на верстак. Егор смотрел на неё с лёгким недоумением, и в этой серьёзной растерянности вдруг проступило что-то совсем человеческое.

– Ладно, – выдавила она. – Ладно. Спрашиваю. Вы знаете, где ключи?

– Нет.

– Правда?

– Правда, Вероника. – Он смотрел ровно, не мигая. – Я никогда не видел ни одного. Лидия Сергеевна забирала их с собой. Но вот что я скажу. Она была очень аккуратным человеком. Ключи такого рода она бы не взяла с собой в дорогу, где её могут обыскать. Она бы их спрятала. Где-то в доме. Там, где, по её мнению, вы их найдёте.

– Где?

– Это вы мне скажите. Вы же её дочь.

Вероника стояла посреди мастерской, чувствуя, как по спине пробегает ледяной ток. «Вы же её дочь». Она вспомнила мамины уроки: поиски потерянного, игры в прятки на даче, когда мать пряталась не в шкафах и подвалах, а в самом очевидном месте, под самым носом. «Лучше всего прячется то, что лежит на виду».

– Спасибо, – сказала она.

– За что?

– За «скажи ей всё». Даже если вы не говорите.

Егор слегка кивнул. Когда она уже уходила, он тихо добавил ей в спину:

– Вероника. Если вы найдёте то, что ищете, сначала прочитайте, потом решайте. Не наоборот.

Она обернулась. Он уже снова склонился над верстаком, и свет из окна резал его лицо пополам: на одной половине тёмное, на другой почти бесцветное. Она ничего не ответила. Не поняла, о чём он.

***

После обеда Полина уехала «на пятнадцать минут по делам» и пропала на час, а Вероника осталась в мамином будуаре одна. Заперла дверь, села на пуфик перед туалетным столиком и принялась методично, как под рентгеном, осматривать всё, что там было.

Комната была не очень большой, но светлой, с высоким потолком, лепниной в виде розовых бутонов и окнами на сад. Овальное зеркало на столике, три фигурных флакона с тёмным стеклом, расчёска с несколькими седыми волосками, пудреница, шкатулка с цветущей миндальной веткой. Над столиком на стене висела маленькая картина в золотой раме: рыбачья лодка у каменного мыса, синяя вода, чайки. На подоконнике лежала шаль, на комоде стояла чашка с засохшей лавандой.

«Лучше всего прячется то, что лежит на виду».

Она взяла шкатулку, открыла её, перебрала содержимое ещё раз. Кольца, цепочка, фотография, конверт. Ключик с красной ленточкой, который она вчера приняла за ключ от чемодана. Вероника повертела его в пальцах. Маленький, плоский, с зубчиком, не подходящий ни к одному из замков, которые она встречала в доме. Он был слишком маленький даже для двери.

Для двери.

Для ящика.

Она вскочила, подбежала к комоду и стала по одному выдвигать ящики, осматривая замочные скважины на торце. Первый, второй, третий: обычные, без замка. Нижний ящик: пара шарфов, перчатки. Пусто. Она села на корточки, провела пальцами по внутренним стенкам, проверила дно. Ничего. Потом посмотрела на туалетный столик: узкий ящик под столешницей, на который она до этого не обращала внимания, потому что в нём лежали только невзрачные мелочи: булавки, нитки, старый наперсток.

В этом ящике, внизу, под тонкой фанерой выкладки, нашлась крохотная скважина, спрятанная за ножкой. Вероника вынула нитки, наперсток, булавки, перевернула ящик, постучала по стенкам. Звук был глуховат. Она вставила ключик с красной ленточкой, повернула. Слабый щелчок, как будто кто-то щёлкнул языком у самого уха, и фанерное дно приподнялось на половину сантиметра.

Под ним лежала связка ключей.

Шесть штук, на кольце из тёмного металла. Разные: тяжёлые, с фигурной бородкой, плоские, цилиндрические, один с головкой в форме миндального цветка. Каждый с бирочкой из выцветшей кожи, на которой было нацарапано по цифре: «1», «2», «3», «4», «5», «6». Седьмая бирка отсутствовала: на кольце осталось пустое отверстие, куда она не вошла.

Седьмой ключ она держала в кармане халата.

Вероника выдохнула, и воздух вышел из груди со странным, тонким свистом. Она положила связку на ладонь и несколько минут просто смотрела на неё, как смотрят на выигрышный билет, который боятся проверять. Потом достала из кармана латунный ключик на шнурке, поднесла к кольцу. Шнурок, цвет кожи, вытертые края бирки… Всё совпадало. Это были две части одного набора.

Тот, кто ночью проник в дом, искал не просто какую-то комнату. Он искал именно эту связку. У него был седьмой ключ. У неё шесть. Без шести семь бесполезен. Без семи шесть тоже.

Телефон на комоде зазвонил, и она вздрогнула так, что связка зазвенела в руке.

– Алло?

– Вероника Андреевна? Добрый день, это Инга Руденко, помощница господина Громова. Он просил передать, что сегодня в восемь вечера в доме госпожи Вельской проходит приём в честь открытия летней выставки галереи «Ла Кала». Он будет там и надеется вас увидеть. Приглашение отправлено на ваш номер.

– Вы что-то перепутали. Меня не звали.

– Вас пригласила организатор мероприятия, Полина Сафронова. – Голос в трубке чуть потеплел, как будто Инга позволила себе на секунду выйти из роли. – Она сказала, что вы будете. Мне поручено уточнить, нужна ли вам машина.

Вероника прикрыла глаза. Полина. Конечно. Она же «организатор мероприятий».

– Не нужно. Спасибо. Я доберусь сама.

– Благодарю вас. До вечера.

Отключившись, она какое-то время сидела неподвижно, глядя на ключи. Идти на вечеринку к Маргарите, женщине, которая смотрела на неё, как на пятно на скатерти, было последним, чего ей хотелось. Но был ещё один довод, о котором она не говорила себе вслух: она хотела посмотреть на них всех в одной комнате. На людей, которые знали её мать. На тех, кто двигался вокруг дома, как акулы вокруг лодки. И ещё ей нужен был вечер, когда дом будет пустым.

Она встала, спрятала связку в нижнее бельё в чемодане (в самом дальнем углу, под стопкой футболок) и повесила седьмой ключ на шею, под ворот. Металл холодил кожу. Шнурок щекотал за ухом. Оттого, что это тайна, а не оттого, что страшно, ей на мгновение стало весело, по-детски, как в игре в казаки-разбойники, когда ты знаешь ответ, а остальные ещё ищут.

Она стояла перед зеркалом и смотрела на собственное отражение. Растрёпанные волосы. Глаза блестят. Губы припухли: она всё ещё помнила поцелуй у бассейна и не знала, что с этим делать.

– Ну что, мама, – сказала она. – Поиграем.

***

Вилла Вельских называлась «Белая скала» и выглядела так, будто её вырезали из цельного куска мрамора, а потом аккуратно вставили в зелёный склон. Три террасы, спускавшиеся к морю, плоская крыша с садом, стеклянные балконы, на каждом из которых горели свечи в высоких матовых цилиндрах. К подъезду вела аллея из стриженых лавров, освещённая снизу тёплыми лампочками. Перед домом уже стояли ряды машин, и парковщики в белых перчатках бесшумно, как танцоры, скользили между ними.

Вероника приехала с Полиной на её маленьком красном «Мини», который та выпросила на вечер у приятельницы. На Веронике было чёрное платье. Не то, которое выбрала Полина вчера, а другое: из тонкого матового крепа, на одно плечо, с высоким разрезом до бедра и открытой спиной. Волосы она собрала в низкий небрежный узел, выпустив на шею несколько прядей. В ушах те самые бриллиантовые капли, подарок матери. Помада тёмно-красная, как вино. Полина, увидев её, свистнула так, что водитель такси на соседней полосе вывернул шею.

– Ты как будто собралась объявить войну. – Полина смотрела на неё с гордостью и чем-то ещё, неуловимым. – Но красиво.

– Я собралась на вернисаж.

– Не ври. Ты собралась посмотреть, кто боится.

Вероника улыбнулась. Её собственное отражение в боковом стекле выглядело странно чужим: холодным и красивым. Она вспомнила слова матери: «Опасно красивая». И подумала, что сегодня, пожалуй, впервые согласна с этим определением.

В зале было человек двести. Огромная гостиная с окнами на всю стену открывала вид на море, над которым гасла последняя красная полоса заката. Пол из светлого дуба, мраморные колонны, десятки вазонов с белыми гортензиями. На стенах висели полотна, развешанные для выставки: пейзажи, портреты, абстракции, у каждого холста маленькая золотая табличка с именем автора. В углу играл квартет, воздух тяжело пах цветами, воском и дорогим парфюмом, как в оранжерее, где давно не открывали форточки.

Полина тут же исчезла: ей нужно было «проверить, чтобы шампанское не закончилось, а повара не поубивали друг друга». Вероника осталась одна и взяла бокал у проходящего официанта. Она не успела сделать глоток: рядом возникла женщина в алом платье с асимметричным вырезом, смуглая, красивая, с тяжёлыми тёмными волосами, собранными в узел, и ярко-красными, почти театральными губами.

– София Ромеро, – сказала она с лёгким испанским акцентом, протягивая руку. – Владелица галереи «Ла Кала». Мы не знакомы, но я о вас слышала. Даниэль говорил.

– Даниэль говорил?

– Он вообще много говорит. – Её рот тронула улыбка. – Но о вас особенно. Это редкость. Обычно он говорит о свете и композиции, а не о людях.

Вероника не нашла, что ответить. Она вдруг почувствовала себя школьницей, которую застали с чужим дневником.

– Не пугайтесь, – мягко сказала София. – Он хороший человек. Немного потерянный, как большинство хороших людей. И он умеет молчать. Это ценное качество.

– А вы давно его знаете?

– Девять лет. Мы вместе в Валенсии… – Она осеклась и посмотрела куда-то поверх плеча Вероники, и в её лице на мгновение мелькнула странная тень. – Простите. Мне нужно открывать выставку. Увидимся.

Она ушла, оставив запах жасмина и лёгкое недоумение. «В Валенсии вместе, девять лет». Даниэль говорил, что приехал в Сочи год назад. И что у него здесь «всё случайно». Но София знала про него слишком много, и между ними чувствовалась та неловкость, какая бывает между людьми, у которых есть общая тайна.

– Дорогая моя, вы выглядите потрясающе.

Голос был такой сладкий, такой бархатный, что Вероника сразу поняла: опасность. Она обернулась. Маргарита Вельская стояла в трёх шагах, одетая в белое, как всегда: узкое платье с высоким воротом и длинными рукавами, ни одного лишнего украшения, только огромный перстень с бриллиантом на безымянном пальце. Ледяные голубые глаза сияли вежливым любопытством, но что-то в них было острое, как лезвие бритвы под шёлком.

– Благодарю, – сказала Вероника. – У вас потрясающий дом.

– Это дом моего мужа. Я здесь только временно. – Маргарита мягко улыбнулась и сделала шаг вперёд. – Вы пришли без сопровождения. Какая смелость. В нашем кругу принято приходить с кем-нибудь. Чтобы не выглядеть… одинокой.

– Я пришла с подругой.

– С Полиной? Она милая. Работает у нас уже полгода. Очень старательная. – Маргарита чуть наклонила голову. – Надеюсь, вы с ней всем делитесь. Подругам нужно рассказывать всё. Они так любят знать.

Вероника почувствовала странный холодок в спине. «Работает у нас». Она так и сказала: «у нас». Но Полина говорила, что вела только разовые заказы от Вельских.

– А вы своими делитесь? – спросила она и сама удивилась собственному тону.

– У меня нет подруг, – безмятежно ответила Маргарита. – Они слишком дорого стоят.

Вокруг них стали собираться люди. Три дамы в вечерних платьях, пожилой мужчина с моноклем, молодой человек с фотоаппаратом из светской хроники. Маргарита, казалось, ждала именно этого. Её голос стал громче, мелодичнее, как у актрисы, выходящей на сцену.

– Дамы и господа, позвольте представить. Это Вероника Белова. Дочь нашей Лидии. Той самой, которая когда-то вела у моего мужа бухгалтерию. Очень, очень способная женщина. Очень преданная. К сожалению, не слишком благоразумная.

Над толпой пробежал лёгкий шёпот. Кто-то кашлянул. Вероника сжала ножку бокала так, что побелели пальцы.

– Мама была профессионалом, – сказала она ровно.

– Конечно. Профессионалом. – Маргарита сделала паузу. – Как жаль, что профессионализм не передаётся по наследству. Я смотрю на вас и удивляюсь. Такое платье. Такой вырез. Вы ведь понимаете, что в нашем доме принято одеваться немного скромнее? Здесь собираются люди, которые пришли смотреть на живопись. Не на вырезы.

Смешок. Негромкий, короткий, но Вероника его услышала. Щёки загорелись. Сердце ударило о рёбра, потом ещё раз, потом пошло ровно, как идёт у человека, который решил не бежать. Она поставила бокал на поднос мимо проходившего официанта, выпрямилась и посмотрела Маргарите прямо в глаза.

– Госпожа Вельская. Вы совершенно правы. Мама учила меня одеваться скромно. – Она улыбнулась, и в голосе зазвенел лёд. – Но она также учила меня другому правилу. Если женщина тратит три минуты чужой вечеринки на то, чтобы обсуждать, как одета гостья, значит, у неё самой в жизни настолько пусто, что приходится занимать чужие вырезы.

Тишина упала, как занавес. Молодой человек с фотоаппаратом присвистнул. Пожилой мужчина с моноклем закашлялся в кулак. Маргарита не моргнула. Она всё так же улыбалась, но глаза её стали совершенно холодными, цвета заледеневшей воды.

– Вы очень быстро учитесь, – сказала она, так, чтобы слышала только Вероника. – Лидия тоже умела отвечать. Только у неё хватило ума делать это не при свидетелях.

– Это угроза?

– Это воспоминание. – Маргарита подняла бокал, словно предлагая тост. – Наслаждайтесь выставкой, дорогая. И держитесь подальше от лестницы на второй этаж. Здесь старый мрамор, очень скользкий. Один из наших гостей на прошлой неделе упал и сломал ногу.

Она отошла, растворилась среди гостей, и вокруг Вероники снова зашумела вечеринка, как будто ничего не случилось. Только руки продолжали дрожать, и она спрятала их за спину.

– Ты красавица, – прошептал рядом знакомый голос.

Даниэль. В тёмном костюме и белой рубашке без галстука, с камерой на ремне, с воротником, чуть примятым с одной стороны, как будто он надевал её на бегу. Он стоял вплотную и смотрел на неё с таким восхищением, что она на секунду забыла, где находится.

– Ты всё слышал?

– Я всё снял. – Он улыбнулся. – Не для газет. Для себя. Лицо Маргариты в этот момент надо повесить в музее. Подпись: «Когда твоя жертва кусается».

– Я не жертва.

– Я знаю. Именно поэтому и снял.

Она рассмеялась. Хрипло, нервно, с остатками дрожи в плечах, и он на секунду положил руку ей на спину, на голую кожу между лопатками. Тёплая ладонь, лёгкое прикосновение, но по позвоночнику прошла такая волна, что она задержала дыхание.

– Прости, – сказал он, но руку не убрал. – Ты вся дрожишь.

– Я в порядке.

– Врёшь.

– Вру.

Где-то в глубине зала стих квартет, София Ромеро вышла на небольшой подиум и постучала ножом по бокалу, и толпа повернулась к ней. Над залом поплыл её голос, поставленный и тёплый, рассказывающий про первую картину выставки. Даниэль наклонился к самому её уху:

– Через пять минут уходим. Я отвезу тебя.

– Я хочу остаться, – ответила она. – Хотя бы до тех пор, пока не увижу, как Арсений реагирует.

– А он здесь?

Вероника кивнула в сторону дальней колонны. Там, в полутени, чуть в стороне от толпы, стоял Арсений Громов в тёмном костюме, с бокалом воды, и смотрел не на сцену, а на неё. Давно. Возможно, с самого начала разговора с Маргаритой. Взгляд у него был тяжёлый, нечитаемый. Он не приблизился, не кивнул, не улыбнулся. Просто смотрел, как смотрят на выбранную цель, на которую пока нет приказа.

Даниэль проследил её взгляд и убрал руку со спины.

– Понятно, – сказал он тихо. – Тогда остаёмся.

В голосе его не было ревности. Скорее что-то другое: усталое понимание человека, который заранее знал, что этим кончится.

***

Домой она вернулась одна. Даниэль хотел поехать с ней, но его перехватила София: срочно нужны были кадры для каталога, и он развёл руками с таким виноватым видом, что Вероника сама отправила его работать. Полина осталась на вечеринке, у неё «нашёлся клиент, который хочет обсудить свадьбу» (интересно, чью). Арсений ушёл ещё до последнего лота, не попрощавшись и не оглянувшись.

Она ехала в такси по серпантину, прижимаясь лбом к холодному стеклу, и чувствовала странную пустоту, которая бывает после сильной вспышки. Всё это: Маргарита, смешки, взгляды, поцелуи в ночном саду, ключи, письма, взломы, – складывалось в узор, который она ещё не видела целиком, но уже ощущала как давление. Как будто кто-то давно вёл её за руку по тёмному коридору и теперь убрал ладонь.

Дом встретил её тишиной. Егор оставил в холле зажжённую лампу и записку на столе: «Уехал в порт, вернусь к полуночи. Запасной засов на кухонной двери поставил. Е.» Она прочла записку, скомкала, бросила в корзину. Поднялась на второй этаж, сняла туфли, босая пошла по коридору. Паркет под ногами был прохладным, чуть скрипел. Лунный свет из окон ложился на пол длинными бледными полосами, и в каждой из них висели мелкие пылинки.

В спальне она достала связку из чемодана, сунула в карман халата. Седьмой ключ висел на шее. Достала из ящика карманный фонарик, который нашла в первый вечер, и вышла в коридор.

Гобелен с единорогом висел так же косо, как утром. Она приподняла его, прижала край плечом, чтобы он не упал, и посветила на дверь. Старая краска, ржавая ручка, чёрный замок. Три скважины, одна под другой, разные по форме. Верхняя круглая, средняя плоская, нижняя фигурная, с узким вырезом в виде цветка.

Ключ с миндальной головкой подошёл к нижней. Вероника вставила его, затаив дыхание, повернула. Замок отозвался тихим, мягким щелчком. Потом она вставила плоский ключ с цифрой «3» в среднюю скважину: щелчок. Круглый, тяжёлый, с бирочкой «1», вошёл в верхнюю так туго, что пришлось придерживать другой рукой, но в конце концов тоже повернулся.

Дверь не открылась.

Она толкнула. Подёргала ручку. Ничего. Должно быть что-то ещё. Фонарик скользнул по косяку, по доскам, по тёмному нижнему углу, и вдруг на самом краю, внизу, у плинтуса, она увидела ещё одну скважину. Крохотную, почти незаметную, закрытую металлической заслонкой. Такие делают в старинных шкатулках.

Вероника сняла с шеи шнурок с цифрой «7», опустилась на колени и поддела заслонку ногтем. Под ней блеснуло маленькое тёмное отверстие. Ключ вошёл в него как влитой. Она повернула. Что-то внутри двери глухо хрустнуло, будто лопнула старая кость, и дверь, наконец, подалась, выдохнув в лицо запах: пыль, сухие травы, воск и что-то ещё, горьковатое, табачное, мужское.

Она вошла.

Комната оказалась маленькой, не больше четырёх метров в длину, с низким потолком и единственным узким окошком под самой крышей, закрытым снаружи ставнями. Света сквозь щель почти не проникало, и фонарик выхватывал из темноты отдельные куски: письменный стол у стены, заваленный бумагами, узкая железная кровать, застеленная выцветшим клетчатым пледом, шкаф с покосившейся дверцей, на стене огромная морская карта с булавками и красными линиями, а рядом пришпиленные к обоям фотографии. Десятки. Старые чёрно-белые и цветные, в потёртых уголках, с загнутыми краями.

Она подошла ближе и начала разглядывать. Мама. Опять мама, на пирсе, в саду, на веранде этого же дома, смеющаяся, строгая, склонившаяся над чем-то, показывающая пальцем на карту. И рядом всегда тот же высокий мужчина: спиной, боком, в профиль, наполовину в тени. Ни разу лицом. На одной из фотографий он держал мамину руку, и пальцы у него были длинные, сильные, с тёмными волосками на фалангах. На другой они вдвоём сидели на камнях у воды, и он набрасывал ей на плечи пиджак.

Фонарик дрожал в руке. Вероника поставила его на стол, и круг света лёг на пыльную столешницу. Здесь, на тёмном дереве, на слое пыли толщиной в палец, она увидела чистое светлое пятно, ровный прямоугольник размером с книгу или папку. Что-то лежало здесь недавно, и кто-то это забрал. Вероника замерла, потом осторожно провела пальцем по кромке. След был свежим: пыль ещё не успела осесть.

Значит, она опоздала. Тот, кто приходил ночью, всё-таки был здесь. Он не открыл замок: он знал другой путь. Или у него были собственные ключи, или комнату уже открывали, а потом закрыли обратно. «Открывать можно только тому, кто готов не закрыть её обратно».

Холодок прошёл по плечам. Она оглянулась на дверь. Дверь осталась открытой, из коридора тянуло тёплым сквозняком, гобелен слегка шевелился, и тень единорога ползла по полу.

В углу, на нижней полке шкафа, под сложенными шалями, Вероника нашла то, ради чего, наверное, и пришла. Жестяную коробку из-под печенья, ржавую по краям, с облупленным рисунком пастушки на крышке. Тяжёлую. Она села на кровать, и пружины жалобно звякнули, подняла крышку.

Внутри лежала пачка писем, перевязанная голубой лентой. Много, десятка полтора. Конверты без марок, без адресов, желтоватые, с острыми загнутыми уголками. На верхнем крупным размашистым почерком было выведено: «Лидочка».

Вероника сидела с коробкой на коленях и слушала, как в доме тикает тишина. Где-то далеко, внизу, мерно шумело море. Подожди, сказала она себе. Сначала прочитай, потом решай. Егор говорил именно это.

Она развязала ленту.

Первое письмо начиналось так: «Лидочка, ты вчера смеялась, когда мы лезли через забор, а я думал…»

Глава 5. После полуночи

Утро в Сочи началось с тумана. Он приполз с моря ночью и теперь лежал на саду плотной серой ватой, глушил цикад и превращал кипарисы в размытые чернильные мазки. Влажный воздух сочился в окно спальни, пах мокрой землёй, водорослями и ещё чем-то железным, как перед дождём. Балдахин над кроватью отсырел и слегка провис.

Вероника проснулась оттого, что щека прилипла к бумаге. Она оторвала лицо от письма, на котором уснула, и несколько секунд тупо смотрела на выцветшие чернила, не понимая, где находится. Потом всё вернулось сразу: закрытая комната, тугой замок, скрипнувшая под рукой дверца шкафа, пыльная жестяная коробка из-под печенья и перевязанная голубой лентой пачка.

Она лежала поперёк кровати в мятой футболке, в которой вчера открывала запертую дверь. Вокруг, на одеяле, на подушках, на полу, белели конверты. Часть из них она читала до рассвета, остальные разбросала, не дочитав, потому что от чужих слов начинало ломить в висках. Часы на тумбочке показывали без трёх минут девять.

– Ну здравствуй, моя половина тайны, – хрипло сказала она потолку.

Она села, подтянула колени и снова взяла первое письмо. Бумага была плотная, слегка желтоватая, с водяными знаками, и пахла так, словно её годами выдерживали в сундуке с лавандой и табаком. Почерк мужской: крупный, размашистый, с острыми хвостиками у букв «д» и «у», рука человека, который пишет быстро и не любит себя перечитывать. Всего писем было четырнадцать. На конвертах ни адресов, ни марок: их, судя по всему, не отправляли, а передавали из рук в руки или оставляли там, где она их найдёт. Подпись всегда одна. Одна буква.

«В.»

Она перечитала то, что знала почти наизусть. «Лидочка, ты вчера смеялась, когда мы лезли через забор, а я думал, что если бы мне предложили выбрать одну минуту из жизни, чтобы остаться в ней навсегда, я выбрал бы эту: ты босиком на мокрой траве, с туфлями в руке, и сторож с фонарём ищет нас не там». Вероника улыбнулась, не заметив этого. Потом заметила и нахмурилась, потому что представить мать, перелезающую через забор, было всё равно что представить её в цирковом трико. Лидия Белова, которая вытирала ложки насухо и не позволяла себе опаздывать даже на день рождения собственной дочери, лезла босиком через чужой забор.

В другом письме мужчина писал о море. Он умел писать о нём, чего Вероника от автора письма никак не ждала: «Сегодня вода была цвета дешёвого зелёного стекла, из которого делают бутылки, но когда солнце упало под углом, она стала твоими глазами. Не спорь, у тебя в зрачке такая же золотая крошка». Вероника машинально потрогала собственное веко. Крошка в зрачке. Мама сказала ей это однажды, давным-давно, глядя на неё через стол, и сразу отвела взгляд.

Она перебирала страницы и складывала их в стопки по смыслу, как привыкла раскладывать эскизы для заказчиков. Письма о счастье. Письма о страхе. Письма, в которых не было слов о любви, но было так много любви, что она проступала сквозь строчки, как вода сквозь тонкую ткань.

Страх начинался с шестого письма. «Ты права, ей нельзя здесь быть, пока всё не кончится. Москва лучше. Скучная, серая, безопасная Москва, я никогда не думал, что буду просить об этом». Вероника перечитала фразу три раза. «Ей». Некому больше. Ей, полуторагодовалой, которую мама оставляла в Москве у соседки по лестничной клетке, а сама каждое лето уезжала «в командировку на юг, ты же знаешь, бухгалтерский аудит».

Аудит. Конечно.

Она вскочила, подошла к окну и распахнула створку. Влажный ветер ударил в лицо. Внизу сад тонул в тумане, и только верхушки кипарисов торчали из серого, как копья.

В восьмом письме мужчина писал: «Я до сих пор слышу, что ты сказала на мысу. Я не знаю, как жить с этим счастьем. Я боюсь его, как боятся грозы над открытой водой». Что мама могла сказать на мысу, что человека, который смеялся над сторожами, заставило бояться? Вероника ходила по комнате, босая, взъерошенная, и злилась на каждую строчку, которая приоткрывала дверь и тут же её захлопывала.

Последнее письмо было самым коротким. Без обращения. «Ты просила не писать. Не буду. Лето кончилось, и я понимаю почему. Если сможешь, сохрани то, что мы вместе спрятали. Там больше правды, чем во всех бумагах, которые они выдают за настоящие. Пока я жив, я буду ходить кругами у этого берега. В.»

«Пока я жив». Она прижала лист к груди и вдруг ясно поняла, что слова эти написаны не из красивого романтичного отчаяния. Человек писал их, потому что очень хорошо знал, насколько всё серьёзно.

Но кто он? В. Она вспомнила, как вчера, держа ключ в потной ладони, прикидывала в уме все мужские имена на букву «В»: Владимир, Виталий, Валерий, Виктор, Всеволод. Ни одно не отзывалось. Зато каждый раз, когда она пыталась представить его лицо, перед глазами вставал силуэт с фотографии на пирсе: разворот плеч, наклон головы, волосы на лбу.

И вместе с ним, непрошеный, возникал другой силуэт, в тёмном костюме, на террасе, с янтарным стаканом в руке.

– Хватит, – сказала Вероника вслух и закрыла окно. – Он «А», а не «В». У тебя просто мозг сломался.

Но от этой мысли что-то внутри чуть отпустило. Арсений начинался на «А». Письма написал не он. Значит, на снимке рядом с мамой, скорее всего, стоял кто-то другой, и сходство ей мерещится от усталости и шампанского.

Скорее всего.

Она собрала письма в стопку, перевязала голубой лентой, подумала и вместо шкафа отнесла их в ванную, где положила на дно пустой чугунной ванны под стопку белых полотенец. Глупо. Но вчерашний скрип половиц в коридоре никуда не делся, и ей хотелось, чтобы самое важное лежало там, где его не станут искать.

Телефон завибрировал на тумбочке. Сообщение от Полины: «Ты жива? Прислать тебе вечером что-нибудь шикарное для моральной поддержки? Я нашла в Сочи бар, в котором наливают как в Москве, только дороже». Вероника набрала «Жива, но с тайнами», стёрла, написала «Жива, всё норм, вечером созвонимся» и отправила. Про письма она пока рассказывать не стала. Объяснить себе, почему, Вероника тоже не смогла.

***

Даниэль приехал к двенадцати, когда туман наконец порвался и солнце проглянуло сквозь него сначала жёлтым пятном, потом белым диском, а потом так яростно, что сад задымился паром. Он подъехал на потрёпанном мотороллере цвета выцветшей мяты, бросил его у ворот и зашагал по аллее с фотоаппаратом на плече, насвистывая что-то испанское и очень лёгкое.

Вероника наблюдала за ним с веранды. Льняная рубашка цвета топлёного молока, расстёгнутая у горла, закатанные рукава, тёмные кудри, которые ветер трепал, как ему вздумается. На шее, чуть ниже линии челюсти, белел узкий шрам, который она разглядела только вчера на яхте. Он двигался расслабленно, как кот, который знает, что его пустят в любой дом. Даже деревья как будто расступались.

– Buenos días, mi reina! – крикнул он, едва заметив её. – Ты выглядишь как женщина, которая всю ночь воевала с драконом. Дракон, надеюсь, проиграл?

– Дракон пока жив, – сказала Вероника. – Заходи. Егор сварил кофе, но предупреждаю, он злой, как его хозяин.

– Егор мне нравится. Он единственный человек в этом городе, который смотрит на меня так, будто я в чём-то виноват. Это освежает.

Он поднялся на веранду, поставил камеру на плетёный столик и, не спрашивая, плюхнулся в кресло напротив. Налил себе кофе из кофейника, понюхал, поморщился.

– Joder. Это же дёготь.

– Это Егор.

– Тогда я буду пить и уважать.

Он отпил, сморщился ещё сильнее, потом посмотрел на неё внимательно, и шутливость в его глазах потускнела на полтона.

– Ты не спала, – сказал он. – Тени как у пандочки.

– Спасибо, ты умеешь делать комплименты.

– Я умею видеть. Это разные вещи. – Он поставил чашку. – Что случилось?

Она колебалась. Внутри боролись два голоса. Первый говорил: «Не рассказывай никому, даже ему, особенно ему, ты знаешь его три дня». Второй, злой и усталый, отвечал: «Ты четыре дня не разговаривала ни с кем, кто не врёт тебе в лицо».

Победил второй.

– Я нашла комнату, – сказала Вероника. – Закрытую, на втором этаже в дальнем конце. Там были письма.

Даниэль замер. Это длилось доли секунды, она заметила бы его мимолётную неподвижность, только если бы не смотрела прямо ему в лицо. Но она смотрела.

– Письма? – переспросил он ровно. – От кого?

– От какого-то «В.». Он писал моей маме. Я думаю, это он на той фотографии. – Она достала из кармана шорт снимок и положила на стол. – Вот.

Даниэль взял фотографию двумя пальцами, как берут что-то хрупкое. Долго смотрел. Тень от плюща пробегала по его лицу, когда ветер шевелил листья, и она не могла понять, что в этом лице: интерес, узнавание или страх.

– Красивая у тебя мама, – сказал он наконец тихо. – Тут ей лет двадцать?

– Двадцать два, двадцать три. Я не знаю точно. Она никогда мне не рассказывала. Ты вообще видел такое? Кто он?

– Подожди. – Даниэль повертел снимок. – Знаешь, что смешно? Я видел почти такую же. Не эту, но… кадр был из той же серии. Другой ракурс, но тот же пирс, то же платье. Только мужчина смотрел в камеру.

Вероника подалась вперёд так резко, что плетёное кресло скрипнуло.

– Где?

– В семейном альбоме, – Даниэль потёр шрам на шее, жест, который она уже замечала, когда ему становилось неловко. – Когда я снимал в «Атлантисе», мне показывали старый зал, там, в музейном уголке, где история отеля. Витрины, альбомы, фотографии основателей. Громовы, их родня, друзья дома. Я листал, как профессионал, искал хорошие кадры. И увидел вот такую же карточку. Девушка на пирсе. Подпись была другая, не помню какая. Я тогда не знал, что это твоя мама, мне просто понравилась композиция.

– Громовы, – повторила она. – Арсений Громов.

– Арсений там тоже есть. В других альбомах, помоложе. Но не на этом снимке, нет. – Он помолчал. – Ника, я не говорю, что мужчина на фото из их семьи. Я говорю только, что фотография принадлежала их коллекции. Это значит, что они были знакомы. Твоя мама и… кто-то из той семьи.

– «Все знали вашу маму», – сказала Вероника, и губы у неё сложились в горькую линию. – Он так и сказал. Очень гладко. Как будто репетировал.

– Может, и репетировал. Но это ещё не преступление. – Даниэль наклонился к ней, и она почувствовала запах его кожи: нагретый лён, морская соль, что-то пряное, апельсиновая корка. – Послушай меня, vale? Не бросайся на него с вопросами, пока не знаешь, что спрашивать. Люди вроде Громова всегда отвечают ровно тем, что тебе уже известно.

– Ты предлагаешь мне молчать?

– Я предлагаю тебе думать. Это сложнее. – Он улыбнулся, и в этот раз улыбка была искренней и немного грустной. – Хочешь, я попробую выяснить, чьи это альбомы? Я там ещё буду снимать на следующей неделе.

– Хочу. – Вероника помедлила. – Даниэль, ты… почему ты вообще мне помогаешь? Ты меня три дня знаешь.

Что-то в его лице качнулось и встало на место.

– Потому что мне скучно, – сказал он легко. – И потому что, mi reina, не помочь женщине, которая смотрит на меня таким взглядом, было бы грубо. Особенно когда она в шортах.

– Идиот.

– Идиот, который умеет фотографировать. Это обычно прощается.

Она рассмеялась и впервые за утро почувствовала, что плечи опустились. Егор вышел на веранду с подносом, молча поставил перед ними тарелку с горячими сырниками и ушёл. Даниэль благоговейно взял вилку.

– Как зовут этого человека?

– Егор.

– Нет, святого, который научил его это делать.

Они ели, и разговор снова стал лёгким, с дурацкими шутками, с воспоминаниями про испанские бары, где подавали креветки в чесночном масле. Но краем сознания Вероника продолжала отмечать, что Даниэль, рассказывая смешное, ни разу не посмотрел ей в глаза дольше секунды. Будто боялся, что, если задержит взгляд, она прочитает в нём больше, чем он собирался показать.

***

Звонок от Арсения пришёл в семнадцать ноль-ноль, минута в минуту. Не сообщение, не помощник с вежливым голосом, а звонок с его личного номера, который Вероника вчера, после недолгих колебаний, всё-таки сохранила в телефоне без имени, просто под буквой «А».

– Вероника. – Голос в трубке был низкий, без приветствий. – Вы определились с часовым поясом?

– Я определилась, что у меня их три. Московский, сочинский и тот, в котором я вчера слушала джаз.

– Тогда мне нужен четвёртый. Сегодня вечером. Я хочу пригласить вас к себе домой.

Она подняла бровь, хотя он этого видеть не мог.

– К себе домой. Вы сегодня резки.

– Я сегодня честен. Не в отеле, не на яхте, не среди чужих людей. У меня дом в горах над Хостой. Там тихо, там можно говорить без свидетелей. Я хотел бы показать вам то, что, возможно, вас заинтересует. Документы, связанные с вашим домом. Я не буду давить, не буду уговаривать продавать. Просто хочу, чтобы вы увидели картину целиком.

– «Картину целиком», – повторила Вероника. – Звучит как фраза из рекламы адвокатов.

– Я не адвокат.

– Я заметила. Адвокаты не угрожают одним тембром голоса.

В трубке повисла пауза, и она отчётливо услышала, как он усмехнулся, коротко, одним выдохом.

– Я пришлю машину в восемь. Или приеду сам, если вы предпочитаете.

– Я предпочитаю приехать сама.

– Тогда я пришлю адрес.

Он отключился, не попрощавшись. Вероника отложила телефон и некоторое время смотрела на стену, обитую выцветшим шёлком в мелкий цветочный рисунок. Умом она понимала, что идти не надо. Разумный человек, у которого в запасе целая куча странностей: письма, фото, ночной скрип, – не едет в одиночку в горы к мужчине, который, возможно, знал её мать лучше, чем признаётся. Но разумные люди в таких историях обычно ничего не выясняют.

Полина позвонила по видео через пять минут, словно чуяла. На экране возникло её круглое лицо с ярко-розовым блеском, пушистыми ресницами и огромными серьгами-кольцами. Позади мелькал номер отеля, белая простыня, открытый ноутбук.

– Ника! Ну, что у нас новенького? Ты спала? Ты ела? Кто тебе писал? Говори мне всё, я по тебе скучаю как по ипотеке, то есть сильно и непрерывно.

– Арсений Громов пригласил меня к себе домой, – сказала Вероника. – В горы. Сегодня вечером.

Полина издала звук, похожий на визг дельфина.

– Он что?! Ты серьёзно?! Подожди, подожди. Это тот самый, хозяин «Атлантиса»? Высокий, плечи как шкаф, глаза как у киллера, которому грустно?

– Откуда ты знаешь про глаза?

– Фотку в интернете видела. Ника, он стоит миллиарды. Ты понимаешь, что он, как бы, огонь? – Полина придвинулась ближе к экрану, и голос стал заговорщицким. – Только ты осторожно, ладно? Такие мужчины не просто так зовут к себе. Скажи мне, где именно он живёт, куда вы поедете, я хотя бы буду знать, где тебя искать, если что.

– Над Хостой. Адрес он пришлёт.

– Кинь мне сразу, как придёт. На всякий случай. Подруга подруге. Я за тобой присматриваю, пока ты там рискуешь жизнью ради бизнес-интересов.

– Ты точно моя подруга, а не мама?

– Я хуже. Я подруга и ещё и организатор мероприятий, я умею планировать эвакуации. – Полина подмигнула. – Что наденешь? Давай обсудим. Только умоляю, не бежевое.

Вероника засмеялась, подтянула чемодан и начала выкидывать вещи на кровать. Полина комментировала каждую с интонацией жестокого стилиста: «Нет, это для переговоров с налоговой. Нет, это для похорон. Вот это, подожди-подожди… да, это». «Это» оказалось чёрным трикотажным платьем-футляром, длиной до колена, закрытым спереди и с вырезом на спине до самой поясницы.

– Он будет ждать откровенного, – объяснила Полина с видом полководца. – А ты ему покажешь скромное спереди и жёсткое сзади. Пусть гадает. Мужчины обожают гадать, пока им не дают ответа.

– Откуда ты столько знаешь о мужчинах?

– Практика, детка. Много практики. Давай, надевай. Хочу посмотреть.

Когда Вероника, смеясь, показала платье в камеру, на лице Полины на секунду промелькнуло выражение, которое трудно было прочесть: не восхищение и не зависть, а что-то вроде усталой жалости. Оно исчезло так быстро, что Вероника решила, будто это блик экрана.

Через два часа она ехала по серпантину в маленьком арендованном «Рено», который выбрал для неё Егор. Он не задавал вопросов, только проверил масло, воду и давление в шинах, а на прощание сказал: «Фары включайте раньше, чем стемнеет. Там поворотов много, и некоторые слепые». Она кивнула. Потом уже в дороге подумала, что он ни разу не спросил, куда она едет. Просто знал.

Хоста осталась внизу, мелькнули последние дома, пошёл лес. Склоны круто взмывали вверх, густо поросшие буком и грабом, среди которых тёмными пятнами темнел самшит, древний, колючий, давно переживший своих хозяев. Дорога вилась вдоль глубокого ущелья, где шумела невидимая река. В открытое окно врывался воздух другой, чем у моря: прохладный,

лесной, пахнущий мхом, камнем и дымом. Солнце садилось, и свет сквозь листву ложился золотыми пятнами на лобовое стекло.

Адрес пришёл эсэмэской, когда она проехала последний указатель. Вероника переслала его Полине. Поставила в навигаторе точку и вдруг почувствовала, как внутри что-то натянулось, тонкая струна, которая пела от одного только слова «поехали».

***

Дом стоял на выступе склона так, словно вырос там сам. Длинный, низкий, из тёмного камня и стекла, с плоской крышей, поросшей травой, и огромными окнами, в которых отражалось закатное небо. Вокруг не было ни забора, ни охраны, только вековые буки, старые каменные стены и тропинка, выложенная плоскими плитами. Над крышей поднимался тонкий дымок: где-то внутри горел камин.

Арсений встретил её на крыльце. Без пиджака, в тёмной рубашке с закатанными рукавами, в простых брюках. Босой. Это оказалось самой неожиданной деталью: хозяин империи стоял на тёплом камне без обуви и смотрел на неё сверху вниз с выражением, которое она не умела определить.

– Вы доехали, – сказал он.

– Вы сомневались?

– Нет. Но обрадовался, что не ошибся.

В доме пахло деревом, дымом и розмарином. Внутри всё было просто и дорого: открытое пространство, потолок из тёмных балок, каменный камин с живым огнём, массивный стол, низкие диваны с пледами из грубой шерсти. Одна стена целиком из стекла, за ней чёрная, бездонная пропасть ущелья, а над ней проступали первые звёзды. Тишина стояла такая плотная, что слышно было, как потрескивают поленья.

– Вы здесь живёте? – спросила Вероника.

– Здесь я живу, когда мне это можно. В городе у меня квартира при отеле, но там я принадлежу бизнесу. Здесь только себе.

– Звучит почти как исповедь.

– Не обольщайтесь. Это просто факт.

Он накрыл ужин сам. Вероника с удивлением смотрела, как человек, чьи часы стоили как её московская квартира, достаёт из духовки глиняный горшок с бараниной, режет хлеб, наливает в тяжёлые бокалы красное вино. Ножом он владел так же точно, как словами. Они сели за стол не друг напротив друга, а под углом, и колени порой случайно оказывались слишком близко.

Первый час они почти не говорили о делах. Он рассказывал, как купил этот склон двенадцать лет назад, когда здесь стояла полуразвалившаяся пастушья хижина, как таскал камни на себе, пока строители отказывались подниматься по осыпи. Она рассказывала про дизайн, про заказчиков-самодуров, про то, как однажды целую неделю перерисовывала логотип пекарни, потому что хозяйка хотела булочку, но «без булочности».

– Что такое «булочность»? – спросил он серьёзно.

– Это когда круглое, но не жирное. Тёплое, но не домашнее. Короче, невозможное.

– Вы справились?

– Нарисовала просто круг. Она заплакала от счастья.

Арсений засмеялся, и смех у него в этом доме был другим, без вчерашней стальной нотки, хриплый, почти усталый. Вероника поймала себя на том, что смотрит на его губы дольше, чем следует, и резко потянулась за бокалом.

К одиннадцати вино закончилось, и он принёс из кабинета тонкую папку.

– Здесь копии. Договор купли-продажи вашего участка двадцатилетней давности и два документа о перераспределении долей. Посмотрите. Не сейчас, потом, когда будет время.

Она взяла папку, положила на колени и не открыла.

– Почему вы мне это показываете?

– Потому что вы приехали одна, с чужой фамилией на документах и без единого человека, который мог бы объяснить вам правду. – Он смотрел на неё пристально, не мигая. – Я не буду утверждать, что вы мне безразличны с точки зрения интересов. Это было бы ложью. Но я не хочу, чтобы вы подписывали что-то вслепую. Кто бы ни подсунул вам бумаги, хоть я, хоть нотариус, хоть кто угодно.

– Благородно.

– Нет. Расчётливо. Если вы меня узнаете, вам будет легче со мной договариваться.

Вероника улыбнулась кончиками губ.

– Вы всегда так честны с женщинами?

– Нет. С вами пока получается.

Она встала и подошла к стеклянной стене. Ущелье внизу дышало темнотой, лишь изредка вспыхивали огоньки далёких домов. В стекле отражались она сама, чёрное платье с открытой спиной, пламя камина, а за спиной тёмная фигура, которая приближалась. Шаги были почти беззвучными.

– Вы знали мою маму лучше, чем сказали, – произнесла она, не оборачиваясь.

– Да.

Простота ответа заставила её обернуться. Он стоял совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. В свете камина серые глаза казались темнее, почти чёрными, и в них не было ни привычной стали, ни расчёта. Только усталость и что-то похожее на боль.

– Расскажете?

– Не сегодня. – Он помолчал. – Не потому, что мне нечего сказать. Потому что сегодня я не хочу говорить о ней.

– А о чём хотите?

Он не ответил. Поднял руку, медленно, давая ей время отстраниться, и убрал с её щеки прядь волос. Пальцы были тёплые, шершавые. Они задержались у виска, потом скользнули по скуле к подбородку и остановились у самых губ.

Вероника знала этот миг. Знала, что в ней должен сработать рефлекс: острый ответ, насмешка, шаг назад, которым она десятки раз останавливала мужчин в последнюю секунду. Но слова не пришли. Внутри стало тихо, как в доме после ухода гостей.

– Скажите, чтобы я остановился, – тихо сказал Арсений.

– Не скажу.

Она сама подняла лицо.

Поцелуй начался осторожно, почти вопросительно, будто он спрашивал разрешения. Потом перестал быть вопросом. Его ладонь легла ей на затылок, зарылась в волосы, другая прижалась к её спине, к голой коже над вырезом платья, и по позвоночнику пробежал горячий ток. От него пахло красным вином, дымом и цитрусом, и этот запах кружил голову сильнее всякого алкоголя. Она вцепилась пальцами в его рубашку, узнавая под тканью твёрдую линию плеч, тяжёлое, быстрое биение. Он прижал её к стеклу, и холод окна на лопатках смешался с жаром его тела спереди.

– Ты замёрзнешь, – прошептал он у самых её губ. Впервые на «ты».

– Тогда согрей.

Усмешка мелькнула и исчезла. Он подхватил её на руки так легко, что у неё вырвался короткий смешок, и понёс через гостиную мимо камина, мимо длинного стола с брошенными бокалами, к тёмной лестнице, ведущей на галерею. На ступенях она обвила руками его шею и зарылась лицом в шею, туда, где бился пульс. Он остановился на полпути, прижался лбом к её лбу и сказал низко, хрипло, совсем не тем голосом, каким говорил на приёме:

– Я хочу, чтобы ты поняла. Я не делаю этого ради сделки.

– Если бы ты делал это ради сделки, я бы уже уехала, – ответила она. – Я плохо переношу расчёт.

Спальня тонула в полумраке. Огромная кровать у окна, белое бельё, тёмное дерево, за стеклом непроглядная гора и звёзды. Он опустил её на простыни, и она на миг испугалась, потому что стало тихо и очень серьёзно. Не было ни игры, ни привычной лёгкости, на которых она всегда держалась. Только его лицо над ней, резкое, тяжёлое, без привычной маски, и руки, которые двигались медленно, будто он учился заново.

Молния платья потянулась вниз, и воздух коснулся спины прохладой. Она закрыла глаза. Его губы нашли плечо, ключицу, изгиб шеи, там, где кожа тоньше и горячее, а ладони скользнули по бёдрам, возвращая ей давно забытое ощущение, что тело может быть не только красивым, но и живым, ждущим, благодарным. Она слышала его дыхание, неровное, сдерживаемое, и понимала, что этот человек, привыкший держать всё под контролем, сейчас теряет его по одному кусочку, как человек, развязывающий тугой узел.

Она думала, что поведёт сама. Так было всегда: она выбирала, она решала, когда и сколько, и уходила первой, пока другому не пришло в голову остаться. Но когда она потянулась к пуговицам его рубашки, он накрыл её пальцы своей ладонью, горячей и тяжёлой, и сказал почти шёпотом: «Подожди. Дай мне посмотреть». И она замерла, как замирают перед выстрелом фотографа, чувствуя на себе его взгляд, медленный, внимательный, от которого кожа покрывалась мурашками раньше, чем он коснулся её. Это было неловко и невыносимо сладко. Ей захотелось отвернуться, и она не отвернулась.

– Ты дрожишь, – сказал он.

– Мне холодно.

– Врёшь.

– Вру, – согласилась она и вдруг засмеялась, коротко и растерянно, потому что поняла: не вру только в одном, в том, что давно не позволяла никому так на себя смотреть.

Тогда она расстегнула его рубашку сама, по одной пуговице, и ткань разошлась, открыв загорелую грудь, тёмные волосы, тонкий белый шрам под рёбрами. Она провела по шраму пальцем, и он втянул воздух сквозь зубы. «Откуда?» – «Потом». – «Хорошо, потом». Его кожа пахла дымом, цитрусом и горячим камнем, а на вкус, когда она прижалась к ней губами, была солёной, как будто он весь день провёл у моря. Он тихо выругался, не зло, а как человек, у которого кончились слова, и она почувствовала, как его пальцы запутались в её волосах, осторожно, будто боялись сжать слишком сильно.

Они не торопились. Это удивило её больше всего: мужчина, который привык брать всё сразу, оказался терпеливым до мучительности. Он целовал её медленно, возвращаясь к губам снова и снова, пока она не начала просить без слов, выгибаясь ему навстречу. За окном тянулась чёрная гора, и ветер шевелил на ней кроны, и ей казалось, что ночь тоже затаила дыхание и смотрит, не вмешиваясь.

Дальше всё слилось в тепло, шорох простыней, шёпот, в котором она различала только своё имя, и тёмные волны, накатывавшие одна за другой, как море за окном особняка. Где-то на краю сознания шумела невидимая река, но потом и она растворилась.

***

Она проснулась от холода. Не от сквозняка, а от пустоты рядом: простыня на соседней половине кровати остыла, и ладонь, скользнув по ней, не нашла ничего, кроме смятой складки.

В комнате было почти темно. Лунный свет вползал сквозь огромное окно и ложился на пол серебристым квадратом. На стуле висела её чёрная ткань, аккуратно, как будто её повесила чужая заботливая рука. Вероника села, подтянула простыню к груди и прислушалась. Дом молчал. Где-то внизу тихо скрипнула дверца шкафа, потом заурчал чайник, значит, Арсений ушёл на кухню.

Её тело помнило каждое прикосновение и откликалось на воспоминания тянущей тёплой слабостью. Она улыбнулась в темноту, чуть растерянно и совсем не так, как улыбалась обычно. В этой улыбке не было ни победы, ни расчёта. Скорее удивление: как просто всё получилось, и как страшно, что оно получилось.

Телефон лежал на прикроватной тумбочке, экран мигал синим. Она взяла его, чтобы посмотреть время: 01:07. Под часами горело уведомление. Одно сообщение. Неизвестный номер.

Вероника нахмурилась и коснулась экрана. Текста не было. Только вложение, которое грузилось медленно, прогрессбар полз, как улитка по стеклу. Она открыла сообщение и стала ждать, механически натягивая простыню выше. Телефон нагрелся в ладони.

Наконец картинка проявилась.

Фотография была старая, плёночная, с мягким зерном и выцветшими красками, видимо, переснятая с бумажного оригинала. Каменная терраса, длинный стол, увитый виноградом. За столом смеялись люди, чьих лиц она не разобрала. На первом плане, чуть сбоку, стояли двое. Женщина в светлом платье, с распущенными тёмными волосами, повернувшаяся к мужчине так, что щека почти касалась его плеча. И мужчина.

Совсем молодой, лет семнадцати-восемнадцати, худощавый, но уже широкий в плечах. Тёмные волосы падали ему на лоб, а серые глаза смотрели прямо в камеру, внимательно и жёстко, будто он знал, что его снимают, и хотел, чтобы это увидели все. Одна его рука лежала у женщины на талии. Совсем так, как лежала на талии мамы рука на фотографии из шкатулки.

Это был Арсений.

А женщина, прижавшаяся к нему, была её мама.

Под снимком, отдельной строкой, вспыхнули три слова:

«Спроси, где он был».

Вероника не сразу поняла, что перестала дышать. Грудь горела, пальцы онемели, и простыня сползла с плеч, но она не замечала холода. Она смотрела на мамино лицо, живое, влюблённое, повёрнутое к молодому Арсению с той самой нежностью, с какой на первой фотографии мама смотрела на незнакомца у пирса. И на его руку, лежащую на её талии, длинные пальцы, сильное запястье.

В голове пронеслось, как по мокрому стеклу: письма, подписанные «В.»; «Все знали вашу маму»; «Не сегодня, я не хочу говорить о ней»; «Я не делаю этого ради сделки».

Внизу тихо звякнула чашка о блюдце. Шаги пошли к лестнице. Мягкие, неспешные, он ступал босыми ногами по дереву. Они приближались.

Вероника выключила экран и сунула телефон под подушку. Подтянула простыню к подбородку. Приказала лицу застыть. Потом передумала, откинулась на подушки и закрыла глаза, потому что поняла, что не сможет сейчас встретить его взгляд.

Дверь открылась. Тёплая волна запаха, чай, мёд, кожа и цитрус, вплыла в комнату. Он остановился у кровати, и она кожей почувствовала, как его взгляд проходит по её лицу. Потом матрас прогнулся, его рука коснулась её волос, нежно, почти робко.

– Спишь? – тихо спросил Арсений.

Она не ответила. Дыхание выровняла так, как учили когда-то в школе плавания, считая до четырёх.

Он посидел ещё немного. Потом поставил чашку на тумбочку и тихо лёг рядом, и она ощутила жар его тела сквозь тонкую ткань. Его рука обняла её поперёк талии и замерла. Той самой рукой, с длинными пальцами и сильным запястьем.

Вероника лежала в темноте с открытыми глазами и слушала, как за стеной леса шумит река. Тихая, чёрная, бездонная. В кулаке под подушкой дрожал телефон, и ей казалось, что с экрана на неё, не мигая, смотрит двадцатилетний мальчик, у которого её мама спрятала в ладони своё лето.

Глава 6. Женщина с прошлого

К рассвету ущелье перестало быть чёрным. Оно сначала посерело, потом налилось зеленью, и огромное окно спальни, за которым ночью стояла сплошная пустота, превратилось в раму для живой картины: буковый лес, поднимающийся ярусами, лоскуты тумана в низинах, на дальнем склоне крошечная каменная часовня, о существовании которой Вероника ещё вчера не подозревала. Она наблюдала за этим, лёжа неподвижно, и считала, сколько раз за ночь рука на её талии вздрагивала во сне. Девять. Арсений спал так же, как говорил: коротко, без лишних движений. В начале шестого он осторожно, чтобы её не потревожить, высвободился, постоял у окна и вышел. Она не стала делать вид, что спит. Просто лежала и смотрела в потолок, пока в голове, как плёнка в проекторе, крутились одни и те же кадры: двадцатилетний мальчик с серыми глазами, женская щека у его плеча, три слова под снимком.

В восемь она всё-таки встала. Чёрное платье висело на спинке стула, расправленное, с аккуратно застёгнутой молнией, и вид у него был такой, будто оно провело ночь лучше хозяйки. Натягивать его оказалось неприятнее, чем снимать. Трикотаж, вчера казавшийся второй кожей, утром был просто тряпкой для вечернего выхода, и каждый шов напоминал, что выход закончился в чужой спальне. Вероника умылась в ванной с каменной раковиной, выдавленной в цельной глыбе, сполоснула лицо ледяной водой из горной скважины, от которой заломило зубы, и посмотрела в зеркало. Размазанная тушь, припухшие губы, на ключице бледное пятнышко, которого не было вчера. Из зеркала на неё глядела женщина, которая выглядела счастливой и совершенно не имела на это права.

– Умница, – сказала она отражению. – Молодец. Ночью ты переспала с человеком, который, возможно, обнимал твою мать, а утром ходишь по его дому в вечернем платье. Прямо готовый сюжет для ток-шоу.

Отражение виновато промолчало.

Внизу пахло дымом и горячим хлебом. Арсений сидел за длинным столом в дальнем углу гостиной, у стеклянной стены, в серой футболке и в очках для чтения, которых она на нём ещё не видела. Узкая металлическая оправа делала его старше и мягче. Перед ним стоял ноутбук, тарелка с инжиром и белым сыром, глиняный чайник с отбитым носиком. Он что-то быстро набирал, хмурясь, и не сразу заметил, что она остановилась на нижней ступеньке лестницы. Потом поднял голову, снял очки и положил их на стол дужками вверх, аккуратным жестом человека, привыкшего ко всему относиться бережно.

– Доброе утро, – сказал он. – Ты быстро собралась. Я думал, ты ещё спишь.

– Я не спала.

– Я заметил. Ты дышала слишком ровно.

– Это называется «тренированная паника», – сказала Вероника и подошла к столу, но садиться не стала. – Нам надо поговорить.

Он слегка кивнул, как человек, который ждал именно этой фразы и заранее решил не удивляться.

– Слушаю.

Она достала из сумочки телефон, разблокировала, нашла вложение и положила экраном вверх на стол, между инжиром и чайником. Фотография светилась там, как маленькое окно в другую жизнь: терраса, виноград, смеющиеся размытые лица, двое на переднем плане.

Арсений смотрел на экран долго. Лицо не изменилось, только ушла вся живость, которая была в нём вчера у камина, и осталась знакомая тяжёлая маска. Но Вероника следила не за лицом. Она следила за рукой на столе. Пальцы сомкнулись вокруг кружки с недопитым чаем, и костяшки побелели.

– Когда это пришло? – спросил он.

– В ночь. В первом часу. С незнакомого номера. Под фото написано: «Спроси, где он был».

– Где «он»?

– Это мне и интересно. Может, это про тебя. Может, про того, кто стоит рядом с тобой на другой фотографии. Я нашла в мамином доме ещё одну, с пирсом, и там мужчина без лица. – Она услышала, как голос становится выше и тоньше, и осадила его. – Это ты, Арсений. Тебе здесь лет двадцать. А это моя мама. Ты вчера сказал «Все знали вашу маму» и «Вы знали её лучше, чем я говорил? Да». Ты спал со мной и ни разу не сказал, что обнимал её за талию.

– Я сказал, что не хочу сегодня о ней говорить.

– Это не одно и то же!

– Нет, – согласился он. – Не одно и то же.

Он не стал оправдываться. Это сбило её сильнее, чем любая попытка. Она приготовилась к отпору, к спокойной вежливой стене, о которую можно разбить сколько угодно слов, но он просто откинулся на спинку стула и сказал:

– Садись.

– Постою.

– Тогда стой. – Он взял телефон и приблизил к глазам снимок. – Это терраса дома на старой даче моего отца в Хосте. Дом снесли пятнадцать лет назад. Лето, август, мне двадцать. Тот день рождения устроила моя бабка, собралась вся родня и половина города. Твоя мама пришла вместе с… – Он осёкся на секунду, почти незаметно. – Она тогда часто бывала у нас. Дружила с одним человеком из нашей семьи. Я был сопляком, который ходил за ними хвостом и мешал.

– С кем дружила?

– Не сегодня.

– Арсений…

– Не потому что я хочу тебя обмануть. – Он поднял на неё глаза, и они были серыми и очень усталыми. – Потому что это не моя тайна. Я не вправе раздавать чужие имена, как визитки.

– Рука на её талии тоже была не твоя?

Вероника увидела, как у него дёрнулся мускул на щеке.

– Рука на её талии была моя, – сказал он глухо. – Единственный раз, когда она позволила мне до неё дотронуться. Её накануне в ту ночь довели до слёз, она стояла на ступеньках, и я просто подал ей руку, а кто-то щёлкнул, и всё. Я был влюблён в неё, Вероника. Глупо, безнадёжно, как бывают в двадцать. Она знала. Она никогда этого не использовала. Жалела меня, как жалеют щенков.

Слово «влюблён» упало в тишину и осталось лежать. За стеклом, внизу, поднимался из ущелья туман, медленно, как молоко в кастрюле. Вероника поймала себя на том, что хочет одновременно ударить его и обнять, и обе эти идеи ей одинаково не нравились.

– Прекрасно, – сказала она. – Ты был влюблён в мою мать. А вчера ты спал с её дочерью. Мне, видимо, надо сказать «спасибо за откровенность»?

– Тебе надо сказать то, что ты думаешь.

– Я думаю, что ты очень удобно устроил. Вчера «я не делаю этого ради сделки», сегодня «я был влюблён в твою маму». Как проверить, что одно не продолжение другого?

Он замолчал. Она ждала, что он сорвётся, и поразилась, когда он вместо этого снял очки с головы, которые давно уже снял, и потёр переносицу.

– Никак, – сказал он наконец. – Это нельзя проверить. Можно только решить, веришь или нет.

– А ты что бы выбрал на моём месте?

– Не поверил бы. – Он усмехнулся горько. – Я неправильный человек для таких вопросов, Вероника. Я слишком хорошо знаю, как люди врут красиво.

Она отвернулась к стеклу, потому что смотреть на него стало невыносимо. Внизу, на дне ущелья, что-то блеснуло, река или осколок света, и пропало.

– Хорошо. Тогда последний вопрос, и мне нужен прямой ответ. Где ты был шесть недель назад? Когда её хоронили?

– В Милане. – Ответ пришёл сразу, но слишком ровно. – Мы подписывали контракт на поставки для нового корпуса. Я узнал на третий день. Мне не позвонили, мне сообщил общий знакомый. На кладбище я приехал, когда уже всё закончили. Гроб был закрыт, вся церемония прошла без посторонних. Мне сказали, что так захотела она сама.

– Кто сказал?

– Человек, который оформлял. Я не помню фамилию.

Вероника обернулась. Он сидел прямо, смотрел ей в лицо, и не было в этом лице ничего, на что можно было бы указать пальцем. Но чашка в его руке снова дрогнула, так мелко, что чай вздрогнул кругами, и она кожей почувствовала: он что-то недоговаривает. Не лжёт, а именно недоговаривает, и это хуже, потому что обвинить не в чем.

– А двадцать лет назад? – спросила она. – В тот август. Где ты был, когда она перестала приезжать?

– Улетел в Лондон. Отец отправил учиться, за две недели до конца сезона. Мы тогда поссорились, я хлопнул дверью и вернулся только через два года. Я многое пропустил.

– Звучит как заученный текст.

– Звучит как правда, которую я давно перестал рассказывать вслух.

Тут она поняла, что не получит от него больше ничего. Не сегодня. Она взяла телефон со стола, спрятала в сумочку и застегнула молнию, медленно, чтобы руки не выдали дрожь.

– Я поеду, – сказала она.

– Позавтракай.

– Не хочу.

– Хотя бы чаю.

– Арсений. – Она впервые за утро назвала его по имени без яда в голосе, и от этого стало хуже. – Если ты правда хочешь, чтобы я тебе верила, найди способ сказать мне то, что ты мне не говоришь. Без «не сегодня». Я не умею жить в доме, где половина комнат заперта. Мне уже достался один такой.

Он встал. Высокий, широкоплечий, в простой серой футболке, босой на тёплом камне. Протянул руку, будто хотел коснуться её щеки, и остановил ладонь в воздухе, не дойдя нескольких сантиметров.

– Кто бы это ни прислал, – сказал он негромко, – он хотел, чтобы ты поссорилась со мной. И у него получилось. Подумай об этом, когда будешь ехать вниз. Серпантин сегодня мокрый.

Она вышла на крыльцо, не оглянувшись. Мокрые плиты, пахнущие грибами и железом, стекали вниз к «Рено». Утро было свежим, почти осенним, и ветер из ущелья ударил ей в открытую спину холодом. В зеркале заднего вида, когда машина тронулась, фигура у порога осталась стоять неподвижно, и Вероника не позволила себе смотреть на неё дольше, чем требовала осторожность на первом повороте.

На втором повороте у неё затряслись руки. На третьем она остановилась у бетонного отбойника, опустила лоб на руль и заплакала, зло, быстро, без звука, как плачут люди, которые не собираются никому в этом признаваться.

***

Чёрный «Мерседес» стоял на заправке в Хосте так, будто занял её заранее. Вероника заметила его только тогда, когда вышла из крохотного магазинчика с бутылкой воды и пакетиком солёных орешков, который купила не от голода, а просто чтобы чем-то занять пальцы.

Лак машины отражал ряд кипарисов и облако, и всё это вместе выглядело слишком дорого для места, где у колонки пахло бензином и жареными чебуреками.

Задняя дверь открылась. Из неё не вышла, а скорее вытекла фигура водителя, сухого мужчины лет пятидесяти в тёмной рубашке и в наушнике. Он подошёл с таким видом, словно доставлял посылку, на которую уже имел расписку.

– Вероника Андреевна? Маргарита Станиславовна просит вас присоединиться к ней на обеде. Она ждёт.

– Передайте Маргарите Станиславовне, что у меня встреча с ванной и кроватью, – сказала Вероника. – И что я не езжу обедать с женщинами, которые следят за моей машиной.

– Меня просили передать вот это.

Он вынул из кармана сложенную вдвое плотную кремовую карточку. Почерк острый, аккуратный, чернила цвета ночного неба: «Вы наверняка хотите знать, что было в «последнее лето» Лидии. Я хочу рассказать. Не ради вас, а ради неё. М.В.»

Вероника перечитала карточку дважды. Слова «последнее лето» вспыхнули у неё в голове, как лампочка. Она никогда не произносила их вслух. Ни Даниэлю, ни Арсению, ни Полине. «Лето. Последнее хорошее» значилось только на обороте фотографии, спрятанной в шкатулке.

– Откуда она знает эти слова? – спросила Вероника.

– Не могу знать, – ровно сказал водитель. – Мне поручено только отвезти.

Разум говорил, что надо сесть в «Рено» и ехать домой. Но разум за последние сутки лишился всякого авторитета. Она сунула орешки в карман, бросила воду в машину и пересела в прохладное кожаное нутро «Мерседеса», где пахло сандалом и холодной хвоей.

Они ехали сорок минут, не по побережью, а вверх, по узкой дороге мимо серых стен, за которыми шумели сады. Вилла Вельских стояла на самой макушке холма над Дагомысом: длинный белый параллелепипед с зеркальными окнами, бассейн-«инфинити» без края, сливавшийся с небом, ряды орхидей в керамических кадках, ни единой травинки лишней. Всё было вылизано до стерильности, как операционная. Даже кипарисы, казалось, были подстрижены под линейку.

Маргарита ждала на террасе. Белые льняные брюки с острыми стрелками, белая шёлковая блуза с воротником-стойкой, на запястьях тонкие серебряные браслеты, в ушах маленькие бриллианты, холодные, как капли льда. Платиновая стрижка лежала идеально, ни один волосок не смел выбиться. За столом, сервированным на двоих, стояли тарелки с карпаччо из гребешков, ледяной лимонад в хрустальном графине и вазочка с маленькими абрикосами, один из которых уже был аккуратно надрезан.

– Вероника, – сказала Маргарита и улыбнулась, но улыбка осталась на губах, как нанесённая помада. – Спасибо, что приехали. Присаживайтесь. Вы выглядите уставшей.

– Я всегда так выгляжу после поездок в горы.

– Я слышала, что дорога на Хосту ночью занимает много сил. Особенно в одну сторону.

Вероника села, положила сумочку на колени и подняла бровь.

– Вы всегда знаете, где я ночую?

– Милая, это Сочи. Здесь четыре с половиной улицы и триста человек, которые знают друг о друге всё. – Маргарита налила лимонад в бокал, подвинула ей. – Не обижайтесь. Я не сплетница. Я просто обязана следить за теми, кто приходит в нашу семью.

– Я не приходила в вашу семью.

– Тогда в нашу историю. Какая разница.

Она взяла вилку, но есть не стала. Смотрела на Веронику так, как смотрят на документ, прикидывая, подпись настоящая или подделка.

– Вы хотели рассказать мне про последнее лето, – сказала Вероника. – Откуда вы знаете эти слова?

– Я присутствовала при том лете. – Маргарита наклонила голову. – Мы с Лидией дружили тогда. Это вас удивляет? Я была молодой женой, она бухгалтером у моего мужа. Нам хватало друг друга. Мы пили вино на её веранде, обсуждали, какие мужчины нас не стоят. Я привела её в нашу фирму, между прочим. Рекомендовала. Лидия была очень толковой. Слишком толковой для своего положения.

– Что это значит?

– Это значит, что умные женщины всегда рискуют. – Она отпила воды, поставила бокал точно в мокрый кружок на скатерти. – Я расскажу вам версию, которую никто вам не расскажет. Хотите?

– Мне кажется, у вас не получится меня остановить.

– Вот и прекрасно. – Маргарита сложила пальцы шпилем. – Ваша мать, Вероника, приехала в Сочи двадцать три года назад. Красивая, острая, одинокая, с маленькой дочерью на руках в Москве у соседки. Купила этот дом, «Морскую розу», на деньги, о происхождении которых она мне так и не рассказала. Только четверть, остальное принадлежало другому человеку. Из семьи Громовых.

– Какому?

– Не Арсению, не волнуйтесь. Арсений тогда был щенком. – Тень улыбки. – Тому, который не любил людей, но любил море. Они были вместе. Красивая была пара, надо признать. Лидия ходила как беременная счастьем, хотя, к счастью, нет. Мы все ей завидовали. А потом всё кончилось. Как кончается всё, что слишком красиво.

– Как? – Вероника наклонилась вперёд. – Что с ним случилось?

– Он ушёл в море и не вернулся. – Фраза прозвучала ровно, как строчка из учебника. – Так говорят. Катер, шторм, вода. Тела не нашли. Он был опытным моряком, и вы понимаете, что в таких историях всегда остаются вопросы.

Вероника почувствовала, как горло сжимается. «Пока я жив, я буду ходить кругами у этого берега». Человек, писавший эти письма, ходил кругами у берега, а потом пропал в море.

– Моя мама… – голос у неё дрогнул. – Она знала?

– Она пережила. По-своему. – Маргарита вздохнула, и вздох получился почти настоящим. – Дальше начинается то, что вам будет неприятно слышать. После его исчезновения у нашей фирмы оказались некоторые проблемы. Исчезли бумаги. Часть документации по сделкам. Мой муж был очень расстроен. Лидия, которая вела всю бухгалтерию, взяла отпуск и уехала. Совсем. Дом оставила на управляющего, документы забрала с собой. Мы так и не узнали, что именно.

– Вы хотите сказать, что моя мама воровала?

– Я хочу сказать, что у любой хорошей женщины есть два-три бессмертных греха. – Маргарита улыбнулась ласково, как улыбаются больному ребёнку. – Это не обвинение, Вероника. Это то, что я знаю. Лидия была умницей и жертвой обстоятельств. Мужчины Громовых, к сожалению, разрушают тех, кого любят. Вы, наверное, уже заметили. Арсений подарил вам неплохой вечер?

Вероника не успела обуздать выражение лица. Маргарита смотрела на неё с неподдельным интересом, и в голубых глазах на секунду мелькнуло что-то вроде удовлетворения.

– Вот видите, – сказала она мягче. – Вы тоже умница. Я не буду читать мораль. Скажу лишь одно: он знает больше, чем говорит. Спросите у него, почему за двадцать лет он ни разу не назвал вам имени человека, которого любила ваша мать. Спросите, почему он так торопится купить землю, которая стоит дороже, чем любая курортная прихоть.

– Он сказал, что это чужая тайна.

– Какой благородный. – Улыбка Маргариты стала на градус холоднее. – Это называется «удобное молчание». Таким пользуются, когда не хотят отвечать на вопрос.

Подали горячее, рыбу на пару с лимонным соусом, хотя ни одна из них не притронулась к еде. Вероника смотрела, как солнце дробится в воде бассейна, и думала о том, что Маргарита рассказывает ровно столько, сколько нужно для крючка. Каждая фраза была приманкой, и всё же внутри не оставалось места для чистой злости. Слишком много совпадало: море, письма, пропавший мужчина. Слишком много.

– Зачем вы мне это говорите? – спросила она. – Только честно, без «ради неё».

Маргарита промокнула губы салфеткой, свернула её и положила рядом.

– Честно? Потому что мой муж готов дать вам за вашу долю сумму, рядом с которой предложение Громова выглядит милостыней. И потому что мы не станем подсовывать вам ничего лишнего, никаких «сюрпризов» в договоре. Константин ценит порядок. А ещё… – она помедлила и впервые отвела взгляд, – потому что мне не всё равно, что стало с её дочерью. Лидия была моей подругой. Когда-то.

В последнем слове не было ни тепла, ни горя. Только холодный, ровный звук, как лёд, упавший на мрамор.

– Если найдёте в доме какие-нибудь старые папки, бухгалтерские, с цифрами, – добавила Маргарита небрежно, будто речь шла о забытой перчатке, – не стесняйтесь, привезите. Это наша документация. Мы заплатим.

– Конечно, – сказала Вероника. – Если найду, вы узнаете первой.

Её улыбка вышла такой же безупречной, как у Маргариты. Они посмотрели друг на друга, две женщины с одинаково гладкими лицами, и каждая поняла, что другая только что солгала.

На обратном пути Вероника сидела в машине молча, сжимая в кармане орешки, о которых забыла. За окном проплывали стены, ворота, камеры, вывески санаториев, и всё это казалось ей декорациями огромной, ловко сделанной ловушки. Она не знала, кому верить. Не знала даже, хочет ли знать. Только одна фраза засела в голове, острая, как рыбья косточка: «Он ушёл в море и не вернулся». И ещё другая, написанная чужим размашистым почерком: «Пока я жив».

***

Сообщение от Даниэля пришло в пятнадцать сорок, когда она лежала в спальне поверх покрывала в одном полотенце и разглядывала трещину на потолке, похожую на карту несуществующей страны. «Mi reina. Я краду тебя до утра. Одежда не важна. Возьми удобную обувь и плохое настроение, остальное у меня есть. Адрес: Старый город, бывшая «Волна», второй этаж, звонить два раза, потом один. Кто не знает пароль, того кормят чесноком». И следом смайлик, которым пользуются исключительно люди старше тридцати: жёлтое лицо с высунутым языком.

Она написала: «Я не в настроении быть красивой». Он ответил за десять секунд: «Идеально. Красивых у меня целая полка. Мне нужна злая».

Вероника прыснула, и впервые с утра лицо ослабло. Она встала, оделась без разбора: тонкая белая майка, узкие светло-голубые джинсы, кроссовки, волосы в небрежный хвост. Посмотрела на себя в зеркало, сняла серьги, потом надела их снова. Спустилась в холл, где пахло воском и сквозь щели в ставнях проходили золотые линейки, и столкнулась с Егором. Он стоял у лестницы, держа в руках лампу, и разглядывал патрон так внимательно, словно тот сказал ему что-то обидное.

– Вы к ужину? – спросил он.

– Не знаю. Скорее нет.

– Возьмите ключи от калитки. На случай, если захотите вернуться после одиннадцати. Замок в воротах заедает.

– Спасибо, Егор. Ты мой личный ангел-хранитель с отвёрткой.

Его взгляд скользнул по её лицу, и она не успела понять, что в нём было: тревога, усталость или что-то более личное, чем он позволял себе показывать. Он молча протянул ей связку, и холодный металл лёг в ладонь.

Старый город встретил её запахом нагретого асфальта, жасмина и жареных каштанов, хотя каштаны в июле не продают, и она так и не поняла, откуда этот запах. Узкие улочки карабкались вверх от набережной, дома теснились друг к другу облупленными фасадами, на балконах сушилось бельё, в подворотнях дремали толстые рыжие коты. Здесь Сочи был не курортной открыткой, а городом, где живут. Вероника шла по адресу, который Даниэль прислал картой, и поймала себя на том, что идёт быстрее, чем нужно.

«Волна» нашлась во дворе, за арками, дореволюционный двухэтажный дом с выцветшей лепниной над дверью. На стене едва держалась жестяная вывеска: «Фотоателье. Портреты, карточки на документы, групповые снимки. С 1911 года». Вероника нажала кнопку звонка два раза и один раз. Дверь щёлкнула без вопросов, и на лестнице, пахнущей кошками, пылью и старым деревом, она услышала сверху, как кто-то с чувством напевает «Бесаме мучо» мимо нот.

Студия занимала весь второй этаж. Когда Даниэль распахнул дверь, Вероника на секунду забыла, зачем пришла.

Это был зал на двести квадратных метров с потолком в пять метров высотой и огромным окном на север, затянутым молочным стеклом, сквозь которое лился ровный мягкий свет без теней, тот самый, в котором когда-то снимали купцов и дам с зонтиками. Пол из дубового паркета ёлочкой, потёртый до блеска, с меловыми крестиками, где десятилетиями стояли позирующие. Вдоль стен громоздились ширмы, расписанные холстами: крымский берег с картонной луной, греческая колоннада, венецианский канал, дворцовая лестница. В углу под чехлом спала огромная деревянная камера на треноге, рядом с лампами в зонтиках, похожими на гигантские белые цветы. Плюшевый диван цвета бордо, вытертый на подлокотниках, подпирал стену. На вешалке висели костюмы для туристических портретов: матросские бушлаты, корсеты, кружевные зонтики, женская шляпа с перьями, мужской цилиндр. Пахло пылью, химикатами и нагретым деревом, и ещё чем-то сладковатым, как в бабушкиной шкатулке.

– Чего-чего, а такого я не ожидала, – выдохнула она.

– Принадлежит подруге, Софии, – сказал Даниэль. Он стоял в дверях, в рубашке с закатанными рукавами, босой, с камерой на ремне и ухмылкой человека, который заранее знал, что произведёт впечатление. – Она держит здесь галерею на первом этаже, а второй просто стоит. Ателье закрылось в девяносто восьмом, хозяйка умерла, наследники не знают, что делать. Я выклянчил на лето. Условие: ничего не ломать и не включать вон ту лампу, она плюётся искрами.

– А если сломаю?

– Тогда ты будешь первой, кто сломал что-то в этой студии за двадцать лет. Это почётно.

Он забрал у неё сумку, повесил на гвоздь, подвёл к дивану. Налил в кружку холодного чая с мятой из термоса и вручил со словами «чтобы ты расслабилась и перестала смотреть на меня, как на возможного маньяка». Она хмыкнула, села, поджав ногу. Только теперь заметила, что в студии прохладнее, чем на улице, и что от стен тянет сыростью старого камня.

– Рассказывай, – сказал Даниэль, присев напротив на корточки. – Лицо у тебя как у человека, который проиграл три партии подряд.

– Я проиграла только две.

– Какие?

– Утром я поругалась с Громовым. Днём меня вывезла на обед Маргарита Вельская.

– Que? – Он выпрямился так резко, что камера стукнула о бедро. – Без шуток? Она сама приехала?

– Прислала водителя на заправку. Знала, что я спала в горах, и сказала это вслух. За карпаччо.

– Joder. – Даниэль провёл рукой по кудрям. Лицо стало серьёзным, без привычной игры, и она впервые увидела, что у него в уголках глаз тонкие, ранние морщинки, которых не было

видно при улыбке. – Ника, послушай меня. Эта женщина – не светская дама. Она хуже Громова, потому что Громов хотя бы говорит, что собирается сделать. Она… – Он поискал слово. – Она улыбается, пока тебя закапывают.

– Арсений сказал почти так же. Что она улыбается тем, кого собирается уничтожить.

– Вот видишь, хоть в чём-то они согласны.

Телефон в его кармане коротко зажужжал. Он вынул его, глянул на экран, и по лицу пробежала тень. Вероника успела заметить лишь одно слово на экране, написанное без фамилии: «Tío». Даниэль перевернул телефон экраном вниз и сунул обратно.

– Дядя? – спросила она, прищурившись.

– Двоюродный. Родственники в Мадриде вечно хотят знать, не женился ли я на русской. – Он вернул улыбку на место, но та села чуть криво, как неудачно надетая шляпа. – Ему, как всегда, отвечу через неделю.

Она сделала вид, что поверила.

– Ладно, – сказала Вероника, поставив кружку. – Что ты затеял, фотограф? Только без «просто снимем для себя». Я знаю этот трюк.

– Я хочу, чтобы ты сейчас, пока утро и Маргарита сидят у тебя в голове, как двое чужих гостей, высказала всё, что думаешь. Громко. Вслух. А я буду снимать.

– Это терапия?

– Это работа. Я называю её «портрет без лица для публики». Видишь стену?

Он показал на белую простыню, натянутую между ширмами, подсвеченную мягким светом.

– Встань там. Не позируй. Не улыбайся, не прячь подбородок, не думай, что я тебя фотографирую. Просто ругайся.

– На кого?

– Выбирай. Громов. Вельская. Нотариус. Твоя бывшая любовь. Любой, кто сегодня заслужил.

Вероника встала на меловой крестик, и паркет под кроссовками отозвался скрипом. Сначала ей было неловко. Она чувствовала себя глупо, как на сцене школьного спектакля. Потом Даниэль щёлкнул затвором, и этот сухой, живой звук как будто выдернул из неё затычку.

– Вы знаете, – сказала она громко, обращаясь к сероватому свету окна, – у вас на удивление идеальная укладка для женщины, которая сама не помнит, как ей выгодно быть доброй. Нет, правда. Платина. Холод. Можно мне инструкцию, как так не мигать?

Щёлк.

– А вы, Арсений Павлович, – продолжила она, не заметив, что назвала его отчество, которое слышала лишь раз, – прекрасно двигаетесь для человека, у которого столько секретов. Руки у вас тёплые. Это, знаете, очень нечестно. Руки не должны быть тёплыми у тех, кто врёт.

Щёлк. Щёлк.

– Не останавливайся, – шёпотом сказал Даниэль из-за камеры. – Дальше.

– А ты, мама, – сказала Вероника и вдруг услышала, как голос обрывается, – ты тоже хороша. Лето у неё. Последнее хорошее. Конспиратор. Ты могла бы просто сказать, что у тебя есть человек, с которым ты смеёшься. Я бы поняла. Я бы даже порадовалась. Ты могла сказать, а ты ушла и оставила мне дом с закрытыми дверями. Как будто мне не хватало дверей.

Щёлк.

Она замолчала. В студии стало тихо, только тикало где-то под полом старое дерево да жужжала муха в оконной раме. Вероника поднесла ладони к лицу, потёрла глаза и засмеялась неожиданно для самой себя, коротко, нервно, потом уже по-настоящему.

– Господи. Я разговариваю с простынёй.

– Ты разговариваешь с самой честной простынёй в Сочи, – сказал Даниэль мягко. Он опустил камеру, и она увидела его лицо без объектива, обычное, живое, немного встревоженное. – Всё в порядке?

– Нет. Но стало легче. Это странно.

– Это называется «вышла из шкуры, чтобы вернуться в неё без швов». – Он подошёл ближе, постоял, потом без лишних слов обнял её, коротко, крепко, по-дружески. От него пахло нагретым льном и фиксажем. – Хорошо, что ты пришла.

За окном потемнело на полтона. Где-то внизу хлопнула дверь галереи, кто-то из гостей смеялся на лестнице. Вероника уткнулась лбом ему в плечо и подумала, что давно не чувствовала себя такой странно, неприлично целой.

**

К восьми вечера окно потемнело до цвета сливы, и студия превратилась в совсем другое место. Даниэль включил не верхний свет, а лампы на стойках: две в мягких зонтиках, одну прямую с жёлтым стеклом, и комната засияла тёплыми островами, между которыми качалась густая бархатная тень. Паркет блестел, как мокрый. Картонная луна на крымском холсте стала совсем настоящей.

Они успели многое. Сфотографировали её в бушлате матроса и с трубкой в зубах, и Вероника так серьёзно хмурилась, что Даниэль рухнул на пол, держась за живот. Потом он надел цилиндр и изобразил нотариуса, говорящего с ней на «вы» с испанским акцентом: «Сеньорита Белова, для вашего счастья вам необходимо подписать вот здесь и ещё здесь, и тут маленький кусочек вашей души». Она бросила в него шляпой с перьями и попала. Они разогрели на электрической плитке в подсобке лаваш с сыром, нарезали гранат, ели с пальцев, пачкая подбородки красным соком, и пили из пластиковых стаканчиков вермут из его термоса, горький, пряный, пахнущий корками и травой.

– Ты вообще понимаешь, что мы ведём себя как подростки в чужом доме? – сказала Вероника, облизывая палец.

– Лучшие годы жизни. Только без родителей и с алкоголем.

– С хорошим алкоголем.

– С очень хорошим, mi reina. Я воспитанный человек.

Она встала, походила вдоль вешалки, перебирая костюмы, и вытащила тонкое платье цвета слоновой кости, сшитое по косой, из тяжёлого шёлка, с длинными рукавами и открытой спиной. Ткань пахла нафталином и чем-то цветочным, давним, но на теле легла мягко, как налитая вода. Подол чуть звенел стеклярусом.

– Тридцатые, – сказал Даниэль, приподняв брови. – Курортные дамы любили сниматься в таких на фоне моря. Только, к сожалению, фон у нас картонный.

– Мне как раз подойдёт.

Она встала перед крымским холстом с картонной луной, закрутила хвост в низкий узел и повернулась боком, положив руку на воображаемые перила. Тень от неё упала на стену длинная, как у кинодивы. Даниэль замер с поднятой камерой.

– Жди, – сказал он. – Так и стой.

Свет вспыхнул, как молния. Вспышка выбелила комнату, оставив в глазах цветные пятна, и тут же последовала вторая, и третья, он двигался вокруг неё танцующей походкой, присаживаясь, поднимаясь, прося повернуть голову, опустить плечо, посмотреть «в сторону, где у тебя проблемы». Она смеялась и подчинялась. Свет плыл, ловил золото в её глазах, блеск стекляруса, нитку пота над верхней губой.

– Всё, – сказал он наконец, опуская камеру. Голос стал низким. – Больше не могу. Ты слишком хорошо сидишь на этой плёнке.

– Это цифра.

– Для меня это плёнка. Всё важное для меня плёнка.

Они одновременно шагнули навстречу друг другу, и Вероника не поняла, кто сделал первый шаг. Остановились в двух ладонях. Паркет скрипнул под его босой ногой. Он убрал камеру на стул, медленно, будто боялся что-то вспугнуть, и поднял руку, и пальцы коснулись её щеки, чуть шершавые, пахнущие гранатом.

– Скажи, если я неправ, – тихо сказал он.

– Ты уже вторую фразу подряд говоришь «скажи, если». Это такой испанский способ спросить?

– Это такой способ не облажаться.

Она потянулась к нему сама, быстро, как прыгают в холодную воду, и поцеловала. Поцелуй вышел нетерпеливым и смешным: они стукнулись носами, она хихикнула ему в губы, он засмеялся тоже, и смех прошёл между ними горячей волной. Потом смех угас. Остался вкус вермута и граната, и его ладони, которые нашли её спину в открытом вырезе платья и очень осторожно, как будто спрашивали разрешения у каждого позвонка, прошлись вдоль линии шёлка.

Вероника отступила на полшага, не разрывая взгляда, подцепила пальцами верхнюю пуговицу его рубашки.

– Ты так и будешь меня целовать при свете этих фонарей?

– А ты предпочитаешь в темноте?

– Я предпочитаю, чтобы нас не снял кто-нибудь с лестницы.

– Здесь замок.

– Тогда ладно.

Он потянулся к выключателю, но задел ногой кабель. Одна из ламп качнулась и со страшным хлопком выстрелила снопом искр. Белая вспышка, запах горячей пыли, и вся студия погрузилась во тьму. Мгновение они стояли молча, как два школьника, застигнутых за поджиганием школы.

– Это та самая лампа? – прошептала Вероника.

– Это не та, – так же шёпотом ответил он. – Это ещё хуже. Это щиток.

– Joder, – сказала она, и он зашёлся беззвучным хохотом, уткнувшись носом ей в шею.

Темнота оказалась не полной. Из молочного окна падал ночной свет, синеватый, с оранжевыми пятнами от фонарей на улице. В нём всё стало мягче и проще: очертания ширм, колонны на холсте, плюшевый диван, силуэты друг друга. Даниэль нашёл на подоконнике огарок свечи в блюдце, чиркнул спичкой. Огонёк затрепетал, и тени на стенах поплыли.

– Вот, – сказал он. – Это уже почти романтика. Мы выжили, нас не убило током, и у нас есть свечка.

– Вселенная явно на твоей стороне.

– Она на моей стороне только когда ты рядом.

– Не начинай с банальностей, Корреа.

– Это не банальность. Это чистая тактика.

Она засмеялась, притянула его за ворот и снова поцеловала, уже не торопясь. Они не заметили, как оказались на диване. Бордовый плюш был тёплым от лампы, пах пылью веков и чьими-то давними духами. Платье сползло с плеча лёгким шорохом, свеча качнулась от дыхания, и тени на стене переплелись в один тёмный силуэт. Его руки были бережными, совсем не такими, как у Арсения: не властными, не выверенными, а любопытными, будто он открывал что-то, чему не хотел сделать больно. Он целовал её запястье, ямку у локтя, тонкую жилку на шее, там, где пульс, и между поцелуями бормотал что-то по-испански, быстро, торопливо, и она не понимала ни слова, но слышала, как внутри этих слов смеётся нежность.

– Что ты говоришь?

– Что ты сумасшедшая. Что я не знаю, что с тобой делать. Что ты пахнешь морем и гранатом.

– Это перевод или импровизация?

– Это стихи. Плохие. Я не поэт.

– Продолжай.

Дальше слов стало меньше. Они то смеялись, то замолкали, то путались в рукавах, в бархатной портьере, которую он стащил с карниза, чтобы укрыть её, и которая упала на них обоих тяжёлой пыльной волной, заставив чихнуть по очереди. Вероника лежала, смеясь, с растрёпанными волосами, с ладонью на его груди, и чувствовала, как под рёбрами живёт быстрое тёплое дыхание, и ей было до странности спокойно. Здесь можно было не быть ничьей. Ни наследницей, ни дочерью, ни добычей. Только женщиной на старом диване, в свете огарка, с мужчиной, который смотрит на неё как на что-то слишком хорошее, чтобы быть правдой.

Потом мир сузился до тепла, шёпота, шуршания старого шёлка, до чуть сбитого дыхания, и до тихого «mi vida, mi vida», сорвавшегося у него возле самого её уха. Свеча погасла сама, и они не стали зажигать другую.

Позже, много позже, они лежали под портьерой, и за окном падал на крыши моросящий дождик, лёгкий, летний, не дождь, а шёпот. Вероника водила пальцем по шраму на его шее, очень осторожно, словно читала. Шрам был гладкий, чуть приподнятый, длиной в полпальца.

– Откуда?

– Авария. Давно.

– Это не ответ.

– Это короткий ответ. – Он вздохнул. – Мне было двадцать четыре. Дорога под Мадридом, ночь, мокрый асфальт. Я ехал не один. Тот, кто был со мной, остался цел, и это единственное, что я помню как хорошее. Остальное неинтересно.

– Он твой друг?

– Он… – Даниэль помолчал, и она почувствовала, как под её ладонью он на секунду напрягся. – Он мне как младший брат. Расскажу в другой раз, ладно? Хочется, чтобы сегодня было без прошлого.

– Договорились. – Она улыбнулась. – У нас у всех сегодня вечер без прошлого. Он у меня занят уже вторые сутки.

– Громов?

– Не называй его, – попросила она. – Пока.

Он не стал спрашивать. Только крепче обнял её под бархатом и поцеловал в висок.

– Ты вернулась оттуда вчера с таким лицом, что я догадался, – сказал он. – Я не ревную. Я не имею права. Просто хочу, чтобы ты знала: тут нет конкурса.

– Это самое мудрое, что я слышала за двое суток.

– Я вообще мудрый. Просто скрываю.

– У тебя ужасно получается.

Они лежали и слушали дождь. Вероника думала о том, что никто не подсказывал ей, как себя вести. Она не знала, что именно сегодня сделала: нашла ли спасение или совершила новую глупость. Но когда Даниэль, лениво зевая, пробормотал что-то про «завтра я куплю тебе блины на набережной и они будут отвратительными», она поймала себя на том, что хочет этого завтра. Простого. Дурацкого. С блинами.

***

Мотороллер вынырнул из арки Старого города, как мятная пастилка из коробки, и понёсся вниз к набережной. Вероника сидела сзади, обхватив Даниэля за талию, в его льняной рубашке поверх тонкой майки: он накинул её на неё на пороге студии, потому что к ночи похолодало. Рубашка пахла им, нагретой солью и вермутом. Ветер бил в лицо и вытаскивал из хвоста последние прядки. Дождь кончился, и асфальт блестел, как чёрное зеркало, в котором дрожали огни: красные стоп-сигналы, жёлтые гирлянды кафе, неоновые вывески, холодный белый свет морского вокзала.

Сочи в этот час жил своей ночной жизнью. Из открытых дверей баров лилась музыка, на набережной гуляли пары, у парапета смеялась компания девчонок с шарами в виде звёзд, и кто-то на гитаре играл что-то знакомое, из кино. Даниэль ехал медленно, лениво, как человек, которому некуда торопиться, и время от времени поворачивал голову, чтобы бросить ей через плечо короткую шутку. Она хохотала ему в плечо, и ей хотелось, чтобы дорога никогда не кончалась.

У ворот «Морской розы» он заглушил мотор. Кипарисы стояли тёмной стеной, из-за них слабо светилось окно во флигеле Егора. Пахло мокрой хвоёй, и где-то под откосом тяжело ворочалось море.

– Дальше не поеду, – сказал Даниэль, слезая и придерживая мотороллер. – Не хочу, чтобы Егор смотрел на меня из окна, как на преступника.

– Он смотрит на тебя как на преступника всегда.

– Именно поэтому не хочу провоцировать.

Она сняла его рубашку, он покачал головой и накинул обратно ей на плечи.

– Оставь. Завтра вернёшь.

– Это приглашение к свиданию?

– Это заложник. Теперь ты обязана со мной увидеться.

Он поцеловал её у калитки долго, нежно, без спешки, так, что в животе у неё стало тепло и горько одновременно. Потом улыбнулся, коснулся пальцем её носа и уехал, насвистывая что-то из той же испанской песенки, пока звук мотора не растворился в сырой ночной темноте.

Она постояла у ворот, слушая, как исчезает его свист. Потом достала ключ, повернула. Замок действительно заедал, и пришлось ударить ладонью по створке, чтобы тот поддался. Аллея вела её сквозь темноту, и на этот раз кипарисы не казались живыми. Они казались просто деревьями. Она шла и ловила себя на улыбке, не успевая её стереть.

В доме горела только одна лампа. Вероника поднялась на второй этаж, сбросила кроссовки у двери комнаты и вошла. На кровати лежала раскрытая стопка эскизов, которые она вчера собиралась разобрать, на подоконнике чуть светилась шаль. Она подошла, потрогала шерсть. «Шалимар» пах всё слабее, будто дом потихоньку забывал хозяйку.

В ванной она долго стояла под горячим душем. Вода смывала с волос запах фиксажа и пыли, соль, дым горного камина, вчерашний лак для волос, все следы двух дней, и ей хотелось, чтобы вместе с ними ушла и усталость. Когда она вышла, обмотав голову полотенцем, а тело закутав в халат, стрелка часов подбиралась к полуночи.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Она села на край кровати, перевернула его, ожидая увидеть сообщение от Полины, пропущенный вызов от нотариуса, что угодно. Но на экране светилось уведомление, одно, с неизвестного номера. Не тот, что вчера ночью. Другой. Цифры пестрели, как случайные: плюс семь, девятьсот, потом цепочка, не похожая на реальный номер.

Вместо текста была иконка с волнистой линией. Голосовое сообщение. Длительность: 02:14.

Вероника не двигалась. Мокрая прядь выбилась из-под полотенца и холодной струйкой поползла за ухо. Она подумала: «Не надо». Подумала: «Позвони Полине. Позвони Арсению. Позвони Даниэлю. Удали сообщение и ляг спать». Подумала: «Это просто звук. Что оно может сделать?»

Встала, подошла к двери, проверила замок. Подперла её стулом, как в первую ночь. Вернулась на кровать и села, сложив ноги по-турецки, с телефоном на коленях. Нашла в ящике наушники, воткнула, и мир вокруг сжался до белого шума в ушах.

Палец завис над треугольником.

Потом нажал.

Сначала был шорох. Тихий, как будто кто-то прижимал телефон к ткани. Затем слабый плеск воды, дальний, похожий на то, что слышно ночью с веранды. А потом женский голос, низкий, хрипловатый от усталости, с лёгкой дрожью в начале каждого слова. Голос, которого Вероника не слышала шесть недель и который знала так, как знают собственные шаги.

– Ника. Это мама.

Вероника перестала дышать.

– Если ты слышишь это, значит, я не успела сказать тебе сама. Не перебивай, пожалуйста, у меня мало времени, и я боюсь, что передумаю. Если ты это слушаешь, ты уже открыла дверь в конце коридора. Я знала, что ты откроешь. Ты всегда открывала всё, что мне хотелось от тебя спрятать.

Запись на секунду замолкла. Было слышно, как в динамике чуть щёлкнуло, будто на том конце кто-то сглотнул.

– Теперь слушай внимательно, – продолжил голос. – И никому не показывай эту запись. Ни ему. Ни ему.

Часть II. Территория соблазна

Глава 7. Голос из прошлого

К семи утра Вероника знала запись наизусть. Не слова даже, а всё остальное: паузы, вздохи, щелчки. Она слушала её двенадцать раз, сидя на полу в маминой спальне спиной к кровати, с наушниками, которые давно нагрелись и липли к вискам, и с шалью на плечах. Ночь за окном прошла так незаметно, что она очнулась только тогда, когда небо стало жемчужным, а в саду защёлкали первые птицы.

Первые пятьдесят секунд она не слышала почти ничего, кроме голоса. Мамин голос, живой, не искажённый, не «воспоминание» из-под ржавой иглы, а сегодняшний, шершавый после курения, которого мама никогда не признавала. Слова проходили сквозь Веронику, как вода сквозь решето. Только на пятом прослушивании она начала различать, что говорит мама, и только на седьмом начала слышать, что происходит вокруг неё.

Фон был настоящим. Мерный плеск воды, не бассейна, не ванны, а моря, у каменного основания. Крик чаек, далёкий, пронзительный. Пару раз ударил колокол, глухо, низко, как бьёт буй на фарватере. И один раз, ближе к концу, вклинился ещё один звук, который Вероника сначала приняла за шорох ветра: шаги по гальке. Тяжёлые, медленные. Кто-то подошёл к матери со спины.

Она нажала паузу на «Ни ему. Ни ему.», сняла наушники, помассировала виски и перезапустила с этого места. Теперь она держала телефон перед собой, как держат компас.

– …Ни ему. Ни ему, – произнёс голос. – Ты поймёшь, о ком я. Их двое, они оба будут тебе улыбаться, и оба скажут, что хотят помочь. Один говорит это ртом, другой руками. Обоим не верь. Пока не увидишь то, что лежит там, где мы прятались от дождя.

Пауза. Плеск воды.

– Письма, которые ты нашла, это только то, что можно показать. Я оставила их, потому что знала: ты не пройдёшь мимо. Остальное не могу доверить даже этой комнате. Тебе скажут, что я воровала. Скажут, что я предала. Люди, которые так говорят, всегда имеют в виду самих себя. Я сохранила то, что они хотели сжечь, Ника. Всё. Ничего больше.

Голос дрогнул, и Вероника почувствовала, как на её собственном лице что-то дрогнуло в ответ.

– Прости, что не сказала раньше. Я думала, у нас будет время. Я всегда так думала. Верь Егору. Только Егору. Он не умеет красиво говорить, зато умеет молчать в нужную минуту, а это в этом доме ценнее.

Щелчок, как будто мама сглотнула.

– И ещё. Ты спрашивала, почему я не люблю море. Помнишь, на Истре, ты была маленькой, а я не заходила в воду даже по колено. Я врала. Я его люблю. Больше, чем всё остальное. Я просто боялась, что если подойду близко, то не смогу вернуться.

На этом месте Вероника каждый раз закрывала глаза. Дальше был ещё один звук, тот самый шорох шагов, и совсем тихий, как из-под воды, мужской голос. Слов не разобрать. Звучало примерно как «Лида, пора», хотя могло быть «Лида, пора ехать» или «Лида, не надо». Мама отвечала не ему, а в телефон, спокойно, почти буднично:

– Всё. Мне пора, Ника. Люблю тебя.

Запись обрывалась.

Вероника лежала на спине на ковре, глядя в потолок, где по лепнине ползло розовое солнце, и в первый раз за много дней думала не о доме, не о тайнах, не о деньгах. Она думала о маме, которая стояла на каком-то каменном берегу и говорила эти слова человеку, который не умел слушать ничего, кроме её голоса. А потом пришёл звонок в московскую квартиру, и женщина-врач с профессионально усталым голосом сказала: «Сердечная недостаточность, внезапно, скончалась».

Дата на файле была стёрта. Время создания значилось «00:00 01.01.1970». Такие нули ставят, когда запись пропускали через программу, которая подчищает метаданные. Значит, кто-то позаботился, чтобы нельзя было определить, когда это записано. И кто-то позаботился, чтобы она получила его именно сейчас, в ночь после того, как открыла комнату.

Телефон на ковре коротко пискнул. Она вздрогнула, схватила его. Сообщение от Полины: «Ты не спишь? Чувствую по вайбам, что не спишь. Я в соседней комнате, не пугайся, пришла в пять утра, ты крепко спала, не стала будить. Хочешь, принесу кофе?» Вероника усмехнулась. Полина уже вторую ночь «случайно» ночевала в её доме.

Она написала: «Приноси. И никому ни слова». Стёрла. Написала: «Приноси». Нажала «отправить».

Пока подруга возилась внизу на кухне, Вероника поднялась, натянула джинсы и свитер и прошла по коридору к гобелену. Она не хотела идти туда ночью, одна, с чужим голосом в ушах. А днём было можно. Днём всё страшное становится просто пыльным.

Дверь за гобеленом стояла так, как она её оставила: приоткрытая, с торчащими в замке ключами. Вероника вошла и подняла жалюзи на узком окне под крышей. Свет хлынул внутрь рваной жёлтой полосой, и комната впервые показалась ей маленькой, бедной и очень живой. Железная кровать с клетчатым пледом. Деревянный стол с пятном от чернил. Шкаф с покосившейся дверцей. И стена, вся в бумаге.

Она подошла к карте. Большая, морская, старая, на плотной бумаге, с желтоватыми разводами. Береговая линия Сочи, от Адлера до Туапсе, бухты, мысы, названия, написанные от руки мелким аккуратным почерком. В нескольких местах воткнуты булавки с красными головками. Одна возле «Морской розы», одна у порта, ещё одна у санатория над Мацестой, четвёртая в горах. А у самого края, на обрывистом выступе берега, красным карандашом был нарисован кружок, и рядом корявая подпись: «Видный мыс».

Вероника замерла. Пальцы сами потянулись в карман: она достала телефон, пролистала до ночного снимка фотографии с пирса. На краю кадра, на фоне башенки, торчали обрубленные буквы: «…ЫЙ МЫС».

– Видный, – прошептала она. – «Видный мыс».

Под кружком мелким почерком стояла надпись, которую она не заметила раньше: «Там, где прятались от дождя. Не раньше августа». Больше ничего. Ни числа, ни имени.

Она сфотографировала карту и все булавки по очереди, потом присела и, ощупывая стену, провела ладонью по обоям рядом с кружком. Бумага была чуть вздута, как будто что-то лежало под ней. Вероника подцепила ногтем уголок, потянула и вытащила тонкую картонную карточку, сложенную пополам. Это был билет. Старый, зеленоватый, с печатью, на пригородный поезд, станция «Сочи» – станция «Лазаревская», с датой, которую уже нельзя было разобрать, расплывшейся от воды. Рядом был ещё один, маленький, на паром. И третий.

Она перебирала эти бумажные следы чужого лета и вдруг поняла, что улыбается. Не потому что было весело. Потому что мать, которую она знала сухой, собранной, всегда правильной, в этой комнате оказалась просто женщиной. Которая хранила билеты. Которая рисовала кружочки на карте. Которая когда-то, в каком-то августе, поехала с кем-то на мыс и была там счастлива.

– Я найду, – сказала она вслух. – Слышишь? Найду.

За стеной скрипнула половица.

Вероника резко обернулась. Дверь комнаты стояла приоткрытой, и в просвете никого не было. Только гобелен колыхался и тень единорога прыгала по стене.

– Полин? – позвала она.

– Ника-а-а! – раздалось снизу, с первого этажа, бодро и совсем не рядом. – Кофе! Иди завтракать, а то остынет, и я его сама выпью!

Вероника выдохнула, опустила плечи. Бережно сложила билеты в карман, прикрыла дверь, повернула три ключа и тайком, как воровка, спрятала связку под матрас в маминой спальне. Седьмой ключ осталась носить на шее.

***

Егор сидел на крыльце флигеля и чинил рыболовную сеть. Неспешно, большими узловатыми пальцами выправлял порванную ячею, и сеть лежала у него на коленях как огромная серая паутина. Рядом дымилась жестяная кружка, на перилах сушилась выцветшая тельняшка. Утро давно прогрело воздух до густой ленивой теплоты, в которой пахло смолой, нагретым деревом и свежим хлебом. С моря тянуло йодом.

Она подошла и села на ступеньку ниже, не говоря ни слова. Какое-то время они вдвоём смотрели, как внизу, в бухте, подпрыгивает на волне рыбацкий катер.

– Сколько лет вы здесь работаете? – спросила она.

– Девятнадцать.

– С тех пор, как мама начала приезжать?

– Раньше. – Егор поправил сеть. – Я пришёл охранять дом, когда управляющим был другой человек. Потом он уехал. Лидия Сергеевна оставила меня.

– Почему вас?

– Не спрашивала. – Он поднял глаза. – Я не из тех, кто лезет в чужие причины.

– Ладно. – Она достала телефон. – Тогда я попрошу вас кое-что послушать. Не обязательно отвечать. Просто послушать.

Егор молча отложил сеть, вытер руки о штаны, взял из её рук наушник и вставил в ухо, как человек, который берёт чужой нож. Она включила запись с самого начала. «Ника. Это мама». Лицо у него не изменилось, только пальцы, лежавшие на колене, побелели. «Если ты слышишь это, значит, я не успела сказать тебе сама». Он закрыл глаза. «Верь Егору. Только Егору». Плечи дрогнули. Он слушал минуты полторы, потом вынул наушник и аккуратно положил его на ступеньку.

– Это её голос, – сказал он глухо.

– Я знаю.

– Откуда?

– Пришло сообщением. С неизвестного номера. – Она не сводила с него глаз. – Вы знаете, кто мог его отправить?

– Нет.

– Правда?

– Правда. – Он помолчал и добавил совсем тихо, как будто разговаривал сам с собой: – Если бы знал, я бы уже поехал к нему.

Она ждала, что он скажет что-то ещё. Он молчал. На шее у него билась жилка, и по этой жилке было видно, как он заставляет себя дышать ровно. Вероника подвинулась ближе.

– Егор, я хочу спросить прямо. Мама жива?

Он повернул к ней голову. Она никогда не видела у него такого лица: серого, лишённого выражения, как у человека, у которого вынули стержень.

– Я стоял у гроба, Вероника, – сказал он ровно. – Я нёс его на плечах. Он был очень лёгкий.

– Закрытый.

– Да.

– Вы его не открывали.

– Не открывал. – Голос стал совсем сухим. – Мне не разрешили. Сказали, что так лучше.

Вероника кивнула. Слова были правильными, а вот интонация нет. Что-то в них было не так, как в лживых словах Арсения и не так, как в красивых словах Маргариты. Егор не лгал и не говорил правду. Он выбирал из правды те слова, которые можно произнести вслух.

– Я не буду вас мучить, – сказала она. – Но у меня есть ещё один вопрос. Вы говорили, что не помните, чтобы кто-нибудь приходил. А я нашла кое-что в комнате. – Она достала билет. – Эти билеты. И карту. Кто-то приходил сюда за последние месяцы? Не из тех, кого вы знаете?

Он смотрел на билет долго, и она видела, что в нём идёт какая-то глубокая внутренняя борьба. Потом он вздохнул, откинулся к стене и сказал:

– Один раз.

– Кто?

– Не знаю. Он не представился. Это было за три недели до вашего приезда. Уже после… – Он запнулся. – После похорон. Ночью. Я работал в мастерской, услышал, что у калитки стоит человек. Вышел. Мужчина лет пятидесяти, высокий, но сутулый, в кепке, в тёмной куртке. Седая щетина. Хромал на левую ногу, не сильно, но заметно. Стоял, держась за прутья, и смотрел на дом.

– Что он сказал?

– Сначала ничего. Потом спросил: «Это её дом?» Я ответил: «Чей?» Он сказал: «Лидин». Я сказал, что хозяйка умерла. Он спросил: «Когда?» Я сказал дату. Он молчал минуты три, может, четыре. Потом вынул из кармана ветку. Миндальную. Сухую, с двумя бутонами. Положил на столб ворот и ушёл. Не оборачиваясь. Хромота стала сильнее.

Вероника подняла глаза. Миндальная ветка. На шкатулке. На картине. На ручке из ключа в первой скважине.

– Он плакал?

– Нет. – Егор покачал головой. – Он стоял так, как стоит человек, у которого забрали землю из-под ног, а он ещё не успел упасть.

Она сидела, не двигаясь. Где-то в траве трещали кузнечики. На столбе ворот, где-то далеко, на самой границе видимости, действительно оставалась одна-единственная сухая веточка с серым пухом на почках. Вероника никогда не обращала на неё внимания.

– Вы мне сказали, что не знаете его.

– Не знаю.

– Но вы думаете, что знаете?

Егор какое-то время молчал. Потом повернулся к ней всем корпусом, и в тёмных глазах появилось что-то почти умоляющее.

– Вероника. Я дал Лидии Сергеевне слово не говорить того, чего вы сами не спросите. Я его держу. Но не требуйте от меня того, что могло бы вас убить.

– Звучит как угроза.

– Звучит как правда. – Он протянул руку и коснулся её плеча, осторожно, тяжёлой ладонью, как касаются стекла. – Эти люди играют по другим правилам. Они не оставляют свидетелей. Лидия Сергеевна прожила тихо двадцать лет, потому что никто не знал, что у неё есть дочь, которую она любит больше всего на свете. Теперь знают все.

Она хотела сказать что-то колкое, но не смогла. Просто накрыла его руку своей, и они посидели молча. Над бухтой кричали чайки. Из флигеля пахло жареным луком и свежей рыбой. Всё было настолько обыденным, настолько мирным, что хотелось поверить: никаких теней, никаких ключей, никаких писем. Просто лето, море и добрый старый друг.

– Дайте мне слово одну вещь, – сказала Вероника.

– Какую?

– Если этот человек с веткой появится снова, вы мне скажете.

– Скажу.

– Даже если мама запретила?

Егор долго смотрел на неё. Потом кивнул.

– Даже если запретила.

Она встала, отряхнула колени. И тут он тихо добавил ей в спину:

– А номер, с которого пришла запись, не набирайте. Что бы ни случилось. Ни по какому поводу.

– Почему?

– Потому что тот, кто его отправил, хочет, чтобы вы перезвонили.

***

Рубашка Даниэля лежала на спинке стула с вечера, выстиранная Полиной с каким-то цветочным порошком и теперь пахнущая не им, а лавандой. Вероника, глядя на неё, почувствовала странное разочарование: в запахе не осталось тёплой соли и вермута. Она сложила рубашку, засунула в бумажный пакет, надела лёгкое платье в мелкий горошек и белые кеды и поехала в Старый город.

День был жаркий, пыльный, предгрозовой. Небо нависло над крышами тяжёлой синеватой пеленой, в воздухе стояла гудящая влажная тишина, как перед ударом. Узкие улочки пахли горячим асфальтом и жареным луком из открытых окон. У подъезда студии сидела старуха в вязаной жилетке и что-то шептала в ладонь, перебирая зёрна кукурузы.

Дверь оказалась не заперта. Вероника толкнула её плечом, вошла, и звонок над косяком хрипло звякнул.

– Даниэль? – позвала она.

Тишина. Только сеньор Бермудес приоткрыл глаз с подоконника, оценил гостью, зевнул и вернулся ко сну. Пахло химией, холодным кофе и маслом для камеры. На световом столе лежали негативы: те самые, с праздником у «Морской розы». На стуле висел его пиджак. Из-за ширмы в глубине студии доносился негромкий женский голос, говорящий по-испански, быстро, низко, как говорят, когда не хотят, чтобы услышали.

Она замерла.

– …No, ya te lo dije. No puede saberlo. Todavía no. Si se entera ahora, todo se va al carajo. Y yo no… No. Escúchame. La chica no sabe nada.

Голос принадлежал Софии Ромеро. Вероника узнала его сразу, по характерной хрипотце и по ударению на «ch». Школьного испанского ей хватило, чтобы понять: говорят про неё. «La chica», девушка. «No sabe nada», ничего не знает.

Она отступила на шаг. Пакет с рубашкой шуршнул. Голос за ширмой оборвался.

– Кто там? – по-русски, резко.

Вероника шагнула вперёд, делая вид, что только вошла.

– Это я. Дверь была открыта.

София вышла из-за ширмы с телефоном в руке. Красное платье, высокий хвост, помада чуть размазана у угла рта. Лицо было спокойным, почти приветливым, но глаза выдавали: слишком светлые, слишком внимательные. Она не успела спрятать выражение «меня поймали».

– Вероника, – сказала она с улыбкой. – Какой сюрприз. Даниэль уехал на съёмку, я заскочила за каталогами. Надеюсь, я не напугала?

– Нет. – Вероника подняла пакет. – Я рубашку принесла.

– Какая трогательная забота. – София взяла пакет двумя пальцами, как пинцетом, и положила на стол. – Он будет в восторге.

Они смотрели друг на друга. В студии стало тихо, как в аквариуме. Только дребезжал под потолком старый вентилятор, перемешивая горячий воздух.

– Вы с кем-то говорили по-испански, – сказала Вероника. – Про «девушку, которая ничего не знает».

София не моргнула. Лицо осталось прежним, лишь уголок рта едва заметно поджался.

– Это моя клиентка. Богатая вдова из Мадрида, купила у меня картину и теперь сомневается, правильно ли поступила. Мы говорим про неё, а не про вас.

– Конечно.

– Вы подозреваете меня во лжи?

– Я подозреваю всех. Привыкаю.

София неожиданно засмеялась. Тихо, невесело.

– Вот это правильно, – сказала она. – В этом городе иначе нельзя. – Она взяла сумку, перекинула ремень через плечо. – Я пойду. Скажите Даниэлю, что я заходила. И… – она замялась в дверях, – будьте с ним осторожнее. Не потому что он плохой. А потому что он слишком хороший для тех дел, в которые вляпался.

– Каких дел?

– Спросите у него. – Она вышла, и дверь тихо закрылась.

Вероника осталась в студии одна. Минуту стояла неподвижно, слушая гул вентилятора и собственное дыхание. Потом подошла к столу, потому что в этой комнате почему-то трудно было не трогать вещи. Столы, на которых работают, всегда приглашают прикоснуться.

Стол Даниэля был завален отпечатками, эскизами, катушками плёнки, записными книжками с загнутыми углами. Среди всего этого, ближе к стене, лежала жёсткая коричневая папка с завязками, и верхняя завязка не была затянута. Вероника не собиралась открывать её, честно. Она просто подняла край, чтобы выровнять стопку бумаг, и увидела на фотографии своё лицо.

Снимок с пляжа «Атлантиса». Она лежала на лежаке в зелёном купальнике, в очках, с повёрнутой к камере головой. Сделан издалека, длинным объективом, фон смазан в мягкое молочное пятно. На обороте карандашом: дата, время, «В-2». Рядом второй кадр: она у ворот «Морской розы», вечером. Третий: на пирсе у яхты, с бокалом.

Она стояла и смотрела на себя чужими глазами. Красивая, да. Настороженная. Совсем не такая, какой себя помнила.

«Для каталога», – подумала она. Он же сам сказал: снимает гостей отеля. Конечно, он снимал и её. Он снимает всех. Это работа.

Но «В-2» значило, что есть и «В-1». А «В» – это «Белова».

– Ника?

Он стоял в дверях с камерой на ремне, с мокрой от пота шеей, в футболке с пятном от мороженого. Улыбка ещё не успела сойти с лица, но в глазах мелькнуло что-то быстрое, мгновенно спрятанное. Вероника отдёрнула руку от папки так, будто та была раскалённой.

– Дверь была открыта, – сказала она. – Я рубашку принесла.

– Я вижу. – Он поставил камеру на подоконник, подошёл, взял пакет. Пальцы у него были тёплые, с въевшимися чернильными пятнами. – Стираную. Предательница. Я собирался носить её до дыр.

– Ты красивая картинка для каталога. – Она кивнула на папку. – Тут я. Три раза.

Он посмотрел на папку, потом на неё. Помолчал секунду, и в эту секунду Вероника поняла, что услышит сейчас заранее приготовленный ответ. Просто потому, что он взвесил его, прежде чем открыть рот.

– Четыре, – сказал он наконец. – Один я потерял. Ты не любишь, когда я говорю, что ты красивая, поэтому я говорю это камерой. Но ты права, это нечестно. Я должен был спросить.

– Должен был.

– Прости. – Он потёр шрам на шее. – Хочешь, я их сожгу?

– Не надо драм.

– Тогда отдам тебе все негативы. Прямо сейчас, пока ты не передумала.

Он действительно полез в ящик, вытащил пластиковый конверт, протянул ей. Вероника машинально взяла. Внутри лежали плёнки, аккуратно нарезанные, подписанные его почерком. Она держала конверт и не знала, что с ним делать. Слишком быстро. Слишком красиво. Но что можно возразить человеку, который, не споря, отдаёт тебе все доказательства?

– Я приходил тебя искать, – сказал он, – и нашёл дым. Давай не будем. Я просто хотел, чтобы ты увидела себя так, как я тебя вижу.

– А как ты меня видишь?

– Как женщину, которая вошла в комнату, а все остальные перестали разговаривать.

Она хотела засмеяться и не смогла. Хотела обидеться и не получилось. Только в горле стоял тёплый ком, а в голове крутилась испанская фраза, которую она подслушала: «La chica no sabe nada».

– Твоя подруга София была здесь, – сказала она ровно. – Говорила по телефону. Про «девушку, которая ничего не знает».

Секунда. Две. Он не вздрогнул, не побледнел. Только провёл языком по пересохшим губам.

– Это про клиентку из Мадрида.

– Она так и сказала.

– Потому что это правда. – Он улыбнулся, уже спокойнее, и эта улыбка была почти настоящей. – Ника, ты вчера пережила два тяжёлых дня. В каждом слове ты ищешь второе дно. Я понимаю. Но не всё в мире связано с тобой.

Он сказал это мягко, почти нежно. И всё же ей показалось, что где-то внутри его слов мелькнула трещина, как на хорошо отполированной вазе.

– Ладно, – сказала она. – Принято.

– Правда?

– Нет. Но пока сделаю вид.

Он засмеялся, обнял её одной рукой, коротко, по-дружески, прижал губы к волосам. Она позволила. Запах хлеба и соли, старого дерева, химии. Слишком знакомый. Слишком безопасный. Слишком, пожалуй, правильный для человека, который держит в столе папку с её фотографиями.

– Приезжай завтра, – сказал он ей в макушку. – После обеда. Я покажу тебе остальное из архива. Те плёнки, которые сначала не нашёл. Может, там будет то, чего мы ищем.

– «Мы».

– Ну, ты ищешь. А я помогаю, как умею. – Он отстранился и посмотрел на неё снизу вверх. – Не уходи сердитой. Мне будет плохо.

– Мне тоже, – сказала Вероника. Хотела пошутить, а вышла правда.

Она ушла. На лестнице старуха в жилетке спросила что-то про кукурузу, Вероника кивнула, не расслышав. На углу она привалилась к тёплой стене и поняла, что телефона в руках нет. Остался на столе у Даниэля.

Возвращаться она не стала. Это была очень маленькая, очень злая, очень детская месть: не давать ему повода сказать «вот, ты вернулась».

***

Телефон ей вернули через два часа. Привёз курьер в чёрной форме, без единого слова, вместе с короткой запиской на плотной кремовой бумаге: «Он нашёл его у входа. Не потеряйте больше. А.Г.» Вероника не сразу поняла, как телефон мог попасть к Арсению. Потом вспомнила: Даниэль не мог его отдать, он не знал, где искать. Значит, кто-то из людей Арсения вынес его из студии. Или, значит, за ней следят уже не двое, а трое.

Она сидела на подоконнике в мамином халате и чувствовала себя маленькой, уставшей и очень злой. К шести вечера в голове всё слиплось в один тугой ком: письма, ключи, запись, папка со снимками, «Объект прибыл», «В.». Она пыталась разобрать ком по нитям, и каждая нить вела к одному из мужчин. Арсений, который «любил Лидию», и не говорил правды. Даниэль, который следил. Егор, который молчал. Тимур, который смеялся. Вельский с его кроткой улыбкой. Маргарита с её «дружбой».

– Нельзя же всем не верить, – сказала она вслух. – Так не бывает.

Телефон завибрировал. Приглашение. «Сегодня в 20:00, президентский номер, этаж 20. Ужин без свидетелей. Я хочу сказать вам то, что обещал. А.Г.»

Она посмотрела на сообщение так, как смотрят на последнюю карту в колоде, зная, что другой уже нет.

В восемь пятнадцать она вошла в лифт «Атлантиса», надев тёмно-зелёное платье до колен, простое, с коротким рукавом и закрытым воротом, без единого украшения, кроме маминых серёг. Волосы убрала в гладкий хвост, помады не накрасила. Образ назывался «я пришла слушать, а не соблазнять». Но лифт поднимался, как и в прошлый раз, быстро и бесшумно, и по пути к двадцатому этажу она поймала себя на том, что проверяет в зеркальной стене, не размазалась ли тушь.

Президентский номер оказался не номером, а целым этажом. Дверь открыл не Арсений, а седой мужчина в чёрном жилете, молчаливый, как мебель. Он провёл её через холл с мраморным полом и огромной хрустальной люстрой в гостиную, где вместо стен было стекло. Весь Сочи лежал у ног, как рассыпанные по бархату драгоценности: огни порта, дуги набережной, тёмные горы за ними, чёрное море с редкими искрами судов. Облака над горизонтом наливались свинцовой синевой, и где-то далеко, над Красной Поляной, коротко, без звука, вспыхнула молния.

Стол был накрыт на террасе. Белая скатерть, свечи в стеклянных колпаках, серебро, высокие бокалы. Пахло морем, жареным мясом с розмарином, влажной землёй из кадок с лимонными деревьями. Рядом стоял бар с бутылками, а в углу, на мраморном парапете, лежала пачка сигарет и пепельница с одним окурком.

Арсений ждал у перил. Тёмные брюки, светлая рубашка с расстёгнутым воротом, рукава закатаны до локтей, часы на запястье сверкнули при её появлении. Он обернулся, и лицо его, сначала напряжённое, смягчилось, словно в нём что-то отпустило.

– Спасибо, что пришли.

– Вы вынесли у моего знакомого мой телефон.

– Я вынес у вас телефон, потому что человек, у которого вы его оставили, не умеет возвращать вещи вовремя. – Он подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки. – Знаете, что я заметил? Вы всегда называете меня на «вы», когда злитесь.

– Я не злюсь.

– Конечно.

Он отодвинул стул, она села. Подали закуски: тартар из тунца с авокадо, тонкие лепестки мраморной говядины, свежие устрицы на льду. Она ничего не ела. Арсений налил ей белого вина, себе воды.

– Вы не пьёте?

– Сегодня нет.

– Почему?

– Потому что хочу помнить каждое слово этого вечера.

Он сказал это так просто, что она на секунду потеряла нить. Взяла бокал, сделала глоток. Вино было холодное, с цитрусовой горчинкой.

– Тогда начинайте, – сказала она. – Вы обещали.

– Обещал. – Он откинулся на спинку. – Только я не знаю, с чего.

– С самого плохого.

Он усмехнулся.

– Тогда с самого плохого. Двадцать лет назад я был не тем человеком, который сидит перед вами. Я был мальчишкой, которого отец отправил на побережье «набираться ума», пока он вёл свои дела. Я жил в этом городе, ходил по пляжам, дрался на кулаках, пил с кем попало и ненавидел всех, кто был старше меня и умнее. А потом встретил её.

– Мою мать.

– Лидия была старше меня. Тогда мне казалось, что намного. Ей двадцать шесть, мне двадцать. Бухгалтер в одной из фирм, которыми владела моя семья. Скромная, тихая, с гладкой

причёской и вечно усталыми глазами. И с таким чувством юмора, что я шёл на её шутки, как рыба на живца. Она никогда не смеялась громко. Только уголком рта.

Вероника сжала ножку бокала. Мамин смех уголком рта: она знала его. Видела тысячи раз на кухне, когда мать читала что-то в газете.

– Вы были влюблены.

– Да. – Он не отвёл взгляда. – Вы это знаете, я сказал вам вчера. Но я не сказал другого. Она не отвечала мне. Ни разу. Потому что любила другого человека.

– В.

Вопрос вырвался сам. Она увидела, как у него дрогнули веки.

– Откуда вы знаете это имя?

– Я не знаю имени. Знаю букву.

– Какую букву?

– «В.» Она подписана в письмах, которые я нашла.

Тишина упала на террасу, как пласт воздуха. Свечи в колпаках качнулись, хотя ветра не было. Арсений сидел неподвижно, и лицо его странно побелело, как будто с него сняли слой кожи.

– Какие письма? – спросил он очень тихо.

– Те, что лежали в комнате, которая была закрыта двадцать лет.

– Вы нашли комнату.

– Да.

– Вы её открыли.

– Ключами, которые оставила мама.

Он поставил бокал на скатерть. Рука, обычно твёрдая, чуть дрогнула.

– Вероника, – сказал он. – Вы понимаете, что вы сделали?

– Нет. Объясните.

– Не могу. Пока не могу. – Он встал, прошёл по террасе, остановился у перил. Над морем, теперь совсем близко, ударила молния, и в её белой вспышке его профиль на секунду стал острым, как лезвие. – Я не скажу вам, кто такой «В.», потому что боюсь ошибиться. Потому что если я прав, вы окажетесь в такой опасности, что мне придётся вас запереть.

– Попробуйте.

– Я не шучу.

– Я тоже. – Она встала, подошла и встала рядом. Ветер раздувал её платье, трепал выбившиеся из хвоста пряди. – Я устала жить в доме, где каждый знает больше меня. Скажите мне хоть что-нибудь. Хоть одну правду, которую я смогу взять в руки.

Он повернулся. Они стояли очень близко. Она видела мелкие морщинки у его глаз, тёмные ресницы, тонкий шрам над бровью, которого раньше не замечала. От него пахло цитрусом, табаком и грозой.

– Правда в том, – сказал он, – что я не могу перестать думать о вас с того вечера на террасе. Это не имеет отношения ни к земле, ни к Лидии, ни к сделке. Я вёл себя с вами скверно, и мне стыдно. Я пытался сделать вид, что мне всё равно. Не получилось.

Он поднял руку и осторожно, как будто боялся обжечься, взял её за запястье. Большой палец лёг на тонкую кожу над пульсом. Вероника перестала дышать. Сердце колотилось под его пальцем так громко, что он, конечно, всё слышал.

– Вот это правда, – сказал он. – Остальное я расскажу, когда смогу.

Она хотела ответить что-нибудь умное. Хотела сказать про Даниэля, про папку, про «Объект прибыл». Вместо этого поняла, что молча подаётся вперёд. Его вторая рука легла ей на талию, тёплая, тяжёлая, надёжная. Она запрокинула голову, их взгляды столкнулись.

– Не уверена, что это хорошая идея, – прошептала она.

– Я тоже.

– Тогда почему…

– Потому что нет другой.

Его губы почти коснулись её губ. Она уже чувствовала тепло его дыхания, уже закрывала глаза.

Телефон на столе запищал.

***

Звонок был не его. Звонил городской аппарат в холле, тяжёлый чёрный старинный телефон с диском, которого Вероника сначала даже не заметила. Он трезвонил надрывно, властно, и Арсений, замерший в дюйме от её лица, закрыл глаза.

– Не берите, – сказала она.

– Это номер, который знают четверо.

– Не берите.

– Не могу. – Он отпустил её, как отпускают воздушный шар, медленно, неохотно, и пошёл в комнату. Тяжёлый чёрный аппарат стоял на низком столике под зеркалом. Он снял трубку. – Слушаю.

Вероника не слышала голоса на том конце. Только видела, как лицо Арсения меняется. Как будто кто-то по очереди выключал в нём лампочки.

– Кто это? – спросил он. – Откуда у вас этот номер?

Пауза.

– Нет. Не может быть. – Он уже не говорил, а шептал, и в шёпоте появилось что-то невозможное, как трещина в стекле. – Вы лжёте. Он умер.

Пауза. Свет в комнате мигнул, и за стеклом ударил гром, настоящий, оглушающий, от которого задрожали бокалы на столе.

– Где? – спросил Арсений.

Он слушал ещё минуту. Потом положил трубку очень аккуратно, как кладут что-то хрупкое. Рука его лежала на аппарате, и по тому, как побелели пальцы, было видно, что он борется с желанием раздавить его.

– Арсений? – позвала Вероника.

Он не обернулся.

– Что случилось?

– Мне нужно ехать.

– Куда?

– Не могу сказать.

– Это связано с тем, что вы только что говорили?

– Нет. – Он быстро повернулся, и она увидела его лицо. Не растерянное, не злое, а пустое, как у человека, который только что понял, что всё, во что он верил двадцать лет, было ошибкой. – То есть… да. Не знаю. Вероника, мне нужно ехать. Сейчас.

– Я с вами.

– Нет.

– Арсений…

– Нет. – Он взял её за плечи, сжал, почти больно. Взгляд серых глаз был таким напряжённым, что она замерла. – Послушайте меня. Что бы ни случилось, не звоните мне. Не ищите. Не открывайте дверь никому, кроме Егора. Никому. Поняли?

– Вы пугаете меня.

– Хорошо. – Он выдохнул. – Значит, поняли. Потом. Всё потом. Обещаю.

Он поцеловал её в лоб, быстро, мимоходом, как целуют ребёнка на прощание, и вышел. Хлопнула дверь. В холле послышались шаги, голос седого мужчины, потом звонок лифта. Всё стихло.

Вероника осталась одна в огромном пустом номере с накрытым столом, догорающими свечами и сверкающим за стеклом чёрным городом. Над горами, всё ближе, вспыхивали молнии, и каждая заставляла стёкла чуть-чуть вздрагивать. Свеча на столе наклонилась и погасла. На скатерти осталась капля воска, похожая на слезу.

Она подошла к аппарату, взяла трубку. Гудки. Ровные, долгие. Никого. Положила на рычаг и огляделась. На парапете лежала пачка сигарет с остатком одной, тёмной, перекрученной. На стуле, где сидел Арсений, висел пиджак. В кармане что-то оттопыривалось. Вероника не собиралась лезть, но пальцы сами потянулись, и она достала плоский чёрный телефон с разбитым уголком, тот, который он вертел в руках весь вечер. Экран загорелся от прикосновения. На нём всплыло одно непрочитанное сообщение с номера, не сохранённого в памяти: «Он жив. Спроси, где был в июне. Те, кто знал, молчат. В.»

Её рука сжалась, и телефон хрустнул в ладони. Она перечитала сообщение трижды, и каждый раз буквы казались чужими, как будто написаны на другом языке.

«Он жив».

Кто? Мужчина, который писал письма? Тот, что бросил миндальную ветку у ворот? «Где был в июне». Арсений в июне. В Милане, он говорил. Подписывал контракт.

Вероника положила телефон обратно в карман пиджака. Руки дрожали. Она вышла на террасу. Ветер ударил в лицо, холодный, с запахом озона, и первые крупные капли упали на мрамор. За стеклом, в пустом холле, молчаливый седой мужчина стоял у дверей, как привидение, и не смотрел на неё.

– Меня отвезут домой? – спросила она.

– Машина внизу, – ответил он. – Вероника Андреевна, господин Громов просил передать, что вы можете остаться.

– Передайте ему, что нет.

Она шла по лифту, по холлу, по улице под дождём, и внутри у неё всё было странно спокойным. Это спокойствие приходит, когда разум отказывается переваривать больше. Когда мир ставит перед тобой столько загадок, что ты перестаёшь их считать.

Машина довезла её до ворот. Дождь стучал по крыше, по стеклу, по мокрой листве, и дворники смахивали с лобового стекла воду, которая тут же возвращалась. Егор ждал у калитки с огромным чёрным зонтом. Он молча накрыл её, провёл через аллею, и по лицу его было видно, что он тоже что-то знает.

В холле горела лампа. Полина спала в кресле, закутавшись в плед, и сопела, приоткрыв рот. Вероника на цыпочках поднялась на второй этаж, зашла в спальню и заперла дверь. Подошла к кровати, подняла матрас, достала ключи. Они были на месте.

Достала телефон. Открыла запись. Нажала на треугольник. «Ника. Это мама».

Дождь стучал по стёклам. Море шумело внизу, невидимое, огромное. Голос матери говорил: «Их двое, они оба будут тебе улыбаться. Один говорит это ртом, другой руками». Вероника слушала, закрыв глаза, и думала про Арсения, который держал её за запястье, и про Даниэля с его папкой. Про «В.» с двумя разными почерками. Про «Он жив».

Она дослушала до конца. До шагов по гальке и «Лида, пора». Потом открыла глаза и уставилась в тёмный потолок.

– Ладно, – прошептала она. – Хорошо. Вы оба хотите, чтобы я кому-то поверила. Но верить я буду только себе.

Сообщение пришло в 00:47. С того же неизвестного номера, что и запись. Короткое: «Ты слушаешь не то. Послушай последние сорок секунд ещё раз. Медленно».

Вероника вскочила. Босиком подбежала к окну, будто он мог стоять под ним. Сад был пуст. Дождь лил как из ведра. Она вернулась к кровати, взяла телефон дрожащими пальцами, перемотала запись на предпоследнюю минуту и надела наушники.

«…Я просто боялась, что если подойду близко, то не смогу вернуться».

Щелчок. Шаги по гальке. И мужской голос, тихий, приглушённый, почти на грани слышимости. Она закрыла глаза, замедлила воспроизведение до половины скорости, потом до четверти. Звук растянулся, стал низким, тягучим, как патока. «Ли…да… пооо…ра…»

И сразу после, на самом дне, на пределе слуха, второй мужской голос, моложе и тоньше, чем первый, отвечающий что-то вроде: «Я… здесь… Лид…»

Вероника сорвала наушники.

Она знала этот голос. Не имя, не лицо, а именно голос: интонацию, перекат на «р», манеру слегка растягивать гласные. Она слышала его недавно, совсем недавно, и не могла вспомнить где. Это было как слово, которое вертится на языке: вот оно, рядом, но стоит потянуться, и оно ускользает.

В кромешной тишине спальни дождь стучал по подоконнику, и она сидела с наушниками в руках, глядя на экран, где светилась серая полоска записи, и в первый раз по-настоящему поняла, как глубоко ушла в эту воду.

Глава 8. Чужая постель

Она проснулась оттого, что по лицу ползло солнце. Тёплое пятно добралось от подоконника до подушки, переползло на скулу и принялось щекотать веко, как настырный кот. Вероника попыталась спрятаться под простынёй, но простыня была чужой, мамина, с вышитой по краю тонкой белой гладью, и пахла лавандой и старым деревом. Через секунду сон окончательно стёк с неё, и вернулось всё сразу: вчерашний ужин, телефонный звонок, оборвавший то, что нельзя было обрывать, голос Арсения, сказавший «потом», и пустая половина кровати рядом, на которую она по глупой привычке косилась и сейчас.

Пустая. Конечно, пустая. Она была одна в этой огромной кровати под балдахином, в рубашке, которая сползла с плеча, с волосами, разметавшимися по подушке такой копной, что она могла бы спрятать в них небольшую птицу.

– Прекрасное утро, – сказала она потолку. – Двое мужчин, один дом и ноль ответов. Класс.

Она натянула шёлковый халат поверх рубашки, выбралась на балкон и зажмурилась. Утро в Приморье было совсем не похоже на московское. Там утро начиналось с будильника и серого окна, здесь оно приходило само, нахальное и яркое. Море внизу ещё не успело нагреться и лежало гладкое, перламутровое, будто его только что отполировали. Над мысом висела тонкая розовая дымка. Пахло скошенной травой, мокрой землёй после ночной поливки и кофе. Значит, Егор уже проснулся и сварил свой ритуальный кофе во флигеле, а ветер принёс запах через весь сад.

Она спустилась к бассейну в одном купальнике, подошла к бортику и постояла, поджав пальцы ног. Вода была зеленовато-голубой, прозрачной до самого дна, и по плитке бежали светлые дрожащие змейки. Вероника нырнула. Холод ударил по всему телу сразу, выбил из головы всё лишнее, и несколько секунд она просто плыла под водой, слушая, как гулко стучит в ушах. Когда вынырнула, мир стал резким, как после протёртых очков.

Телефон лежал на шезлонге и уже дважды мигнул. Она вытерла руки полотенцем и взяла его.

Первое сообщение было от Арсения, отправленное в шесть сорок: «Вчера получилось нелепо. Я не люблю оставлять дела незавершёнными. Позвоню позже. А.»

«Дела, – подумала Вероника. – Я для тебя дело. Спасибо, что хоть не пункт повестки».

Второе пришло в семь пятнадцать, голосовое, от Даниэля. Она нажала на воспроизведение, и из динамика потёк его тёплый, чуть хрипловатый голос, который она уже узнавала по первым двум звукам.

«Buenos días, mi reina. Надеюсь, ты ещё в кровати и сердишься на весь мир. Joder, я не спал почти. Слушай, у меня есть кое-что, что нельзя показывать по телефону. Старые плёнки. Я нашёл их в студии, ну, ты знаешь, где. Приезжай после обеда, если захочешь. Я не буду делать вид, что тут нет ничего личного. Hasta luego».

Она дослушала, потом включила ещё раз, уже не вникая в слова, просто слушая голос. Это было странное ощущение: два сообщения от двух мужчин, одно сухое, как приказ, другое мягкое, как рука на затылке, и ни одно из них не отвечало на вопрос, который ей хотелось задать обоим.

– Ты чего там с таким лицом? – раздалось сверху. – Как будто завещание читаешь.

На краю бассейна, на белых каменных ступенях, стояла Полина. В коротком жёлтом платье, с огромной сумкой, из которой торчал пакет с круассанами, в солнечных очках, сдвинутых на лоб, и с волосами, собранными в вихрастый хвост. Она выглядела свежей, как будто спала десять часов, хотя Вероника знала, что подруга ложится в четыре утра и встаёт в восемь по воле чистой силы характера.

– Ты как вообще вошла? – Вероника подтянулась на бортик. – Егор тебя пустил?

– Егор посмотрел на меня как на бродячую собаку и открыл калитку. Я воспринимаю это как тёплый приём. – Полина спустилась и протянула ей пакет. – Ешь. Они ещё горячие. Нашла за углом пекарню с армянским лавашом и круассанами, это просто эротика.

– Ты мой человек, – сказала Вероника и откусила сразу половину. Тесто хрустнуло, внутри оказалась миндальная начинка, ещё тёплая. Она закрыла глаза. – Господи. Вот поэтому я и не пойду в монастырь.

Они устроились на шезлонгах под пальмой. Полина стянула сандалии, вытянула ноги, и Вероника сквозь жевание рассказала всё. Про ужин у Арсения, про его пальцы на её запястье, про то, как после третьего бокала вина стало невыносимо тихо и она сама наклонилась к нему, а потом этот звонок, и как он, выслушав две фразы, поднялся с лицом, закрытым наглухо, как ставни на закате. Про Даниэля рассказывать оказалось труднее: слова не складывались, потому что там было не про событие, а про ощущение. Тепло. Смех. Руки, которые не требовали, а спрашивали.

– Так, – подытожила Полина, откидывая очки на нос. – Давай по-деловому. У тебя есть Громов: сорок лет, миллиарды, харизма как у голливудского злодея и привычка получать то, что хочет. И есть этот твой испанец: тридцать два, глаза как у спаниеля, который съел всю колбасу, и шрам на шее, от которого у тебя, подруга, колени подкашиваются.

– У меня ничего не подкашивается.

– Вероника. Я вижу твоё лицо. – Полина усмехнулась. – Короче. Нормальная женщина выбрала бы Громова. Деньги, власть, защита. Ты сейчас в такой каше, что тебе нужна стена, а не гитарист.

– Он фотограф.

– Тем более, фотографы все нищие. – Полина отломила кусок круассана. – Но ты ведь не нормальная. Ты любишь, чтоб сердце щёмило. Поэтому и маешься.

Вероника промолчала. Полина всегда умела сказать лишнее, но обычно попадала в точку, и это раздражало сильнее всего. Она смотрела на воду, на дрожащие тени пальмовых листьев на дне и пыталась сформулировать то, что чувствовала. Арсений был как море в шторм: грандиозный, опасный, затягивающий. Рядом с ним она чувствовала себя красивой и маленькой одновременно. А Даниэль был как море в штиль, когда можно лечь на спину и просто лежать. Но именно в штиль её всё время тянуло оглядываться, нет ли под гладью чего-то очень большого.

– Знаешь, что странно? – сказала она. – Они оба знали маму. Оба как будто что-то про неё помнят и не говорят. Арсений ссылается на «все знали». Даниэль приехал в Сочи на съёмки, а находит именно те плёнки, которые про мой дом.

– Совпадения бывают.

– Не так часто.

– Ника, ты начинаешь параноить. – Полина мягко коснулась её колена. – Слушай, ты в стрессе, сорок два миллиона на голове, мать, дом, это всё нормально. Но не ищи заговоры там, где просто мужики бегают за красивой девчонкой. Мне вот интересно другое. Он вчера у тебя оставался?

– Кто?

– Ну кто. Громов.

– Нет. Ушёл после звонка.

– А испанец?

– Полин, ты следователь?

– Я подруга. – Полина улыбнулась широко и невинно. – Просто если ты будешь с кем-то из них, мне же надо знать, что готовить: шампанское или валерьянку.

Вероника хмыкнула и больше ничего не сказала, но что-то царапнуло её в этой интонации. Не слова, а ритм, слишком гладкий, как на репетированном вопросе. Полина всегда была любопытной, но обычно любопытство било фонтаном, а тут она спрашивала аккуратно, как врач, ощупывающий живот. Вероника отогнала мысль. Это же Полина. Полина, которая в девятнадцать ночевала с ней в больничном коридоре, когда у Вероники умер дедушка. Полина, которая прилетела по первому звонку.

– Ладно, – сказала она вслух. – Сегодня еду к Даниэлю. Смотреть плёнки.

– О-о-о, плёнки! – Полина подмигнула. – Прямо как в кино.

– Не начинай.

– Я молчу. Молчу как рыба. Как две рыбы. Как косяк рыб, объявивших бойкот.

Они расхохотались, и на минуту стало совсем легко. Солнце уже поднялось над кипарисами, жара наползала волной, и Вероника чувствовала, как на плечах высыхает вода, оставляя тонкую соляную плёнку. Соль на коже, подумала она. Странно, что она всё время возвращается. Как напоминание, что у любого моря есть вкус, и этот вкус не всегда сладкий.

***

Старая фотостудия пряталась во дворе четырёхэтажного дома на тихой улочке над набережной, и найти её без подсказки было невозможно. Нужно было пройти под аркой с облупленной лепниной, миновать двор с бельём на верёвках и огромной шелковицей, на которую давно никто не обращал внимания, и спуститься на три ступеньки к железной двери, выкрашенной в цвет мокрого асфальта. Вероника уже была здесь в прошлый раз, но сегодня шла иначе: не как в приключение, а как на допрос, который сама же и назначила.

Дверь была открыта. Изнутри тянуло проявителем, горячей пылью и чем-то сладким, табачным. В студии с вечера никто не прибирался: на полу лежали свёрнутые фоны, у стены стояли штативы, на подоконнике серебрились круглые коробки из-под плёнки. Окна здесь были высокие, застеклённые матовым стеклом, и солнце лилось через них молочным рассеянным потоком, без единой тени. В этом свете всё выглядело мягче, чем было на самом деле.

– Не стой на пороге, mi reina, тут сквозит от твоего ума, – сказал Даниэль.

Он сидел на корточках перед низким столом, заваленным бумагой, и поднял на неё голову. Серая льняная рубашка, рукава закатаны до локтей, тёмные кудри слиплись на лбу, под глазами тени. Шрам у основания шеи, белый, косой, как росчерк пера, чуть блестел в рассеянном свете. Он выглядел как человек, который не спал и не жалеет об этом.

– Ты в этом ходил всю ночь? – Она кивнула на его рубашку.

– В этом ходил, спал, думал, ругался. Она пережила больше, чем многие мои бывшие.

– Ты всегда начинаешь с шуток, когда тебе нервно.

– Вот это в тебе меня и пугает. – Он выпрямился, потёр ладонью затылок. – Ты читаешь людей как открытки. Проходи. Я принёс тебе кофе из той кофейни, которая тебе понравилась. Он остыл, но не обижается.

Кофе действительно остыл, но она всё равно взяла стакан. Пальцы на секунду коснулись его пальцев, и между ними будто проскочила тихая искра. Оба сделали вид, что ничего не было.

На столе, среди бумаг, лежали листы фотобумаги, прозрачные файлы с плёночными лентами и три тяжёлые картонные папки, перевязанные шнурками. Он взял одну, раскрыл и бережно, двумя пальцами, достал стопку чёрно-белых отпечатков с белыми краями.

– Это архив того, кто здесь раньше работал, – сказал он. – Старик по фамилии Ермолаев, он держал студию лет тридцать. Умер в позапрошлом году. Его дочь решила всё выбросить, а я забрал. Я вообще люблю чужие кладбища.

– Чужие что?

– Негативы. Они как кладбища. Люди ушли, а они остались, и все улыбаются.

Он разложил снимки веером. Вероника наклонилась. Сначала это были просто сочинские карточки: набережная, девочки с мороженым, толпа на пляже, парусная регата. Потом пошли

иные: яхты у причала, мужчины в светлых рубашках на палубе, лодочная станция. И вот на одном из отпечатков, в левом углу, она увидела знакомую набережную, ту самую каменную пристань с чугунными кольцами для швартовки, на которой стояла мама на её фотографии.

– Это… – Горло пересохло. – Это то самое место.

– Я так и подумал. Смотри дальше.

Он подвинул следующий снимок. Лидия, совсем молодая, в лёгком платье, смеялась, придерживая рукой волосы. Рядом с ней, чуть вполоборота, стоял мужчина. Но на этом кадре он был снят анфас, и Вероника впервые за все эти дни увидела его лицо.

Лицо было красивым. Жёстким, с твёрдой челюстью, тёмными бровями, насмешливым ртом. Он улыбался той самой кривоватой улыбкой, которая запоминается раньше черт. Но это был не Арсений. Что-то общее, да, разворот плеч, посадка головы, та же манера держать подбородок чуть выше, чем нужно. Но глаза светлее, и взгляд другой: открытый, лукавый, живой. Совсем не оценивающий.

Она выдохнула так, будто несколько дней задерживала дыхание.

– Это не он, – сказала она.

– Кто «он»?

Вероника подняла на Даниэля глаза. Он не отвёл взгляд, но выражение в нём стало чуть более осторожным, как у человека, идущего по тонкому льду.

– Я думала, что мужчина на маминой фотографии это Арсений. Что они были вместе. Что он… – Она замолчала. – Я весь вчерашний вечер сидела напротив него и думала, что мне врут в лицо.

– И как, это было приятно?

– Чудовищно. – Она села на край стола и потёрла переносицу. – А ты знаешь, кто это?

Пауза была такой короткой, что её можно было пропустить. Но Вероника была слишком напряжена, чтобы пропустить.

– Нет, – сказал Даниэль. – Не знаю. Подписи на обороте нет, дата только. Я не могу назвать человека, которого не знаю.

– Ты хорошо врёшь.

– Спасибо, – машинально ответил он и сам услышал, как это прозвучало. Поморщился. – Прости. Я хотел сказать… Вероника, послушай. Я знаю меньше, чем ты думаешь, но больше, чем могу тебе сказать сейчас. Это правда. Я не буду врать, что нет. Но я не вру в главном. Я не причиню тебе зла.

– Это так себе гарантия.

– Знаю. Это всё, что у меня есть.

Он сказал это просто, без драмы, и от этой простоты ей стало неуютно. Она смотрела на его руки: длинные пальцы, тонкие шрамики от порезов, чернильное пятнышко у большого. Руки художника, а не шпиона. Или те, кто хорошо маскируются, тоже выглядят безобидно.

– Ладно, – сказала она. – Что ещё у тебя?

Он достал вторую папку. Здесь были иные отпечатки, и на одном из них она увидела две фигуры на борту катера. Две молодые мужские фигуры, смеющиеся, обнявшиеся за плечи. Один, тёмный, лет двадцати, в расстёгнутой рубашке. Второй старше, плечистый, с тем самым лукавым лицом из предыдущего снимка. И в этом, что помоложе, Вероника с оторопью узнала Арсения. Тот же жёсткий разлёт скул, тот же прямой нос, только лицо мягче, открытее, без тяжёлых складок у рта. Мальчишка. Счастливый мальчишка.

– Они знакомы, – сказала она. – Они вместе.

– Похоже на родственников, не находишь? – осторожно сказал Даниэль. – Посмотри на плечи.

– Братья?

– Не знаю. Может быть. Двоюродные, дальние. Я не сыщик, я просто вижу формы. А формы у них одинаковые.

Вероника сидела с отпечатком в руках, и мысли шли по кругу. Мужчина на мамином снимке был похож на Арсения, потому что они родственники. Значит, Арсений знал, кто он. Знал, и когда смотрел на неё на террасе «Атлантиса», и когда произносил «все знали вашу маму». Знал и молчал. Теперь всё вставало на места, но места были неприятные.

– Он умер, – сказала она вслух. – Тот, мой… мамин. Если он был, он умер?

– Не знаю.

– Даниэль.

– Вероника, я правда не знаю. – Он опустился на корточки напротив, оказавшись ниже неё, и посмотрел снизу вверх. В его лице была какая-то беззащитная честность. – Слушай. Я давно привык жить так, что чужие тайны лежат у меня в кармане, как мелочь. Но с тобой это не получается. Я хотел бы тебе рассказать всё. Но если я начну, то дам тебе только половину, и тебе будет хуже, чем без неё. Дай мне время. Пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.